Эдуард Мельников

Телепрограмма
на завтра

Минск, 2005 год

«Лишь очень немногие живут сегодняшним днем.

Большинство готовится жить позднее».

Джонатан Свифт

Книга посвящена анализу проблем обеспечения населения Республики Беларусь объективной и исчерпывающей телевизионной информацией. Задаваясь вопросом о причинах стагнации телевизионного вещания в нашей стране, автор – журналист с многолетним стажем работы в эфире – предлагает обратиться к опыту создания систем общественного телерадиовещания в большинстве европейских стран.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Совета Европы.

Содержание

ЕЎРОПА
ЧАРКА ДЫ ШКВАРКА

От автора

Книги не меняют жизни людей. Если бы так было, давно уже люди, прочитав умные книги, обнялись бы и расплакались друг у друга на плече. Так говаривал мудрый мастер юному Алеше Дванову, герою романа Андрея Платонова «Чевенгур».

Все это верно. Но есть и другая мудрость, более древняя. Только вспоминают, как правило, почему-то ее первую часть: «Книги имеют свою судьбу». Вся же она звучит по латыни так: «Habent sua fata libelly pro capite lectoris» - «Книги имеют свою судьбу в зависимости от головы читателей».

Книга, которую вы держите в руках, не предназначена для праздного чтения. Это – не беллетристика. Но она – о том, что касается каждого. О телевидении. О том, каким оно должно быть в демократической стране. О том, что надо сделать, чтобы у нас, в Беларуси, телевидение перестало быть государственной вотчиной и прекратило транжирить наши с вами деньги, выплачиваемые в виде налогов, на нас же с вами оболванивание. Деградация государственного теле- и радиовещания – это фрагмент общей картины тотального контроля властей над всеми информационными ресурсами страны, над доступом граждан к любым источникам информации.

В июне 2003 года в Минске состоялась представительная международная конференция «Реформа телерадиовещания – требование времени», организованная Белорусской ассоциацией журналистов, департаментом масс-медиа Совета Европы и авторитетной международной организацией «Артикль 19». Конференция, создавшая прецедент широкого публичного обсуждения проблем реформирования массового телерадиовещания, показала в то же время и аморфность общественного мнения в том, как понимать задачи этого реформирования, каким образом его осуществлять. Именно поэтому Белорусская ассоциация журналистов выступила с инициативой проведения широкой общенациональной кампании кардинального реформирования государственной системы массового

телевизионного и радиовещания, превращения его в общественное телевидение и радио, служащее интересам всего населения. Начало кампании может положить выход этой книги к читателю.

Здесь, по сути, изложен развернутый проект трансформации заскорузлой и насквозь прогнившей машины «идеологического воздействия» в свободное и независимое телевидение и радиовещание, которое служит интересам большинства людей, живущих в Беларуси. К сожалению, подавляющая часть населения не связывает плачевное состояние экономики, свое собственное бедственное положение с правами гражданина на объективную и всеобъемлющую информацию. Общественное мнение в нашей стране не считает эти права условием и гарантией соблюдения других важнейших экономических и социальных прав. Поразительно, но такой подход демонстрируют и некоторые политики с репутацией демократов.

В сложившейся непростой ситуации идея создания общественного телевидения в Беларуси выглядит, мягко говоря, утопичной. Однако – не более чем намерение провести честные, справедливые и прозрачные парламентские и президентские выборы, создание правительства, пользующегося доверием народа. Такое требование содержится в программах почти всех политических партий, оппозиционных существующему режиму. К сожалению, как на уровне высокой политики, так и на уровне обыденного сознания редко увязывают одно с другим. А ведь реальное обеспечение гражданам права на получение всесторонней и объективной информации есть необходимое условие осуществления всех политических, экономических и социальных реформ.

Может быть, привлечение внимания к этой проблеме поможет выработке взвешенного представления о том, какая модель общественного и коммерческого теле- и радиовещания в наибольшей степени пригодна для Беларуси.

Цивилизованный мир уже прошел этот путь, основные вехи которого вполне различимы. Автор взял на себя лишь скромную роль честно

диагностировать сложившуюся ситуацию, а также донести сведения о том, как действует институт общественного телевидения, как осуществляется регулирование вещательной деятельности в большинстве стран Европы и во всем мире.

Если предельно четко обозначить проблему, то она заключается в том, что в Беларуси отсутствуют четыре основные условия создания и успешного функционирования телевизионного вещания, служащего обществу, а именно: особая правовая база, порядок управления, механизм финансирования и особые принципы формирования программной политики. В большинстве же цивилизованных стран телевидению придан такой статус, при котором оно получает возможность наилучшим образом служить обществу. Не власти, не какой-либо партии или политическому движению, не парламенту, а именно обществу – то есть всему населению. На практике это означает создание и законодательное обеспечение деятельности общественных и коммерческих телеканалов, сталкивающихся в конкурентной борьбе за зрителя. А за ним, за зрителем, остается право окончательного выбора. Объединенная Европа, несмотря на различия и особенности национальных законодательств, выработала общие принципы финансирования общественного телевидения, его организации, правовой защиты. Законодательная база общественного телевидения для стран-членов Европейского Союза содержится в массиве документов, принятых к обязательному исполнению. Среди этих документов есть и типовой закон об общественном телевидении, который допускает значительную свободу в выборе вариантов законодательства, регулирующего массовое телевещание в стране. Так что опереться есть на что. Было бы желание интегрироваться в цивилизованное телевизионное сообщество. Но для всех стран первейшим условием является то, о чем прямо заявлено в упомянутых документах: «Лицам, находящимся у власти, требуется мужество, чтобы создать у себя в стране действительно независимое общественное вещание и затем жить с ним. Однако лица, избранные гражданами, должны помнить, что они были избраны с единственной целью

– служить как можно лучше интересам этих граждан» (из преамбулы к Типовому закону об общественном телевидении, разработанному Европейским вещательным союзом).

В приложении к белорусской ситуации эти слова звучат, по меньшей мере, наивно. Но, может быть, борьба за общественное телевидение и покажет, есть ли в нашей стране общество, способно ли оно сопротивляться эгоистическим интересам кланов, отдельных лиц и отстаивать свои принципы.

Широкое, публичное обсуждение планов кардинального реформирования системы телерадиовещания, которое предлагает Белорусская ассоциация журналистов, объединит вокруг себя всех тех, кому небезразлично будущее нашей страны.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто оказывал помощь и поддержку в подготовке и издании этой книги:

Марио Отхаймеру, Алесссии Сонаглиони, Еве Саломон (Совет Европы, Страсбург);

Людгард Хаммерер, Федерике Прина, Морри Липсону (Международный центр против цензуры «Артикль 19», Лондон);

Роберту Хардту, Арне Руту, Перси Братту (Шведский Хельсинкский комитет, Стокгольм);

Кэтрин Дамблтон (Вещательный совет BBC, Лондон);

Хаги Шейну (Эстонский вещательный совет, Таллинн);

Игорю Яковенко, Александру Копейке (Союз журналистов России, Москва);

Представительству Немецкого фонда имени Фридриха Эберта в Республике Беларусь;

Независимой социологической лаборатории «Новак» и многим другим людям и организациям, которые принимали участие в конференциях и семинарах, посвященных проблемам реформирования электронных масс-медиа в Беларуси.

При подготовке книги использовались материалы аналитических докладов, подготовленных Союзом журналистов России: «Перспективы создания общественного телерадиовещания в Российской Федерации». – М, 2002; «Как создать общественное вещание в России?». – М, 2002.

Особая благодарность Юрию Вдовину («Гражданский контроль», Санкт-Петербург), усилиями которого были изданы на русском языке важнейшие документы Совета Европы и Европейского союза об общественном телерадиовещании.

И совершенно особенная признательность талантливому белорусскому карикатуристу Владимиру Чуглазову, благодаря которому все проблемы, о которых здесь говорится, выглядят не столь уж мрачно. Если мы смотрим на мир с юмором – значит, не все потеряно.

Жизнь как клип

Что делает человек, приехав с работы и войдя в темную квартиру? Конечно, включает свет. А что он делает следом? Он нажимает клавишу… телевизора. Во всяком случае, так поступают 56 человек из каждых ста, утверждает всезнающая социология. Что же, все эти люди сразу усаживаются перед телеэкраном? Нет, конечно. Они ужинают, просматривают газеты, занимаются разными домашними делами. А звучащий многими голосами и мелькающий разнообразными картинками телеящик им нужен для фона, чтобы веселее было, потеплее, что ли. Нечто вроде камина, скрашивающего однообразный быт. Ученые это явление так и называют: «фоновое восприятие телерадиопрограмм». Во многих семьях сейчас есть и по два, и по три телевизора. Все они при таком отношении превращаются в разновидность мебели, в деталь интерьера.

Конечно, абсолютизировать это явление не нужно: около сорока процентов из тех, кто сразу, придя домой, погружается в волны телеэфира, говорят, что попозже они смотрят ТВ более или мене внимательно. Но «после всех дел» включают телевизор только 17 процентов телезрителей – преимущественно пожилые люди, особенно женщины.

Однако, находясь у телевизора, человек не остается пассивным потребителем, а активно действует пультом дистанционного управления. Как только возникает опостылевшая реклама или передача не нравится, он мгновенно перебрасывается на другие каналы и редко возвращается к тому, с чего начал. Делая это довольно часто, он формирует свою, индивидуальную программу, состоящую из кусочков фильмов, новостей, обрывков ток-шоу, викторин, концертов, рекламы. Калейдоскоп у каждого свой, хотя найти какие-то общие черты в этой окрошке можно. Конечно, это совсем не то, на что рассчитывали создатели телепрограмм – сценаристы и режиссеры, хитроумные рекламщики и продюсеры, для которых рейтинг стал богом их профессии.

Явление приобрело уже и собственное название – «заппинг» (от английского «zup» - «бац-бац», или «застрелить, укокошить»). Заппингом занимается более половины телеаудитории. Сейчас телепрограммисты научились согласовывать свои действия, и зритель с нарастающим раздражением «прощелкивает» по два-три канала сразу, стремясь избавиться от осточертевших подгузников и прокладок. Своей цели он все же добивается: нахальное телевидение, напичканное фальсифицированными новостями, дешевой попсой, безмозглыми боевиками, крикливой рекламой, - «укокошено». Но взамен телезритель приобретает состояние, которое, по утверждениям психологов и психиатров, близко к клиническому диагнозу «мозаичная психопатия».

Можем констатировать: сейчас отношения телевидения и его аудитории напоминают военные действия, ведущиеся с переменным успехом. Нормально ли это? Наверно, нет. В этом мнении сходятся все. Однако о причинах создавшегося положения каждый судит по-своему.

Попробуем оттолкнуться от изначального - того, что не вызовет возражений.

Телевидение развилось столь быстро и столь бурно, что в этом хочется видеть чуть ли не явление природы. Практически за одно историческое мгновение – каких-то пятьдесят-шестьдесят лет – вокруг нас создалась среда, в которой не только образ мыслей, но самый образ жизни нашей кардинальным образом изменился. Среднемировой показатель времени, отводимого общению с телевизором – около четырех-пяти часов в сутки. Это сопоставимо с удовлетворением таких жизненно важных функций жизнедеятельности человека и его семьи, как работа, сон, воспитание детей. Телевидение создает свою, телевизионную реальность, которая формирует в сознании миллиардов людей картину окружающего мира. Но какова эта картина?

Публицист Валерий Кичин, систематически публикующий на страницах «Известий» обзоры телевизионной продукции, в одной из своих статей

выносит, по существу, приговор общественного мнения тому, что мы вынуждены поглощать вместо «пиши духовной» некую похлебку, которая способна только отравить: « …стараниями кино и телевидения грань между подонком и героем стала неразличимой. Искривление сознания. Болезнь телекомпьютерной эпохи, атрофия реализма... Жизнь как клип – минутный кайф, а дальше неважно что. Игровое кино соревнуется с хроникой в нагнетании ужаса, причем виртуальное перепуталось с реальным. Под лавиной кошмаров атрофируется вера в свою способность что-то изменить к лучшему. Остаются инстинкты – выживания, вражды к конкуренту, выталкивания слабейшего. Воспитанием этих инстинктов сейчас занято телевидение, оно искренне считает, что помогает народу приспособиться к капитализму. Потом так же искренно изумляется, что на людей телевидения все чаще нападают. А это просто возвращается бумеранг» (Известия, 2002, 10 января).

Действительно, телевидение уже не только отражает мир, но и творит его, поскольку оно творит массовое сознание. Его «вторичность» становится все более условной, и это заставляет во весь рост ставить вопрос об ответственности вещателей перед обществом.

Резюмируем на этом этапе: без телевидения нам всем уже не обойтись, однако в таком виде оно нас категорически не устраивает.

В Беларуси эта, общая картина постсоветского телевизионного пространства, омрачена тем, что телевидение превращено властями в особый род психотронного оружия. События последних лет убеждают, что это мощное средство влияния на умы людей в нашей стране почти полностью монополизировано действующей властью и служит ее интересам. Из средства информирования и просвещения населения, чем и призвано быть ТВ, оно превратилось в государственный орган массовой агитации и пропаганды, в средство идеологического зомбирования миллионов людей. Подавляющее большинство информационных программ освещает события в стране и мире чрезвычайно однобоко, а зачастую и недостоверно. Особенно

заметным это становится в периоды проведения политических кампаний. В это время государственное телевидение применяет такие приемы и методы влияния на аудиторию, которые нельзя квалифицировать иначе как психологическую войну против оппонентов власти, всех убежденных сторонников демократического реформирования общества.

Однако массовая телевизионная аудитория на поверку оказывается не таким уж податливым объектом воздействия. Объективные социологические исследования показывают, что телезритель вырабатывает свои способы если не борьбы, то противостояния этому непрерывному психологическому нажиму. Летом 2004 года независимая социологическая лаборатория «Новак» провела масштабный опрос белорусских телезрителей. Центральной частью анкеты, предложенной телезрителям в рамках общенационального социологического исследования, были вопросы, направленные на выявление имиджа - целостного, качественно определенного образа Белорусского телевидения, устойчиво воспроизводящегося в сознании телезрителей.

Об аудитории Белорусского телевидения вряд ли можно говорить как о едином целом, скорее, она поляризована на две противоположных группы («критиков» и «апологетов»), совершенно по-разному оценивающих его (Белорусского телевидения) настоящее и по-разному видящих его перспективы. Кроме двух полюсов, аудитория включает и значительное «болото» (безразличных, «нейтралов»), для которого телесмотрение является заполнением свободного времени, занятием по инерции и слабо связано с общественно-политическим самоопределением и самосознанием. Эта часть аудитории неоднородна и склоняется то к одному, то к другому полюсу в зависимости от обстоятельств.

Внушает оптимизм, что критически настроенная часть аудитории составляет значительную ее часть, что она объединяет наиболее «продвинутых» во всех отношениях граждан, что их позиция последовательна, внутренне непротиворечива, осознанна и четко выражена.

Респондентам были предложены шесть пар антонимических (противоположных) суждений о различных аспектах деятельности Белорусского телевидения: о полноте информации, ее объективности, всесторонности выражения мнений всех групп и слоев населения, отношении телевидения к власти и обществу, политике в отношении российских телеканалов.

Респонденты должны были выбрать из двух противоположных суждений то, которое они поддерживают, а степень своего согласия выразить при помощи 9-бальной шкалы, где «1» означает полное согласие с высказыванием критического характера, «9» -- полное согласие с высказыванием позитивного характера, «5» -- нейтральную позицию. И вот каковы итоги.

По всем шести парам высказываний картина получилась совершенно одинаковой.

Большая часть телеаудитории (от 55 % до 64 %) стабильно выражала согласие с критическими суждениями *(«Белорусское телевидение не дает полной информации…, навязывает аудитории свои оценки…, перекраивает программы российских каналов, чтобы исключить наиболее злободневные передачи…, выражает мнение лишь некоторых групп…, является инструментом власти…, перекраивание российских каналов лишает общественное мнение Беларуси альтернативного источника информации…»).* Причем более половины респондентов, согласных с критическими высказываниями, выражали свое мнение в крайней, абсолютной форме – «полностью согласен» (цифра «1» на шкале).

Около четверти респондентов заняли нейтральную позицию, не выражая согласия ни с критическими, ни с позитивными суждениями о Белорусском телевидении.

И лишь меньшая часть аудитории – примерно 20% - выражала согласие с позитивными суждениями относительно Белорусского телевидения *(«сообщает полную информацию…, объективно освещает все точки зрения…, стремится в полном объеме донести самые злободневные*

передачи российского телевидения..., выражает мнение всех групп общества..., влияет на деятельность органов власти от имени общества..., вытеснение российских каналов белорусскими позитивно, т.к. свидетельствует о развитии отечественного телевидения»).

Характерно, что телезрители, выражающие резко негативное отношение к Белорусскому телевидению, составили поистине монолитную группу. Те же, кто позитивно оценивал деятельность БТ, наоборот, как бы «размазаны», не уверены в своих оценках, непоследовательны в своем зрительском поведении.

Последующий корреляционный анализ показал, что люди, как правило, весьма последовательны в выражении своих взглядов: если человек недоволен каким-то одним качеством БТ (а таких, как уже говорилось, было большинство – до 64%), то ему не нравится и все остальное.

Если отношение к какой-то черте БТ позитивное (а таких, напомним, не более 20%), то оно распространяется и на все остальные стороны деятельности БТ.

Так же ведут себя и «нейтралы», то есть зрительское «болото»: им «до лампочки» все – от начала до конца.

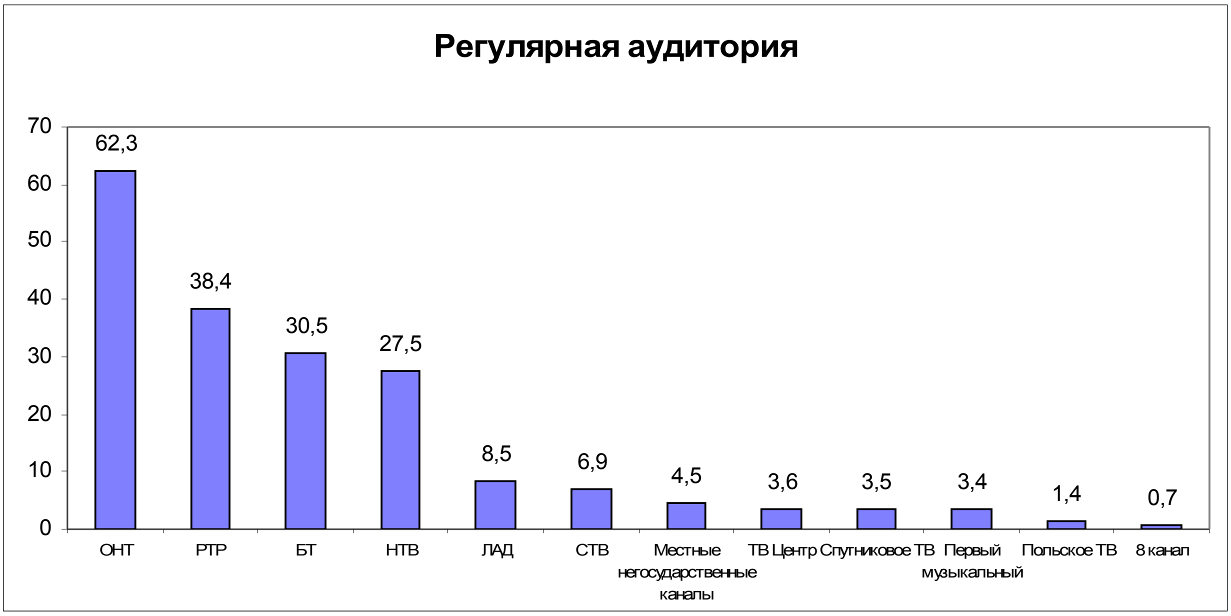
При этом выявились три явно «экстремистские» группы телезрителей: те, кто категорически негативно оценивают белорусское телевещание (их 36,8% от всех опрошенных телезрителей), категорические «позитивисты» - те, кто видит белорусскую «телекартинку» в исключительно «розовых» тонах (их 7,4%). Ненамного больше (8,4%) - несгибаемых нейтралов («пофигистов»).

Таким образом, можно сказать, что белорусская телеаудитория четко поляризована. Самую значительную ее часть, как бы ядро, составляют «критики» - носители негативного имиджа Белорусского телевидения. Это не только наиболее многочисленная, но и радикально настроенная группа (большая ее часть полностью, а не «в какой-то мере» поддерживает негативные оценки деятельности Белорусского телевидения).

Другие две группы – с устойчиво положительным и нейтральным отношением – не столь представительны. В составе аудитории их намного меньше. Кроме того, оценочная позиция «апологетов» менее кристаллизована (устойчива), чем оценочная позиция «критиков».

Это дает основание утверждать: именно **«критики» являются доминирующей, определяющей частью аудитории.**

Малоискушенному белорусскому телезрителю теперь предлагается не один кондовый БТ-канал, а целых четыре якобы белорусских телеканала. На самом же деле телезритель смотрит Первый общероссийский канал (бывшее ОРТ) под лейблом ОНТ, REN-TV под маркой СТВ, а сугубо белорусский «Лад» сдабривается наиболее качественными программами российской «Культуры», частоту которой он занял. Мягко выражаясь, это явление можно назвать паразитированием на чужом интеллектуальном продукте. Однако такая, своеобразная демонополизация телеэфира, а на самом деле диверсификация (многовариантность) все той же государственной монополии принесла свои плоды. Благодаря этому достигается главный результат – включенность аудитории в телевещание. По данным лаборатории «Новак», она выглядит следующим образом:

Как видим, основным, наиболее популярным каналом как для белорусской телеаудитории в целом, так и для отдельных групп, является

канал ОНТ. Этот канал постоянно лидировал ранее, когда был российским ОРТ, он же остается лидером и в формате ОНТ. Особенно высок рейтинг канала в группе «апологетов»: тут он заметно выше, чем в среднем по всей аудитории. В группе «критиков» рейтинг канала ниже средних значений, в группе «безразличных» его рейтинг еще ниже. Но, тем не менее, во всех трех группах канал ОНТ остается наиболее рейтинговым по сравнению с другими каналами.

Вторым (после ОНТ) по рейтингу телеканалом является РТР (Россия). РТР занимает второе место в целом по аудитории, а также в группе «критиков» и «безразличных», тогда как в группе «апологетов» канал «Россия» оттеснен на третью позицию. Отметим, что свой значительный рейтинговый вес канал набирает несмотря на то, что 26,6% населения Беларуси вообще не имеют возможности принимать его по своим телеприемникам.

Уникальна ситуация с каналом НТВ. В целом по аудитории он занимает четвертую позицию, а в группе «критиков» - третью, хотя более трети зрителей (36,6%) не имеют возможности его принимать. Солидный общий рейтинг канала (27,5% регулярных телезрителей) достигается в основном за счет его популярности у одной группы - «критиков», в большинстве проживающих в Минске и других крупных городах, где канал НТВ принимается. Рейтинг канала НТВ подтверждает высокий удельный вес группы «критиков» в белорусской аудитории и значимость этой группы для масс-медийной ситуации в стране.

Третью позицию с рейтингом 30,5% регулярной аудитории занимает Первый национальный телеканал (БТ). Основными почитателями Белорусского телевидения являются «апологеты» (рейтинг - 75,4% регулярной аудитории), тогда как среди «критиков» только 15,8% регулярно смотрят передачи телеканала, а 42,2% респондентов ответили, что практически не смотрят его.

Еще один общенациональный телеканал, ЛАД, доступный практически на всей территории республики, имеет в целом низкий рейтинг. Но он наиболее популярен в группе «апологетов».

Другие каналы телевидения из предъявленного списка не имеют возможности принимать от 66,5% аудитории (СТВ) до 93,5% аудитории (8 канал).

Канал ОНТ, как говорилось выше, является наиболее популярным в аудитории в целом. Программы новостей, транслируемые этим каналом - «Время» и «Наши новости», также занимают ведущую позицию среди информационных программ.

Однако по группам картина дифференцированная. У «критиков» аудитория программы «Время» составляет 53,0 %, тогда как аудитория «Наших новостей», идущих по каналу ОНТ, заметно (на 8,5%) меньше. Большую аудиторию (37,7%) в данной группе имеет программа новостей НТВ. Практически все «критики», которые регулярно смотрят канал НТВ, смотрят и новости на канале НТВ. Аудитория Панорамы среди «критиков» значительно меньше – всего лишь 13,5%.

«Безразличные» с одинаковой интенсивностью смотрят «Время» и «Наши новости». «Панорама» для этой группы – на третьей позиции.

Для «апологетов», несомненно, основной программой новостей является «Панорама». Популярен и другой белорусский выпуск – «Наши новости». «Время» (не говоря уж о других российских новостных передачах) менее значимо.

Практически, если часть «критиков» выключает телевизор после программы «Время», то часть «апологетов», наоборот, включает его именно в этот момент.

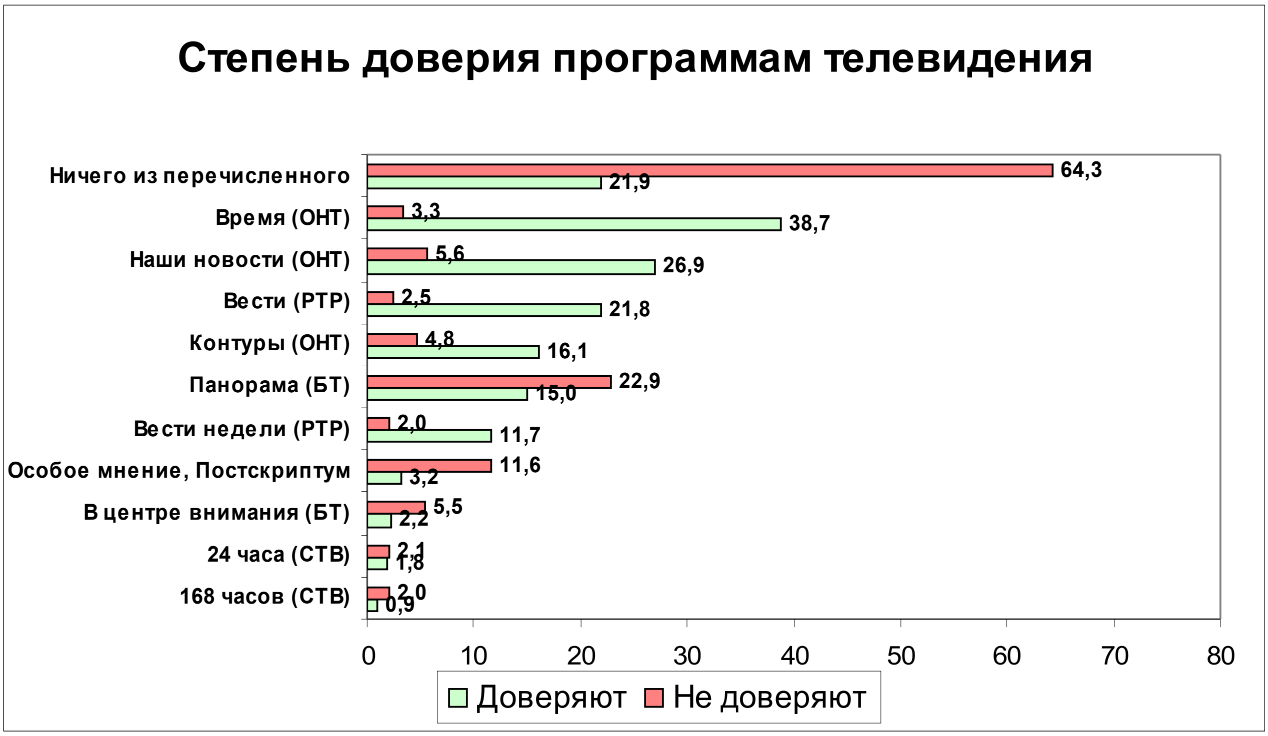
Аналитические программы смотрят меньше, чем новостные. Бесспорным лидером популярности в телеаудитории в целом является белорусская передача «Контуры» (ОНТ), тогда как другая белорусская аналитическая передача «В центре внимания» (БТ) – в аутсайдерах.

Если смотреть по группам, «Контуры» сохраняют свою ведущую позицию во всех трех группах. Однако наибольшей популярностью пользуются в группе «апологетов». «В центре внимания» эта группа смотрит также интенсивно.

«Критики», кроме «Контуров», активно включены в потребление российской программы «Вести недели».

Рейтинг «Постскриптума» (аналитические приложение к «Панораме») оказался повыше таких аналитических передач, как «В центре внимания» или «168 часов» на СТВ, однако он заметно ниже, чем рейтинг «Панорамы», за которой «Постскриптум» непосредственно следует. Скорее всего, значительная часть аудитории «Панорамы» (независимо от того, «критики» это или «апологеты») не смотрит «Постскриптум», переключая телевизор сразу же после того, как «Панорама» заканчивается.

Доверие – важнейший показатель отношения к средствам массовой информации и, в частности, к телеканалам и телепередачам. Однако включенность в потребление какого-то СМИ не обусловливается обязательным доверием к нему.

Как видим, ничему из того, что они видят на экране, не доверяют 64,3% опрошенных телезрителей. Вторым по значимости показателем недоверия является отношение к информационной программе БТ «Панорама» (22,9%).

Результаты опроса белорусской аудитории, проведенные независимой лабораторией «Новак», свидетельствуют, что, во-первых, информационным программам доверяют больше, чем аналитическим (чем больше рассуждений и меньше фактов, тем ниже доверие к передаче). Во-вторых, российским информационным передачам доверяют больше, чем их белорусским аналогам («Времени» доверяют 38,7% ее аудитории, «Вестям» - 21,8%, «Нашим новостям» - 26,9%, «Панораме» -- 15,0%).

Доверие к наиболее популярной аналитической передаче «Контуры» испытывают только 16,1% тех, кто ее смотрит. Наименьшим доверием среди аналитических программ пользуется «В центре внимания» (2,2%) и «Особое мнение» (3,2%).

Картина доверия значительно дифференцирована по группам. «Критики» доверяют больше всего российским передачам «Время» и «Вести» и больше всего не доверяют «Панораме» (43,7%) и «Особому мнению» (22,1%). В данной группе баланс в отношении многих белорусских передач склоняется в пользу недоверия («критики» им больше не доверяют, чем доверяют).

В группе «безразличных» доверием пользуется канал ОНТ. «Наши новости» и «Время» более или менее отмечены как пользующиеся доверием. Отношение к прочим передачам слабо выражено. Недоверие же практически не фиксировалось.

«Апологеты» исключительно привержены «Панораме» (доверяют 73,9% - практически все, кто ее смотрит в этой группе!). Доверия к «Нашим новостям» несколько меньше, но им тоже в этой группе доверяют все, кто смотрит.

Некоторое недоверие в группе вызывают лишь российские программы.

Вообще же, осознанное, дифференцированное недоверие к СМИ мы можем наблюдать и фиксировать только в группе «критиков».

В общем, модели потребления телеканалов, информационных и информационно-аналитических программ на белорусском рынке электронных СМИ не столь уж разнообразны.

Выделяются: а) модель с доминированием российских каналов и, соответственно, российских новостных и аналитических программ (характерна для «критиков»); б) альтернативная ей модель с сильным доминированием белорусских каналов (характерна для «апологетов»).

Вспомним, с чего начался наш разговор: с констатации «фонового» восприятия телепрограмм и «заппинга», принимающего поистине угрожающие масштабы. Косвенным образом все эти явления можно истолковать как пассивную форму протеста, крайнюю степень неудовольствия предлагаемым выбором и содержанием телепрограмм. С другой стороны, наиболее требовательная часть аудитории открыто заявляет о своей неудовлетворенности нынешним ТВ, о стремлении к иному, более высокому уровню контакта с телеэкраном.

Есть и иная сторона вопроса. У социологов не вызывает сомнения, что предпочтения аудитории в такой же мере сформированы сложившейся структурой вещания, в какой и определяют ее. Каналы вещают, зритель (обычный, массовый, не очень требовательный) привыкает к низкопробной кинопродукции, бесконечным викторинам и конкурсам, концертам и всяческой попсе. Затем он заявляет о своей привычке смотреть подобное телевидение. Ничего другого он заявить не может, потому что иного не видел. Требовательная же публика, в негодовании отворачиваясь от опостылевшего экрана, все равно присутствует возле него, обеспечивая, помимо своей воли, необходимый рейтинг. Возникает некий порочный круг, расширенное воспроизводство некачественного телевидения, которое неспособно выполнять свою главную социальную функцию: быть для миллионов людей окном в реальный мир, «очеловечивать обстоятельства», по выражению философа.

Есть и третья сторона вопроса. Корни этого явления кроются в сферах, далеких от честной, объективной социологии.

Поговорим о базисе

Применив терминологию Пола Самуэльсона, лауреата Нобелевской премии, автора всемирно известного труда «Экономика», мы не можем причислить телевидение к неограниченным ресурсам, то есть свободным благам, таким, как атмосферный воздух, например. (В скобках заметим: цивилизация все меньше благ делает свободными. Например, Россия учится торговать квотами на загрязнение атмосферы). Бесспорно, рукотворность той среды, которую создало телевизионное вещание вокруг человека, заставляет причислить ее к числу ресурсов ограниченных, то есть благ экономических. Добавим к этому, что весь комплекс технических средств советского массового телевизионного вещания создавался за счет прибавочной стоимости, созданной несколькими поколениями советских же людей. Следовательно, это хоть и ограниченные ресурсы, но право владения ими принадлежит всем. Такая вот экономическая и юридическая коллизия.

Резкие деструктивные изменения в системе массового телевизионного вещания, произошедшие в 1991-1992 годах, явились следствием общего социально-экономического и политического кризиса, крушения советской государственности. Как один из самых лакомых кусков общественного пирога, оставшегося безнадзорным, материально-техническая база массового телевещания, а также колоссальные возможности для извлечения доходов быстро привлекли к себе внимание крупного капитала, который к тому времени уже вышел из «тени». С другой стороны, управление телевизионным вещанием само по себе стало источником и средством первичного накопления крупного капитала в руках медиа-магнатов, о которых впоследствии узнали миллионы людей. Коммерциализация и трансформация управления главными государственными каналами стала возможной «благодаря» экономическому и бюджетному кризису начала девяностых годов. Вначале новая российская власть разрешила государственным компаниям собственную коммерческую деятельность.

Начался рекламный бум, тут же породивший многочисленные возможности теневого получения огромных финансовых средств. Возникшие возможности настоятельно требовали расширения законодательной базы дальнейшей коммерциализации государственного телевидения. В ноябре 1994 года вышел Указ Президента РФ о преобразовании государственной телерадиокомпании в акционерное общество ОРТ. В АО ОРТ 51% акций принадлежал государству, 49% - группе банковских и коммерческих структур. По существу, произошла бесплатная приватизация государственной (а здесь вполне уместно вспомнить полузабытое уже слово – «общенародной») собственности. К тому же (что представляется наиболее опасным), определенные кланы и лица приобрели возможность влиять на сознание миллионов людей. Вся дальнейшая история деятельности ОРТ, многочисленные факты его работы на власть при соблюдении собственных коммерческих интересов свидетельствуют об одной, но главной цели: обеспечивать стабильность истеблишмента в обмен на доступ к колоссальным финансовым ресурсам, каковыми являются рекламные доходы. По оценкам экспертов, в 2002 году телевидение в России заработало почти два миллиарда долларов, в 2004 – около трех миллиардов.

В 1993 году по Указу Президента РФ был создан крупнейший негосударственный канал НТВ. В том же году московская мэрия, близкие к ней коммерческие структуры и частные предприниматели создали «независимую» вещательную корпорацию МНВК, получившую лицензию на вещание на шестом центральном канале. Так возник телеканал ТВ-6. Если мы пролистаем телефонные справочники всех этих телекомпаний, то увидим, что в большинстве своем это телефоны бывшего Центрального телевидения или его многочисленных подразделений. Коммерческое общенациональное телевидение России возникло на материально-технической базе государственного телевидения, отчужденного от его истинного владельца – народа. Государственным средствам, поступающим на финансирование деятельности ОРТ, также нашли подходящее применение. Их успешно и

непрерывно «приватизируют» многочисленные «независимые» компании, производящие телевизионные программы и… продающие их тому же телевидению.

Телевизионное вещание огромной страны, ранее управлявшееся авторитарными методами, превратилось в классическое коммерческое телевидение со всеми печальными последствиями такой метаморфозы: засильем рекламы, погоней за формальными рейтингами, полным забвением принципов служения обществу. Вот свидетельство, что называется, из первых уст. Владимир Познер: «У телевидения три задачи: информировать, просвещать и развлекать. Причем именно в этом порядке. Сейчас наше телевидение представляет собой причудливую смесь коммерческого и государственного. Оно не просвещает, а если информирует, то не так, как должно. То есть не выполняются две его главные функции. Но раз телевидение – государственное, то нельзя ожидать, что оно будет правильно информировать» (Известия, 2002, 8 июня). К этому можно добавить, что невыполнение двух важнейших функций с лихвой перекрывается мутной волной попсовой эстрады, низкопробных юмористических программ, засильем криминальных отечественных сериалов, примитивных голливудских боевиков. Впрочем, все закономерно: природа не терпит пустоты.

Это привело к печальным последствиям. Как отмечает Ю.М. Розанова, «Российское телевидение претерпело радикальную трансформацию, которой не было аналога ни в одной другой стране. Став институтом зарабатывания денег, ТВ разрушило традиции отечественной журналистики, утратило связи с историей и культурой, потеряло нравственную основу и перестало формировать национальное самосознание. К несчастью, в России пока отсутствует механизм баланса интересов государства, общества и частного капитала в сфере социального функционирования телевидения в силу сложности создания четкой законодательной базы, и в связи с этим телевидение перестает осуществлять свои духовные, воспитательные,

этические функции» (Розанова Ю.М. Телевидение и государство: теоретические модели взаимодействия и российская практика. – Вестник МГУ, сер. социология и политология, 1999, №4, с.122).

Последующие события только подтвердили этот вывод. Уже несколько лет Союз журналистов России, российские и международные правозащитные организации ведут настоящую борьбу за создание правовых основ создания общественного телевидения в стране. Создано несколько инициативных проектов, способных регулировать деятельность общественного ТВ. Один из них, подготовленный видным юристом М.А. Федотовым, был представлен в Госдуму. Однако что мощное лобби, защищающее интересы владельцев и топ-менеджеров формально государственных (полугосударственных), а фактически коммерческих телеканалов и телекомпаний, противодействует продвижению этого и других подобных законов. В конце 2002 года бренд «ОРТ» с присутствующей в нем «опасной» буквой «О» был заменен на прежний – «1 канал», а в начале 2003 года ВГТРК отказалось от бюджетного финансирования, дабы не создавалось искушение преобразовать его в действительно Общественное телевидение. Джинн выпущен из бутылки. Дух наживы, извлечения сверхприбылей из массового телевизионного вещания оказывает настолько мощное воздействие на все происходящее в этой сфере, что понадобятся, наверное, сверхтитанические усилия властей, общества для того, чтобы положение стало нормальным. Если, конечно, интересы власти и общества совпадут, что маловероятно. В сентябре 2003 года в Санкт-Петербурге проходила представительная международная конференция, на которой анализировалось положение с конституционными правами граждан России на информацию. Резолюция конференции содержит неутешительные выводы:

- возможности граждан в сфере доступа к информации в России не соответствуют конституционным и международным нормам;
- осуществляется неоправданная и опасная для демократии концентрация СМИ в руках государства, особенно на телевидении;

- государственные и контролируемые государством СМИ вместо реализации права граждан на информацию все чаще становятся орудием массовой пропаганды и агитации в интересах власти.

Все вышесказанное имеет прямое отношение к Беларуси, поскольку население нашей страны находится в сфере вещания российских телевизионных каналов. Более того, в силу слабости творческого потенциала государственного телевидения Беларуси (это обусловлено внутриполитическими причинами), российские каналы оказывают определяющее воздействие на информационную ситуацию в РБ. Исследования, проведенные Независимым институтом социально-экономических и политических исследований, показали, что население Беларуси основную информацию о том, что происходит в собственной стране, получает… из российских телеканалов. Об этом заявили 78,1% опрошенных. Белорусское телевидение занимает второе место с большим отрывом: его в числе основных источников информации назвали лишь 64,1% респондентов.

Российский «опыт» интересен для нас еще и тем, что в Беларуси предприняты первые попытки превращения государственных телеканалов в предприятия со смешанным капиталом при очевидном протекционизме со стороны государства. 15 февраля 2002 года на основании президентского указа был создан второй национальный телеканал "ОНТ" ("Общенациональное телевидение"). Он учрежден в форме закрытого акционерного общества. В указе установлено, что 51 процент акций ЗАО принадлежит государству, остальные акции - участвующим в создании ЗАО коммерческим структурам. Председателем правления ЗАО "Второй национальный канал" назначен бывший председатель Национальной гостелерадиокомпании Беларуси. ЗАО «Второй национальный канал» президентским указом предоставлены значительные преференции по налоговым платежам, другие льготы.

С 1 января 2001 года на восьмом частотном канале (грубо изъятом у его бывших владельцев), в г. Минске и Минской области начало вещать "Столичное телевидение". В качестве его учредителей выступили: государственное предприятие "Агенство печати "Минск-Новости" (71% акций) и совместное предприятие "Космос ТВ" (29% акций). Несмотря на то, что СТВ организовано как коммерческая структура, президентским указом был назначен генеральный директор. Им стал бывший заместитель председателя Национальной телерадиокомпании. Для СТВ также предоставлены налоговые льготы, значительно улучшающие его экономическое положение.

Формальный статус коммерческих организаций, вещающих на каналах ОНТ и СТВ, никого не может ввести в заблуждение. Существуют правительственные документы, которыми: а) обеспечиваются равные с Белтелерадиокомпанией условия хозяйствования; б) возмещаются суммы налогов на прибыль и на добавленную стоимость, уплаченных из средств, полученных от рекламной и предпринимательской деятельности; в) открываются кредитные линии в белорусских рублях и иностранной валюте для финансирования проектов технического оснащения ЗАО «СТВ»; г) расходуются бюджетные средства для возмещения затрат на трансляцию и распространение программ «СТВ»; д) «Второму национальному каналу» и «СТВ» возмещаются суммы таможенных пошлин и НДС по контрактам на закупки оборудования и техники; ж) изыскиваются источники финансирования для расширения зоны вещания ЗАО «Столичное телевидение». И даже Белтелерадиокомпанию обязали освободить для новых участников общенационального вещания здание аппаратно-студийного комплекса по ул. Коммунистической, 6. Фактически это означает все то же государственное финансирование и все ту же государственную монополию, кое-как замаскированную под статус коммерческих организаций. Этому можно найти только одно объяснение: бюджетные (общественные, народные) средства становятся финансовыми источниками успешной

коммерческой деятельности, доходы от которой распределяются в интересах узкого круга лиц. Фактически взращиваются наши, белорусские олигархи, медиа-магнаты. Условие при этом ставится только одно: безусловная лояльность по отношению к действующей власти и неукоснительное исполнение ее идеологических заказов. На проявленную заботу новоявленные коммерсанты от эфира отвечают согласованной работой на ниве агитации и пропаганды. Характерно, что наиболее важные правительственные передачи, а также одиозные фильмы, изготовленные с целью унижения и уничтожения инакомыслящих, одновременно транслируются по всем трем (а то и четырем) общенациональным каналам. Нередко тематика информационных сюжетов в «Панораме» и «Наших новостях» совпадает почти наполовину. Всеми четырьмя телевизионными каналами создается особая, экранная реальность, призванная заслонить действительные проблемы, с которыми сталкивается большинство населения Беларуси.

Таким образом, на примерах осуществления массового телевизионного вещания как в России, так и в Беларуси отчетливо прослеживается связь между правовым, экономическим статусом вещательных организаций и их способностью (точнее, неспособностью) служить интересам общества.

Право знать все

(необходимое историко-философское отступление)

В 2001 году, в преддверии президентских выборов в Беларуси, социологи установили шокирующий факт: оказывается, около сорока процентов граждан и не подозревали о том, что в нашей стране имели место бесследные исчезновения видных политиков, бизнесменов, журналиста Дмитрия Завадского. А ведь с момента этих трагических событий прошло к тому времени около двух лет! Даже если предположить, что люди все-таки знали, но боялись отвечать утвердительно, это шокирует в ничуть не меньшей степени.

Общество погрузилось в атмосферу уныния и апатии, олицетворением которой стали расхожие стереотипы, эдакие «житейские мудрости» белорусского народа: «Нас это мало касается», «Дело темное, поди разберись», «Политика – дело грязное». На этой почве государственными СМИ умело взращивались расхожие стереотипы, имевшие вполне конкретную, так сказать, служебную цель: укрепить представления о незыблемости существующего порядка, посеять неверие в любые перемены. Вот они, эти стереотипы, крепко сидящие в сознании значительной части населения: «А кого еще выбирать, мы других и не знаем», «От реформ только хуже, а у нас стабильность, пенсию вовремя платят», « На Западе нас никто не ждет», «Живем мы неважно, но главное, чтобы не было беспорядков, войны» и тому подобное.

Агитаторов и пропагандистов от власти можно поздравить с полным успехом. Потому что им удалось невообразимое: успешно использовать средства массовой информации, в том числе и самое мощное – телевидение – для того, чтобы… никто ничего не знал и знать не желал. И это было названо «элегантной победой» на президентских выборах, а затем и на референдуме 2004 года! Правда, обещание «разобраться» с негосударственной прессой

свидетельствует о том, что беспокойство все же осталось. Эти беспокойство и страх соразмерны сохранившимся еще возможностям получать объективную информацию со страниц независимых изданий. Правда, возможности эти стремительно убывают…

Опасность такого положения очевидна. Потому что самая прочная несвобода – это несвобода сознания, несвобода внутренняя. У того, кто не подозревает, что он в тюрьме – нет шансов, потому что у него нет и не может быть надежды. Для того чтобы превратить миллионы здравомыслящих людей в стадо, ведомое пастырями, необходимо прежде всего отучить их смотреть по сторонам - думать, жить своим умом.

Если у общества нет возможности вытащить на свет божий всю правду о самом себе, оно — в болезненно-опасном состоянии. Прецеденты, с позволения сказать, имеются. В 1945 году немцы тоже твердили, что они ничего не слышали о лагерях смерти, об освенцимах, майданеках, бухенвальдах. Не знали или не хотели знать?

Как-то, уже много лет назад, довелось мне работать в архиве. Назывался он тогда ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. Многие историки, литераторы, архивисты помнят старинное здание, расположенное в верхнем городе, рядом с Кафедральным собором. Казалось, среди этих стен прошлое приближается к тебе вплотную. И вот, роясь в каких-то довоенных документах и подходя к сороковым годам, я неожиданно для себя стал обнаруживать экземпляры газет, выходивших в Минске во время немецкой оккупации. Занятное, надо сказать, чтение. Поучительное. Читая эти газеты, никак нельзя было сказать, что где-то идет большая, страшная война, а белорусскую землю топчет сапог оккупанта. Нет, напротив, от первой до последней строчки газетные страницы были заполнены «позитивной», «конструктивной» информацией. Например, много рассказывалось о порядочных гражданах, которые, не поддаваясь на агитацию «бандитствующих» элементов, стремятся наладить хозяйство, обустроить

жизнь. Сотрудничают с новыми властями, проявляющими о них повседневную заботу. Давалось много полезных советов о том, как грамотно провести сев или уборку, сохранить урожай, вовремя сдать его куда следует. Иногда, мелким шрифтом, мелькали объявления о том, что всем владельцам гужевого транспорта необходимо явиться к зданию магистратуры для участия в общественно полезных работах. Оставалось только догадываться, для чего понадобилось столько конных повозок: то ли для доставки к вокзалу молодежи, угоняемой на работы в Германию, то ли для перевозки трупов после очередной «акции» гестапо.

Ничего о реальной жизни белоруса в период оккупации из этих газет узнать было невозможно. Не для того они печатались. Их предназначение было другое: создать у этого самого белоруса иллюзию законности и стабильности власти, пришедшей на смену большевизму. Трудно сказать, насколько их воздействие было эффективным. Однако после окончания войны советская пропагандистская машина (вкупе с ГУЛАГом) немало потрудилась для того, чтобы освободить сознание советских людей от вреда, «нанесенного немецко-фашистской идеологией», как указывалось в соответствующих постановлениях ЦК.

Осознав гибельность тотального господства преступных режимов над умами своих сограждан, в послевоенный период мировое сообщество активно действовало в целях правового закрепления невозможности повторения подобного. В Декларацию прав человека, принятую и провозглашенную Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, был внесен специальный пункт N 19, гласивший: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». С необходимыми дополнениями этот пункт был включен в Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которая вступила в силу в сентябре 1953 года, а также, под

тем же номером 19, в Международный пакт о гражданских и политических правах, действующий с 23 марта 1976 года. В послевоенном мире постулат о праве каждой личности получать и распространять информацию вошел в законодательства о СМИ всех цивилизованных стран. Создана и пользуется огромным авторитетом международная организация «Артикль 19», выполняющая задачи контроля и мониторинга исполнения принципа свободы слова в различных странах. В большинстве из них созданы надежные правовые гарантии обеспечения прессе права получения всеобъемлющей информации о деятельности государственных органов, различных структур общества. Кроме того, отработаны действенные механизмы устранения язв и пороков общества, на которые указывает пресса. Но все это было там, в ином мире, за «железным занавесом».

Советская же пропаганда продолжала настойчиво убеждать советского человека, что он живет в лучшем из миров. Столь настойчиво, будто не была уверена, что он с ней согласен. Параллельно советское государство создавало надежную систему ограждения собственного народа от широкой, всеобъемлющей информации, способной зародить у кого-либо сомнение в незыблемости Советской власти. И совсем не парадоксально, что сама она и стала жертвой собственной закрытости, отгороженности от всего остального мира. Для того чтобы в этом убедиться, можно вспомнить прошлое, совсем недавнее.

В непроглядной тьме пустого зрительного зала голос вопрошавшего (полковника из штаба) звучал гулко и грозно:

- С какого летательного аппарата сделаны эти съемки?

Мы с режиссером Юрием Хащеватским недоуменно переглянулись: с какого, с какого - с вертолета, вестимо. Поднялись на высоту в километр и прошли по строго определенному маршруту, согласованному «в инстанциях». Когда пролетали над Полесьем, оператор применил широкоугольный объектив, искривляющий пространство, и бескрайняя изумрудная пойма с извивающимися по ней ярко-голубыми змейками рек,

блюдцами озер превратилась в полушарие, в некую зеленую и уютную, радостную планету. Таков был замысел режиссера: это был образ Земли — нашего общего дома, потому что обзорный фильм о Беларуси так и назывался: «Взгляни на свой дом».

Но представитель Белорусского военного округа, который принимал у нас отснятый материал (был такой обязательный этап в череде бесконечных сдач и просмотров), оставался неумолим:

- На космические съемки нужно специальное разрешение.

Мы, как могли, пытались доказать профессиональному военному цензору, что не могло это быть снятым из космоса, что если бы мы с Хащеватским вышли на орбиту, то это стало бы мировой сенсацией, и полковник об этом, конечно, знал бы из сообщений мировых агентств. Нам было и смешно, и горько, потому что самые первые кадры фильма, являющиеся его эмоциональным камертоном, были изъяты из монтажа, арестованы, и понадобились долгая переписка и хождение по инстанциям, чтобы нам их вернули. Просматривая сейчас старую видеокассету с фильмом «Взгляни на свой дом», я вспоминаю ту давнюю историю.

Это было далеко не первое столкновение с цензурой. И уже тогда нам, простым «труженикам эфира» — сценаристам, редакторам, режиссерам, операторам — от очень серьезных людей было известно, что охрана государственной тайны — это дело государственной же важности.

К тому времени я отработал на Белорусском телевидении почти пятнадцать лет и, как все, твердо знал правила, благодаря выполнению которых никогда не будет неприятностей с цензором. Например, нельзя снимать с точки, расположенной выше третьего этажа, и чтобы при этом ни в коем случае не была видна линия горизонта. (Когда я сейчас вижу панораму Минска, снятую с высоты птичьего полета, с распахнутым во все стороны горизонтом, я по привычке спрашиваю себя: а имеют ли эти ребята специальное разрешение на такие съемки?) Нельзя было снимать железные мачты на улице Радистов, хотя торчали они в центре Минска и всем было известно, что это и есть те

самые «глушилки», из-за круглосуточного воя которых не услышишь ни «Голос Америки», ни «Немецкую волну», ни другие «вражьи» голоса. А нашему телевидению невозможно было вести прямые трансляции из Дворца искусств по передвижной телевизионной станции: все время шла «наводка», искажающая сигнал, передаваемый в эфир. (Когда я сейчас вижу всего одну из уцелевших мачт, да и то со снятыми рогами и гроздьями каких-то конструкций, я понимаю, что теперь это — просто старое железо.) Нельзя было показывать штаб КБВО (Краснознаменного Белорусского военного округа). Операторам нравилось это красивое здание над крутой излучиной Свислочи, и они пытались отстаивать свои права, заявляя: «Ну кто ж не знает, что это штаб КБВО?» Но всякий раз их строго предупреждали о недопустимости… Правда, был краткий миг торжества, когда наш «Пентагон» во всей красе показали в программе «Время», на весь Союз. Но вопрос «проработали», и больше таких накладок не было.

На Гостелерадио работали два цензора (милейшие женщины!), числившихся в штате Главлита (Главного управления по охране государственной тайны в печати, на телевидении и радио), без разрешающего штампа которых ни одна микрофонная папка с текстом теле- или радиопередачи не могла быть сдана для производства записи или к прямому эфиру.

Правда, случались курьезы, и весьма серьезные по меркам того времени. Тексты цензоры читали, но они не могли чисто физически просмотреть все то, что шло в эфир. Если они чувствовали по текстам, что в видеоматериале могут быть «объекты» их внимания, то специально приходили на просмотры. Но это бывало редко. И вот однажды в безобиднейшей передаче о делах и заботах партийных организаций на селе (весенний сев, вопросы укрепления партийной дисциплины и т.д.) в кадрах, снятых на районной партийной конференции, и — о, ужас! - уже в эфире — была усмотрена утечка важной секретной информации. Редактору этой передачи тогда мало не показалось. И потаскали по разным кабинетам, и наказали примерно. А все дело было в

том, что, снимая зал, оператор сделал неспешную панораму, и в кадре оказались все делегаты конференции. Ну и что? — недоумевали мы, в сотый раз прокручивая злополучную пленку и по-прежнему ничего не понимая, — где же тут крамола? Сидят сумрачными, серыми рядами люди и обсуждают что-то скучное: где и чего тут «утечка»? А все дело в том, что там-сям среди однородной массы штатских попадались военные мундиры. Ну и что? — по-прежнему недоумевали мы. Нам терпеливо объясняли: зал снят таким образом, что вражеское око успело бы подсчитать количество военнослужащих - делегатов партконференции. Зная квоту представительства делегатов на районных партконференциях (ведь это была уставная норма КПСС), можно было вычислить количество военнослужащих, стоящих на партучете. А зная квоту приема в партию в наших Вооруженных Силах (негласная, но тоже норма партийной жизни), можно было составить представление об общей численности воинского контингента, дислоцированного в том районе.

Как это тонко, — думали мы, - никогда не додумаешься. Покачивая головами, мы, как небезызвестные «пикейные жилеты», говорили: да, цензор –это голова!

Вы должны понимать, внушали нам, что около 80% секретной информации извлекается из открытых источников, из прессы то есть. «Там, где надо» читают о нас все, вплоть до районных газет. Ну и что «они» выловят в районной газете? - посмеивались мы, - что колхоз перевыполнил план по корнеплодам, а доярка добилась высоких надоев? Ведь о другом в райгазетах и не пишут. Вот именно, - объясняли нам, - например, райпищеторг за месяц перевыполнил план в два-три раза. И газета это печатает, захлебываясь от восторга. А это может означать только то, что в район прибыла воинская часть, численность которой сопоставима с населением района, которая известна.

Мы были сражены. Против этого трудно было что-либо возразить. Нам убедительно доказывали, что охрана государственной тайны (а тогда все

было государственное) - это сложная и многоступенчатая система. Она должна быть стройной, строгой и действенной. Мы не могли с этим не согласиться.

Я бы с этим согласился и сейчас.

А потом началось что-то странное. С высоких трибун прозвучали слова «перестройка», «гласность». И пошло-поехало! Лавина новой, ошеломляющей информации обрушилась на головы миллионов и миллионов людей, пребывавших если и не в полной эйфории от завоеваний «развитого социализма» (все чувствовали, что в нашей жизни все очень неладно), то хотя бы в состоянии душевной стабильности. А тут…

- Ленин — немецкий шпион (публикуются документы). А вся эта Октябрьская революция… - В сталинских лагерях погибло людей не меньше, чем на фронтах Великой Отечественной… - С экономикой дело - полный швах, и скоро будет натуральный голод… - На оборону и на помощь «братским» партиям уходит столько, что хватило бы построить каждому по квартире, и т.д. и т.п.

А тут еще «Архипелаг ГУЛаг» вышел из печати. И рассказы Шаламова. И много другой, запрещенной ранее литературы. А газетно-журнальная периодика… Газеты выходили фантастическими тиражами. Люди, никогда не державшие в руках толстых журналов, записывались за ними в очередь, чтобы за ночь проглотить новые публикации в разделе… публицистики. Лекторы, приезжавшие «из центра» по линии общества «Знание» и всяким другим линиям, несли такое, за что еще пару лет назад можно было схлопотать долгий срок. Все это смешалось, создавая порой фантасмагорические ситуации.

Популярный анекдот тех лет. Муж звонит жене на работу:

- Ты сегодня газеты читала? — Нет, а что? — Это не телефонный разговор, дома расскажу.

Что мог узнать тогда рядовой советский человек, начитавшись советских газет и насмотревшись телевизионных программ? Что по урожайности зерновых СССР прочно занимал место в девятом десятке, находясь в одной группе с такими странами, как Кения, Замбия, Мадагаскар, Непал. Что по автомобилизации населения (69 машин на 1000 жителей) мы уступали Штатам в десять раз и находились между Бразилией и Ираном. По количеству телевизоров уступали Ливану, радиоприемников — Аргентине. Что по коэффициенту интеллектуализации молодежи (в классификации ЮНЕСКО) Союз переместился с третьего места в 1953 году на сорок второе к концу восьмидесятых. Что по уровню младенческой смертности (24 смерти на 1000 новорожденных) мы находились на уровне Барбадоса, Панамы, Шри Ланки и уступали Коста-Рике, Кувейту и Чили.

Много чего еще можно было прочитать тогда в советских газетах и услышать по советскому телевидению и радио.

Именно тогда в «Аргументах и фактах» промелькнула заметка о том, что наша Беларусь, оказывается, - самая великая ядерная держава! При этом назывались все белорусские города и поселки, где дислоцировались ракетные базы и скромно добавлялось, что эти сведения всем давно известны, потому что фигурируют при проведении советско-американских переговоров.

Бедные наши цензоры, не разрешавшие нам снимать выше третьего этажа! Что они обо всем этом думали, как себя чувствовали? И как это расценивали миллионы советских людей?

Обыденное сознание было смято, раздавлено, опрокинуто. Оно пыталось схватиться за что-то более-менее прочное, стабильное, надежное — и не находило этого в окружающей действительности. Хаос в мозгах порождал хаос в делах: в экономике, политике, общественной жизни, даже в быту. На фоне вмиг опустевших прилавков магазинов и резко взлетевших цен это производило в умах взрывной эффект.

Уже позднее, после Вискулей и создания СНГ, в газетах часто цитировались слова Рональда Рейгана, сказанные им в пору его президентства, что если русские узнают, в каком действительно мире они живут, то «империя зла» немедленно рухнет.

Потоки «гласности» вышли на полную мощность примерно к 1987 году (70-летие Октября создавало массу поводов для переоценки всех прежних ценностей), а в конце 1991 года Советский Союз почил в бозе.

Гласность и распад (развал - кому как удобнее) казавшейся непоколебимой державы - связь между этими явлениями несомненна. Жесткая закрытая система не выдержала испытания на гибкость и треснула.

Могло ли быть иначе? Риторический вопрос о вариантности того, что уже произошло. Если произошло, значит, по-другому и быть не могло. Разве что в деталях, личностях, отдельных событиях. Даже идеалист (но диалектик!) Гегель, обосновавший неотвратимость исполнения воли Провидения в чеканной формуле «все действительное разумно, все разумное — действительно», это понимал. Следуя Гегелю, спросим себя: если нечто перестало быть действительным, значит, оно было… неразумным?

…В нашем фильме «Взгляни на свой дом», в эфир по Интервидению вышедшем в феврале 1986-го, все же мелькали кадры, в той или иной мере связанные с космосом. Но они не вызвали ни малейших возражений со стороны строгих цензоров. Например, белорусский космонавт Владимир Коваленок, направив в иллюминатор самолета объектив какого-то прибора, изучал земную поверхность. Прибор этот назывался «СКИФ» и был создан в Институте физики Академии наук БССР. Учеными была снаряжена экспедиция для испытаний «СКИФа» на аэрокосмическом полигоне под Курском. Исследования эти велись по теме кандидатской диссертации Владимира Коваленка. Вместе с учеными и космонавтами увязались в эту экспедицию и мы — съемочная группа белорусского «Телефильма».

Площадка с громким названием «аэрокосмический полигон» представляла собой несколько гектаров плодородной курской земли, где стояли домики-лаборатории, утопавшие в пышных овсах, ячменях, пшенице и прочих сельскохозяйственных культурах. А суть эксперимента заключалась в том, чтобы дистанционно замерить прогнозируемую урожайность с разных уровней — с высоты 2–3, затем с 10–12 километров, затем с орбиты — и сличить эти данные с реальной урожайностью. Таким образом проверялась точность и надежность прибора «СКИФ».

Для чего это было нужно, я понял позже, когда прочитал заметку в «Известиях» о том, что уже 11 мая(!) 1990 года Министерство сельского хозяйства США не только с большой точностью предсказало прогнозируемый урожай зерновых в СССР, но и рассчитало объемы дефицита, соответственно — предполагаемых закупок зерна, которые Союз произведет в Америке, соответственно — цены. Против нас работали развитые информационные технологии, и мы старались ликвидировать свое хроническое отставание. Но оно, это отставание, все больше усугублялось, и решение проблем нужно было искать не в небесах, а на грешной земле. Советское общество оставалось невосприимчивым к новациям, и информационные потоки обтекали одну шестую часть земной суши, не привнося никаких изменений, а, напротив, провоцируя все большую и большую закрытость этого общества. В том же 1990 году, выступая в программе «Время», космонавт Алексей Леонов с горечью говорил о том, что наблюдения с орбитальных станций дают полную и точную информацию о наших земных делах, которая вступает в вопиющие противоречия с официальной статистикой.

В том-то все и дело. Прорываясь вперед в отдельных, узких областях знания (преимущественно связанных с развитием военной и космической техники), советская экономика и наука оставляли далеко позади все гражданское общество, которое попросту тихо умирало. Но для того, чтобы

это не бросалось в глаза всему остальному миру (иначе о каких завоеваниях социализма могла идти речь?), существовали официальная советская статистика и пропаганда «советского образа жизни». Однако постоянно выскакивали какие-то несуразности, которые приходилось «гасить».

Например, официозные «органы печати» победно сообщали о значительном перевыполнении плана железнодорожных грузоперевозок, а через некоторое время другие газеты ехидно, устами какого-то специалиста, разъясняли, что по рельсам перевезено грузов в два раза больше, чем составляет весь советский ВВП за этот год. Становилось очевидным, что железная дорога перемещала грузы навстречу друг другу, стремясь перевыполнить пресловутые социалистические обязательства. Или возила что-то такое, что не входит в официальный советский ВВП. И что прикажете делать с такой информацией? Где ее перекрывать? Пресса сообщала советскому читателю, что мы выпускаем комбайнов и тракторов в пять раз больше, чем США, а в других газетах (а иногда и в тех же, но чуть позже) он читал, что наш трактор и комбайн служит в пять-шесть раз меньше, чем американский. Становилось ясно, что американцам и не нужно столько машин, а мы просто в трубу выпускаем уголь, металл, другие ресурсы. Бесплодно развиваем тяжеловесную группу «А», оставляя советский народ без группы «Б» — качественной обуви, одежды, питания и другого «ширпотреба».

Внимательный читатель советских газет, сопоставляя и анализируя, мог извлечь из них объективную информацию. И старая, традиционная цензура ничего с этим уже поделать не могла. Поэтому приходилось «гасить» целыми площадями, изымать из открытого оборота все большие массивы информации, важной не только массовому читателю, но и специалистам, которые готовили руководящим товарищам проекты ответственных решений. Доходило до того, что наши ученые стремились получить доступ к зарубежным источникам, в которых сведения о советской экономике и всем

прочем были более обширными, достоверными и надежными, и там их никто не скрывал. Но доступ этот был сильно ограничен, практически перекрыт. В результате министерства и ведомства, государственные учреждения, становясь жертвой закрытости собственного общества, принимали решения, основываясь на заведомо недостоверной информации. Следовательно, эти решения изначально не могли быть выполнены. Или их выполнение приводило к обратным результатам.

В итоге никто уже не понимал, что происходит и откуда все растет. И так оно катилось до 1991 года, когда скрытые проблемы советского общества впервые прорвались в сферу открытой высокой политики. В итоге произошло то, что просто не могло не произойти. А если у кого-то остаются сомнения, то можно привести всего один, но достаточно красноречивый факт. О нем рассказал, вспоминая начало 90-х годов, известный экономист и публицист Отто Лацис. Опираясь на серьезные и, как водится, закрытые документы, он сообщает, что к ноябрю 1991 года запасов зерна в стране имелось до февраля 1992 года, зерновая зависимость СССР составляла 35–40 миллионов тонн, но в кредит нам уже не давали, а собственных денег не было, потому что золотовалютный запас был почти на исходе.

Когда имеешь достоверную информацию, все становится понятнее…

Казалось, что к этому уже не будет возврата. Однако новейший белорусский исторический опыт опроверг незыблемость утверждения, что время не возвращается. И оказалось, что история не всегда повторяется в виде фарса. Она способна создавать и новые жанры, - например, народной драмы со зловещими оттенками трагедии и того же фарса, разыгрываемого всерьез. Всем памятны попытки протащить через белорусский парламент проект закона об информационной безопасности. Как водится, проект готовился в глубокой тайне, и только случайно, из российских (!) источников стало об этом известно. Но проект закона был настолько одиозен, что даже

«карманная» Палата представителей не смогла его одобрить. Однако знакомство с большинством материалов государственной прессы и передачами государственного телевидения и радио показывает, что подобный закон давно действует де-факто: настолько все однобоко, тенденциозно, переврано, извращено. Если пользоваться только официальной информацией, то понять, что на самом деле происходит в стране, невозможно. Наверное, это и является целью штатных агитаторов и пропагандистов, формирующих на этой базе некую новую государственную идеологию. Им невдомек, что наибольшей угрозой национальной безопасности является наличие в стране больших масс неинформированных, дезориентированных людей. Такие люди, как правило, антисоциальны. Их поведение слабо предсказуемо, и это рождает в обществе обстановку нестабильности. Но, похоже, тем, кто привык все проблемы решать силовыми методами, так не кажется.

В мире давно идет информационная революция, суть которой – максимальная открытость общества, создание благоприятных возможностей каждому гражданину максимально проявить себя, состояться как личности.

Если в прежние времена стержнем общественно-экономических формаций были отношения собственности на природные ресурсы – землю, полезные ресурсы, орудия труда, недвижимость и т.д., то в нашем мировом информационном обществе все большую значимость приобретают проблемы доступа к информации и владения ею.

Как отмечается в Окинавской Хартии глобального информационного общества, принятой лидерами стран «Большой восьмерки» 22 июля 2000 года, «Информационно-коммуникационные технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия

правительства и гражданского общества… Суть стимулируемой ИТ экономической и социальной трансформации заключается в ее способности содействовать людям и обществу в использовании знаний и идей. Информационное общество… позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления».

Но что нам до того? Информационной революции мы противопоставляем информационную автаркию – полную закрытость, а революционизирующему влиянию информации на сознание человека – средневековую заскорузлость «государственной идеологии», которую толком и сформулировать не можем. Мы снова говорим на разных языках со всем остальным миром. Кому от этого будет хуже? Вопрос риторический.

Ширма для беззакония

Политико-правовую ситуацию в электронных СМИ в нашей стране можно охарактеризовать словами древнеримского поэта Квинта Горация: «какая польза в напрасных законах там, где нет нравов?»

В сегодняшней Беларуси этот вопрос, заданный более двух тысяч лет назад, по-прежнему актуален. В самом деле, зачем писать напрасные, никому не нужные законы? И так всем ясно: электронные СМИ, наиболее мощное «идеологическое оружие», находится под полным контролем и в своей деятельности подчиняется даже не указаниям правительства, а директивам высшего должностного лица государства? К чему создавать силу права, если безотказно действует право силы?

В тексте действующего с 13 января 1995 года Закона «О печати и других средствах массовой информации» упоминание об электронных СМИ присутствует лишь дважды. В разделе 1 «Общие положения» (Статья 1 «Основные понятия о (?) средствах массовой информации») упоминается, что «Под государственными республиканскими телерадиоорганизациями имеются в виду государственные телерадиоорганизации, учредителями которых выступают республиканские органы государственной власти и управления», а местными, соответственно, - местные. А в разделе 3 «Распространение массовой информации», в статье 29-1 «Обязательные информационные программы» сказано буквально следующее: «Государственные телерадиоорганизации готовят и обеспечивают распространение в информационных программах заявлений и обращений президента республики Беларусь, высших должностных лиц, статус которых установлен Конституцией Республики Беларусь, а также иных общественно значимых фактов о деятельности государственных органов»

И это все. Истинная лапидарность и чеканность формулировок. Государственное телерадиовещание обеспечивает распространение заявлений высших государственных лиц, а также всего иного о государстве,

что важно для общества. Кто решает, что важно для общества? Конечно, государство!

В порядке внесения изменений и дополнений в этот закон предложена специальная глава (№6) «Особенности деятельности телевизионных и радиовещательных средств массовой информации». Здесь присутствуют шесть статей, заслуживающие упоминания: ст.33 «порядок осуществления телевизионного вещания», ст.34 «Лицензирование телерадиовещательной деятельности», ст.35 «Вещание без лицензии» (не спешите радоваться, эта норма для тех, кто вещает по «проводной сети» не более чем на десять приемников или на одно юридическое лицо, а также... для Белтелерадиокомпании), ст.36 «Выходные сведения телевизионного и радиовещательного средства массовой информации», ст.37 «спонсорство радио- и телевизионных программ». Статья 38 «Обязательные информационные программы» нам уже знакома, однако здесь она дополнена правом президента «без предварительного согласования с государственными телерадиоорганизациями» (неслыханная смелость!) обращаться к гражданам по важным вопросам.

Однако эти поправки к закону не были приняты, все осталось в прежнем состоянии.

Из 56 зарегистрированных в Беларуси телепрограмм 17 имеют государственную форму собственности (7 являются подразделениями НГТРК, 10 учреждены местными органами власти). Из 130 радиопрограмм 105 – государственные (девять из них входят в структуру Белтелерадиокомпании).

Доминирующую, можно сказать, подавляющую роль в белорусском телевизионном и радиоэфире занимает Национальная государственная телерадиокомпания республики Беларусь. В ее состав входят Первый национальный канал (БТ-1), телеканал «Лад», пять областных телерадиообъединений, Первый национальный канал Белорусского радио, радиостанция «Беларусь», радиоканал «Культура».

Объем телевизионного вещания БТ-1 – в среднем 19,5 часов в сутки. Потенциальная аудитория – 99% населения страны.

Государственный Первый национальный радиоканал и «Культура» (бывшее Радио-2) вещают в среднем 15-18 часов в сутки. Первый радиоканал, кроме Беларуси, устойчиво принимают и в приграничных районах Украины, Польши, Литвы, Латвии. С июня 1998 года государственное Белорусское радио ретранслируется на некоторые районы России. Радиостанция «Беларусь» - это спутниковое вещание на регионы США и Канаду – для «соотечественников за рубежом».

12 июля 2003 года в Беларуси начала вещание новая радиостанция "Радиус FM". Она заняла частоты, на которых раньше звучала радиостанция "Сталіца". Подготовительная работа продолжалась всего четыре месяца. Этот год НГТРК объявила для себя годом радио и активно взялась ломать и отстраивать существующую систему. По словам тогдашнего председателя НГТРК Егора Рыбакова, создавалось четыре национальных канала радио. "Первый национальный телеканал радио" - по проводной сети. Второй канал - "Культура", вещающий в УКВ-диапазоне и на второй кнопке. Третий канал - это открывшийся "Радиус". Четвертый - информационный канал "Сталіца", который на частоте, ранее занятой российским «Маяком». Это изменения на национальном уровне. На региональном каждое государственное облетерадиообъединение обзаводится FM-передатчиком и собственной программой.

Соответственно своему фактически монопольному положению в телерадиоэфире Белтелерадиокомпания имеет и совершенно особый, нигде не виданный правовой статус. Президентским указом №128 от 28 сентября 1994 года ей был придан ранг центрального органа государственного управления и одновременно средства массовой информации. Несмотря на то, что тогда же, в 1994 году, Конституционный суд признал этот указ нарушением ст.13 Конституции РБ (всем субъектам хозяйствования – равные условия деятельности), положение остается неизменным до настоящего

времени. Напротив, указом №174 от 24 апреля 2003 года НГТРК придан статус «государственного учреждения, которое подчиняется президенту и исполняет отдельные управленческие функции». Таким образом, Белтелерадиокомпания выведена из юрисдикции даже правительства и подчиняется в своей деятельности только одному лицу в государстве, при этом выполняя и функции органа государственного управления. Поистине, «Государство – это я!»

Все изменения последних лет на государственном телевидении можно обозначить только такими словами: завинчивание гаек, укрепление авторитарных методов руководства творческим коллективом, устранение неугодных людей (штатных комментаторов и приглашенных выступающих) с телеэкрана, превращение телевидения в инструмент тотального контроля над обществом. Основными этапами этого процесса можно назвать следующие меры, предпринятые с целью установления абсолютного торжества административного произвола.

1. Перерегистрация юридического лица Гостелерадио РБ в Белтелерадиокомпанию в конце 1994 года. Это дало возможность новым руководителям телевидения и радио избавиться от неугодных людей безо всяких проволочек, связанных с судебными исками обиженных.

2. Наделение Белтелерадиокомпании статусом органа государственного управления, регулирующего все важнейшие процессы в этой сфере.

3. Уничтожение коллегиальности руководства творческим процессом, исключение общественного мнения профессионалов как фактора принятия важных управленческих решений.

4. Полное перекрытие информации о творческой, производственной и финансовой деятельности Белтелерадиокомпании для общественности, для прессы. Белорусское телевидение стало закрытой организацией, утечка документированных сведений о котором практически невозможна.

5. Создание информационного спецназа под названием Агентство телевизионных новостей, основными методами «деятельности» которого

стали фальсификация или подтасовка фактов, диффамация, нанесение ущерба деловой репутации организаций и т.д.

6. Отдав предпочтение информационной службе, многократно усилив ее экономически и технически, новое руководство фактически ликвидировало другие разделы вещания - литературно-драматическое, музыкальное, научно-популярное. Вместо добротных, качественных передач эфир заполнила дешевая попса и трансляции с различных чествований, «дожинок», празднований юбилеев с участием первых лиц государства. С 2001 года не работает белорусский «Телефильм», разрушена школа белорусской кинодокументалистики, имевшая богатые традиции и немалые творческие достижения.

7. Кадровый разгром дееспособного творческого коллектива Белорусского телевидения. Первые массовые увольнения 1994 года были только началом. Всем памятны публикации в негосударственных газетах о создании т.н. дирекции «перспективного вещания» и о том, что за этим последовало. За последние годы уволены сотни сотрудников и «набраны» (другого слова не находится) непрофессионалы, готовые исполнить вариацию на любую заданную тему, а то и озвучить тексты, написанные в иных стенах. А ведь формирование квалифицированного публициста эфира – дело не одного года. Эти годы проходят сейчас впустую.

Белорусские чиновники, формирующие и осуществляющие государственную информационную политику, отрицают сам факт монополизации властью рынка электронных масс-медиа. Они заявляют, что в Беларуси имеется значительный сектор негосударственного телерадиовещания.

Действительно, из 56 зарегистрированных в Беларуси телепрограмм 39 программ телевизионного вещания имеют негосударственную форму собственности. Более полутора десятков наиболее крупных региональных телевизионных вещателей объединены в Телевизионную вещательную сеть, суммарная аудитория которой насчитывает около 3,5 миллиона зрителей.

Лицензии министерства связи на деятельность в области кабельного телевещания имеют более ста организаций. Некоторые из них ведут собственное вещание. Около 60% абонентов кабельных сетей являются клиентами 24 негосударственных телекомпаний, входящих в Белорусскую телевизионную ассоциацию. Самый крупный оператор кабельного телевидения – МТИС – государственное предприятие «Минские телевизионные информационные сети», собственность столичного горисполкома. С декабря 2000 года в Минске приступило к созданию кабельных сетей совместное белорусско-американское предприятие «Космос ТВ».

На рынке радиоинформации в негосударственной форме собственности выступают 25 радиопрограмм, эфирное вещание которых составляет от 20 до 24 часов в сутки на территории страны и за ее пределами. Самую большую аудиторию охватывают государственные радиостанции. Их – 105 (девять из них, как уже говорилось, входят в структуру Белтелерадиокомпании). Коммерческие FM-радиостанции не могут сравниться с государственным вещанием, однако в совокупности они оставляют его далеко позади (около 65% против 30% у Белорусского радио и местных государственных вещателей). Однако в действительности этой совокупности не существует. FM-вещатели действуют каждый сам по себе. К тому же качественный уровень их продукции оставляет желать много лучшего.

В канун 2003 года на встрече с коллективами ОНТ и СТВ Лукашенко затронул тему деятельности многочисленных кабельных каналов, которые (цитируется по газетному отчету) «повырастали в городах страны как грибы после дождя и не зарегистрированы надлежащим образом». 30 декабря в качестве новогоднего подарка всем негосударственным вещателям и кабельным операторам было преподнесено Постановление Совета министров №1826. Этим постановлением функция выделения теле- и радиочастот предоставлена Министерству информации как самому главному «министерству правды». Кроме того, была проведена перерегистрация ранее

выданных лицензий на предоставление услуг по эфирной трансляции звуковых и телевизионных программ. Под перерегистрацию подпадали более ста восьмидесяти телевизионных и радиостанций. Фактически все региональные вещатели были «взяты на крючок» аккурат в преддверии выборов в местные органы власти, состоявшиеся в марте 2003 года. Стало ясно, что именно означает «идеальный порядок» в этой отрасли.

Постановлением Совета Министров РБ №724 от 30 мая 2003 года утверждено Положение о предоставлении на конкурсной основе права наземного эфирного телерадиовещания. В соответствии с пунктом 15 этого Положения при определении победителя конкурса учитываются следующие основные критерии:

- перспективность творческой концепции и основных технико-экономических показателей;
- информационное наполнение эфира;
- возможность реализации данного вида деятельности, в том числе финансовая состоятельность заявителя.

Наибольшую тревогу вызывает расплывчатость таких критериев, как «перспективность творческой концепции» и «информационное наполнение эфира». Создание Республиканской комиссии по телевидению и радиовещанию в условиях полной закрытости от общественности, присутствие в ней почти исключительно государственных чиновников рождают опасения, что условия конкурса могут стать одним из эффективных средств цензурирования не только отдельных программ, но и всей вещательной деятельности. К этому следует добавить, что указанным постановлением государственные электронные СМИ освобождаются от обязательного прохождения конкурса. Логичен вопрос: для них нет обязательного условия о перспективности творческой концепции и информационном наполнении эфира?

Ровно через месяц, 30 июня 2003 года, вышло Постановление Совета Министров РБ «Об утверждении Положения о приемных системах

телевидения и радиовещания». Как указано в п.1 Положения, оно «разработано в целях упорядочения деятельности юридических и физических лиц в области эксплуатации распределительных сетей приемных систем телевидения и радиовещания и предоставления услуг с их использованием». Однако более детальное знакомство с текстом этого документа заставляет предположить, что некоторые требования, заложенные в нем, создают предпосылки не столько для «упорядочения», сколько для введения цензуры и внесудебного, незаконного вмешательства в деятельность операторов кабельной связи. Учитывая то, что в наших условиях в положении гонимых неизменно оказываются негосударственные субъекты хозяйствования, становится очевидным, что Положение принято с явной целью дальнейшего усиления государственного влияния в этой сфере.

Так, п. 4 предусматривается, что «контроль за соблюдением операторами требований законодательства Республики Беларусь о средствах массовой информации, **количеством телевизионных и радиовещательных программ, транслируемых в приемных распределительных системах телевидения и радиовещания (**выделено мной – Э.М.)**,** осуществляется Министерством информации и местными исполнительными и распорядительными органами». Как видим, контроль за исполнением законодательства предоставляется местным исполнительным и распорядительным органам, что является нарушением Конституции Республики Беларусь. К тому же, этим самым органам дано право регулировать объемы трансляций, а также (что предусмотрено п. 5 Положения) определять территории «на которых будут действовать либо действуют приемные распределительные системы телевидения и радиовещания». Вкупе с правом осуществлять контроль за функционированием кабельных сетей по вопросам, «входящим в их компетенцию», местные органы власти получают поистине неограниченные, тотальные полномочия, вполне достаточные для того, чтобы подчинить негосударственных операторов кабельной связи административному диктату.

Как такого рода полномочия применяются на практике, все увидели в июне 2003 года, когда Министерство информации приказало руководителям радиостанций в конце каждого рабочего дня представлять в это ведом полную распечатку своих информационных выпусков, а также распис программ и перечень исполненных в течение дня музыкальных произведений.

С 30 ноября 2004 года операторы кабельного телевидения в Бресте прекратили ретрансляцию трех польских каналов (TVP-1, TVP-2, POLSAT). Основанием для этого послужило письмо заместителя министра информации Сергея Булацкого. Операторов кабельного телевидения предупредили, что они нарушают Положение о приемных системах кабельного телевидения и радиовещания, утвержденное Постановлением Совета Министров РБ 30 июня 2003 года №885. Нарушение состоит в том, что операторы осуществляют «несанкционированную ретрансляцию польских телеканалов… при отсутствии согласования с Министерством информации РБ».

В наших условиях недоумение вызывает лишь долгий срок, прошедший со дня выхода Постановления Совета Министров и его практического применения. Однако эта мера удивительным образом совпала с массированным наступлением на негосударственные средства массовой информации, предпринятое Министерством непосредственно после пресловутого референдума. Вкупе с перекрытием на территории страны вещания российских телерадиоканалов это свидетельствует только об одном: информационное пространство Беларуси стремительно закрывают для свободного распространения неподцензурной информации. Как мы видим, все эти действия прикрываются фиговыми листками подзаконных актов.

Посторонние в нашем доме

«Люди, которые входят без стука». Так называлась старая книжка о популярных дикторах и ведущих советского телевидения.

В самом деле, нажав клавишу телеприемника, мы впускаем к себе в дом множество людей. Среди них немало интересных собеседников, увлекательных рассказчиков, незаурядных личностей. Только уважение к личности, которую мы видим на экране, вызывает и доверие к телеинформации. Это альфа и омега телевизионной журналистики, ее теории и практики.

К сожалению, включая каналы БТ, ОНТ, СТВ или «Лад», мы вынуждены общаться лишь с одной личностью, которую хорошо знаем с 1994 года.

То, что президент Лукашенко как телевизионный персонаж неординарен, ярок и незабываем – в этом для меня нет сомнения. И как для зрителя, и как для тележурналиста, который провел с ним в эфире не один час. Он экспрессивен, он пластичен, он импровизирует, он свободно общается. Совершенно очевидно, что благодаря именно своим незаурядным качествам телевизионного полемиста он смог привлечь на свою сторону большинство избирателей, когда население страны определялись с кандидатурой первого президента Беларуси. Разоблачения и обещания, раздававшиеся с экрана, не могли не привлечь к нему симпатии неискушенных в политике людей.

Но вот уже десять лет, как они имеют возможность сличить обещанное с исполненным, слово с делом, телевизионный образ с грешной действительностью. Пропасть между тем и другим постоянно углубляется. Президент в его телевизионной ипостаси не стал менее экспрессивен, красноречив и наступателен. Но стремительное падение его популярности неопровержимо свидетельствует, что каждое слово сейчас оценивается по-иному. Он поверил во всемогущество телевизионных мифов, а оно оказалось не беспредельным. И чем чаще он появляется, тем активнее работает против себя самого. Ресурс доверия давно исчерпан.

Может быть, именно этим обстоятельством объяснялся агрессивный тон и ломовые методы деятельности президентского агитпропа во время избирательной кампании 2001 года. Это были поистине боевые действия против грозного противника власти – способности населения мыслить. Беседуя с известным «резонатором», тогдашним заместителем председателя Белтелерадиокомпании, корреспондент «Белорусской газеты» задал такой вопрос: «В чем причина нынешней стагнации информационного вещания?» (разговор происходил через полгода после «элегантной» победы Лукашенко на президентских выборах 2001 года). И вот что он услышал в ответ. Цитируем дословно: «Событий стало меньше. Информационный поток в стране замедлился, и это отразилось на работе не только телевидения, но и радио, газет. То, что не нравится вам как зрителю, - это следствие попытки после войны выковать из меча орало. Такого рода опыты на электронных информационных системах, как, впрочем, и на армии, унизительны и невыгодны». И тут же собеседник корреспондента твердо пообещал: «…возобновление роста интереса к первому каналу не за горами». Сейчас этот человек возглавляет Столичное телевидение. Там идет «укрепление кадров и технической базы». Ситуация, как и на Белорусском телевидении, напоминает тыловое обеспечение непрерывно ведущихся боевых действий.

Однако после президентских выборов 2001 года на самом верху, очевидно, поняли, что прямой лобовой натиск на общественное мнение уже ничего не дает. После этого исчезли с экрана наиболее одиозные личности, которых даже белорусские суды обязывали публично извиняться перед оскорбленными людьми. Произведены значительные изменения в планировании и верстке программ, значительно обогатился арсенал «спецсредств», применяемых в телевизионном и радиовещании. Сегодня повседневная практика предельно «государственных» электронных СМИ Беларуси убедительно доказывает, что непрошенными гостями в нашем доме могут оказаться люди с неясными для нас, а на самом деле враждебными намерениями. Враждебность эта заключается в том, что аудиторию

телезрителей и радиослушателей вещательные организации по-прежнему воспринимают исключительно как объект целенаправленного воздействия. В нашей стране телевидение и радио используются как боевое отравляющее вещество, вроде нервно-паралитического газа, которым опрыскивают население с целью подавления его воли и интеллекта, а против политических противников власти телерадиовещание служит просто орудием морального уничтожения. Однако прежние стратегические цели достигаются сейчас не широкомасштабными, но малоэффективными армейскими операциями, а быстрым реагированием, тактикой нанесения точечных ударов на важнейших направлениях.

Как это делается

Прежде всего, для удобства ведения боевых действий максимально выровнен ландшафт, на котором они осуществляются. За последние годы, даже месяцы, значительно сузились тематические направления, присутствующие в ежедневной телевизионной программе. Практически отсутствуют передачи, посвященные актуальной экономической и социальной тематике. Остались безобидные выпуски о саде-огороде, домашней кулинарии, делах семейных, женских интересах и т.п. Молодежная тематика присутствует в виде ярко раскрашенных, крикливых, но пустопорожних программ: экран заполонила улица с ее словесным бескультурьем и убожеством рефлексов. Музыкальное вещание представляет собой преимущественно трансляции концертов и фестивалей. Оригинальных драматических, литературных программ почти нет, не говоря уж о национальной документалистике: она попросту уничтожена. Все остальное время заполняет кинопоказ. Как в сельском клубе, один за другим, без перерыва идут вперемежку советские и зарубежные художественные фильмы, преимущественно старые. Из более чем 19 часов среднесуточного вещания Белорусского телевидения они занимают не менее двенадцати. Подобная ситуация и на канале «Лад», и на СТВ. Симптоматично, что и ОНТ

не может предложить зрителю ничего, кроме «наших новостей» и программы «Выбор», которую также отличает облегченность тематики, тщательный отбор приглашаемых участников и видимое невооруженным глазом стремление обойти мало-мальски острые проблемы.

Целям выравнивания ландшафта служит и отключение российских теле- и радиоканалов. За два последних года их вещание на территорию Беларуси сократилось на 70 процентов. Еще бы: то, что происходит сейчас в России (при всей противоречивости тамошней ситуации), вполне способно зародить у нашего населения острую тоску по вольному слову и высокой культуре общения. Белорусский телевизор все больше напоминает специально сконструированный «народный радиоприемник» Германии 30-х годов, принимавший только радиостанции третьего рейха.

Таким образом, придя домой, наш зритель погружается в мерно текущие волны белорусского эфира, где идут до боли знакомые, милые сердцу старые советские фильмы, где слова «товарищ» и «комсомол» рождают ностальгию у стариков и создают прочное ощущение незыблемости миропорядка у непоседливой молодежи. То, что эта стабильность все больше напоминает неподвижность могильной плиты, никого не волнует.

Телевидение, призванное быть открытым каналом общенационального общения, превратилось в закрытую организацию, орден меченосцев. Эти меченосцы действую на главном направлении – информационном вещании. Основной результат всех радикальных переломов на государственном телевидении и радио в последние годы сводился к многократному техническому, кадровому и финансовому усилению информационных служб в ущерб всему остальному вещанию.

Это, конечно, не случайно.

Человек поддается управляющему воздействию, если оно «въезжает» на волне новой информации. Твердо усвоив эту аксиому, нынешние телевизионные программисты сделали информационное вещание стержнем всего эфирного дня. Информационным выпускам отдается самое

«смотрибельное» вечернее время. Переключаясь с одного государственного канала на другой, можно весь вечер провести в иллюзорном мире телевизионных событий, реальных и фантастических в равной мере.

Любой режим, как милицейский сапог, вынужден наводить на себя лоск. В своей Нобелевской речи Александр Солженицын говорил: «Насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем держаться, кроме как насилием. Всякий, кто провозгласит насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом». При всей справедливости этого суждения все же заметим, что пропагандистская деятельность нынешних авторитарных государств старается уходить от такого, лобового столкновения понятий «Правда-Кривда».

Конечно, в периоды политических обострений (например, парламентских или президентских выборов, референдумов и т.п.), когда миндальничать некогда, пропагандистская машина власти опускалась до прямой и циничной лжи. Так было, например, когда Советская Белоруссия, а вслед за ней Белорусское телевидение (устами «резонатора») в 2001 году сообщили, ссылаясь на какую-то немецкую газетенку, что где-то в Германии видели живого Юрия Захаренко. Так было, когда Лукашенко публично заявлял о версии гибели Виктора Гончара в результате криминальных разборок. Так было, когда он же пытался унизить память Геннадия Карпенко заявлением о материальной помощи семье покойного.

Но это скорее исключения, говорящие о шоковом состоянии, свидетельство «загнанности», окончательной неспособности противостоять неопровержимым фактам.

Сейчас основной поток ангажированной информации, ежедневно вливаемой в сознание миллионов незащищенных людей, строится на «серых» схемах. Они представляют собой комбинации из тщательно отобранных истин, расхожих представлений и заведомой лжи. Все эти схемы хорошо знакомы со времен борьбы с «тлетворным буржуазным влиянием» Запада. Пикантность ситуации в том, что само наличие этих приемов

преподносилось советской пропагандой как неопровержимое свидетельство бесчеловечности западных технологий обработки общественного мнения.

Попробуем рассмотреть детальнее, какими методами осуществляется психологическая обработка населения в нужном для властей духе.

При систематическом изучении материалов информационных программ БТ, ОНТ и СТВ среди нарядных одежд проступают, как скелет в шкафу, железная логика и последовательность. Обнаруживается комплекс приемов и средств, при помощи которых коммуникаторы стараются манипулировать общественным сознанием.

Конечно, самый распространенный прием – это умолчание. Его и приемом-то трудно назвать, всегда есть объяснение: «в мире столько событий, что за всеми не угонишься». Однако «за кадром» почему-то остается самая актуальная и самая неудобная для властей информация. «Пропагандисты» твердо усвоили: о чем не знаешь, того и не существует. И их ожидания, как правило, оправдываются. Возьмем пример совершенно типичный, однако показательный тем, что два события, связанные с одним тем же человеком, произошли в один день. 18 ноября 2003 года «Наши новости» на ОНТ выдали в эфир сюжет с участием посла США в Беларуси Джорджа Кролла. В тщательно отмонтированном сюжете американский посол сказал несколько осторожных слов об интересе американских бизнесменов к Беларуси, к сотрудничеству с ней. Однако население нашей страны осталось в абсолютном неведении, что в этот же день Джордж Кролл сделал заявление: США не наблюдают со стороны официального Минска конкретных действий, направленных на выполнение "пошагового подхода" к улучшению отношений между двумя странами. "К сожалению, у моего правительства и правительств стран Евросоюза складывается впечатление, что Беларусь предпринимает шаги в противоположном направлении, - закрытие неправительственных организаций по чисто техническим причинам, преследование независимых средств массовой информации… Это не то, что мы имели в виду, когда говорили о "пошаговом подходе", -

подчеркнул посол в эксклюзивном интервью, данном независимому информационному агентству БелаПАН.

Правда, об этом узнали только те, кто пользуется Интернетом. Таких у нас в стране, к сожалению, немного.

Вот еще один пример. Почти ежедневно в основном информационном выпуске Белорусского телевидения «Панорама», регулярно в «Наших новостях» на ОНТ мы видим репортажи о задержании на границе больших партий грузов, которые якобы с нарушением таможенного законодательства Республики Беларусь пытались повезти неустановленные злоумышленники. Грузы арестовываются, конфискуются и передаются в доход государства. Цель подобных сюжетов не совсем ясна: то ли нам внушают мысль о доблести наших таможенников («граница на замке!»), то ли стремятся создать ощущение тревоги и страха перед непонятными и враждебными силами, которые со всех сторон окружают Беларусь. Может быть, и то, и другое вместе. Интенсивность появления подобных сюжетов в эфире заставляет думать о какой-то их особой роли в пропагандистской деятельности властей. Зато нетрудно представить себе реакцию зрителя, насмотревшегося подобных сюжетов, когда он встречает, например, в «Белорусской деловой газете» обстоятельную публикацию о том, что на самом деле происходит. Оказывается, в нарушение международных правил белорусские таможенники конфискуют большие партии грузов, стремясь выполнить «план по валу» и пополнить скудный бюджет страны. Планы все время растут, а грузов через Беларусь идет все меньше. Вот они и свирепствуют, не обременяя себя даже надлежащим оформлением фактов контрабанды и установлением самих нарушителей. Такие права им дает «маленькая» поправочка к Кодексу административных правонарушений, которая была принята нашими законодателями. В результате, как пишет БДГ, «Беларусь приобрела устойчивый статус "черной дыры" в центре Европы, в которой бесследно исчезают не только люди, но и любые грузы. Поэтому не удивительно, что, по оценкам независимых специалистов, грузовой поток

через нашу страну по сравнению с 1997 годом уменьшился приблизительно на 70%».

В день годовщины октябрьской революции все три государственные канала широко осветили пуск газопровода на Полесье. Это было подано как проявление неустанной заботы президента о своем народе. Транслировались выдержки из его выступлений. Однако за кадром остались те из них, где говорилось о неизбежности повышения цен на газ. Никто не задался вопросом: «почему?» Ведь в ответ на угрозу России поднять цены тот же президент ответил, что Беларусь соответственно поднимет тарифы за его транзит по ее территории. Это произошло в прямом эфире передачи «Свобода слова» канала НТВ. Откуда в таком случае увеличение цен?

Показательна и история с перемонтированием все той же передачи «Свобода слова», вышедшей в эфир канала НТВ, который принимает в Беларуси лишь малая часть аудитории. Через несколько дней эта программа вышла в неузнаваемом виде по государственным белорусским каналам, которые смотрят все. Неудобные для официальной пропаганды фрагменты были изъяты, в образовавшиеся провалы вставлены видеосюжеты, разъясняющие народу смысл сказанного президентом.

Подобные примеры можно приводить ежедневно. Так создается особая экранная реальность, имеющая полное внешнее сходство с настоящей, но существенно отличающаяся от нее смыслом происходящего.

Недооценивать эффективность метода сокрытия актуальной информации нельзя: вкупе с перекрытием внешних каналов он дает желаемый эффект. Пропагандистской машине власти удалось навязать среднему белорусу нужный стереотип: «этого не может быть, потому что мне об этом неизвестно».

Наличие психологических стереотипов как регулятора поведения человека известно давно. В массовой коммуникационной деятельности оно использовалось и раньше, но теоретически осознано и системно применяется, пожалуй, с двадцатых годов прошлого столетия, когда была опубликована

книжка Уолтера Липпмана «Общественное мнение». В самом наличии стереотипов нет ничего предосудительного. Вопрос в том, каковы они, насколько верно отражают объективную реальность, данную нам в ощущениях. Однако механизм формирования и проявления стереотипов имеет вполне самодостаточное значение. При знании этого механизма можно более-менее успешно формировать устойчивые представления о чем-либо почти независимо от их истинности или ложности. Это и называется манипулированием массовым сознанием. Все зависит от нравственной позиции вещателя, его готовности поступиться принципами честной журналистики.

Созданию ложных стереотипов способствует усердное производство псевдособытий, так называемых «фактоидов», по выражению американского писателя Норманна Мейлера. Это сообщения о событиях, которые совсем не имеют такого значения, которое им придается. В наших условиях это многочисленные отчеты о выступлениях главы государства, заседаниях правительства, а также необъяснимо выскакивающие «темы дня», тиражируемые всеми каналами. В один день, например, все шумят о качестве белорусского пивного ячменя, в другой день – о вытрезвителях и ЛТП, в третий – о посещении высокими лицами какой-то птицефабрики. Такие сюжеты, неизменно открывающие «Панораму», иногда занимают в ней до трети всего выпуска. Это означает, что мы многого не увидели, действительно для нас важного. Вместо этого нам усердно навязывают имидж «отца нации», от внимательного глаза и твердой руки которого не ускользает ничто. А все недостатки и прегрешения происходят из-за того, что до сих пор это не было известно президенту. Стереотип представления об обществе как о малом ребенке, который натворит бед без надлежащего присмотра, оказывает свое воздействие на тех, кто устал от неразберихи, от тягот своей жизни и хочет поскорее утвердиться в чем-то бесспорном и незыблемом. Таких – большинство.

Навязыванию аудитории нужных представлений эффективно служат формат и стилистика информационных программ, подчеркнутая «случайность» появления сюжетов. Используя естественную ассоциативность человеческого восприятия и мышления, создатели информационных программ успешно формируют нужные им представления. Метод называется «запланированная ассоциация» и известен давно. Вот как это выглядит в «Панораме» и «Наших новостях». Благополучные сюжеты о положении в Беларуси (среди которых много «фактоидов»), встык или через короткую подводку ведущего монтируются с сюжетами об авариях, катастрофах, волнениях, терактах, стихийных бедствиях, политических конфликтах. Только что мы видели спокойные, ярко освещенные улицы Минска или идиллические сельские пейзажи, и вот уже воют сирены, кричат люди, несут раненых. Потом опять мы переносимся в родную Беларусь, и – спокойствие и благодать, простыми и понятными словами с нами говорит наш президент. Каждый сюжет посвящен своей теме и, казалось бы, не связан с предыдущим. Однако связь есть, и об этом знают умелые монтажеры. Она – в перенесении смысла одного сюжета на другой, и это процесс подсознательный. Только иногда замысел прорывается наружу. 6 ноября 2003 года ведущая «Панорамы» открыла выпуск словами: «Россия готовится к теракту, Грузия – к беспорядкам, Беларусь – к празднику». Без единого лишнего слова выстраивается прочный стереотип страны - оплота спокойствия и благополучия в мятущемся и непредсказуемом мире. После этого, думается, человек по-иному будет воспринимать свое нищенское, беспросветное существование. В его сознании возникает иерархия ценностей, в которой все меньше места остается самостоятельному выбору.

Такая, информационно-пропагандистская, индукция служит свою службу и в широко применяемом методе «от частных правд – к общей неправде». Метод хорошо известен с шестидесятых годов прошлого столетия и надежен, как трактор «Беларус» на колхозном поле, весь урожай с которого сгнил на корню. Суть в том, чтобы подобрать незначительные, с точки зрения высокой

политики, факты и тем самым подкупить зрителя, сделать его своим единомышленником. Тем, кто поражается «смелости» ОНТ, показывающего текущие крыши, пожары на льнозаводах, забытого инвалида и пр., следует обратить внимание, что, как правило, следом появляется президент и наводит порядок, защищает обиженных, наказывает нерадивых начальников. То, что это не меняет ни на иоту ничего, остается за кадром и никого не волнует: цель достигнута. После возникшего психологического напряжения немедленно пришла необходимая разрядка. Мы испытали облегчение, сами не заметив того. И мысль о пагубности, бесперспективности авторитарных методов управления обществом нас никогда не посетит.

В использовании метода «от частных правд – к общей неправде» есть и свои творческие вершины. Верхом пропагандистской эквилибристики можно назвать сюжет из Новолукомля, прошедший в эфир ОНТ 18 ноября 2003 года. Тамошние власти проявили смекалку: тех, кто неспособен оплатить коммунальные услуги, выводят на общественно-полезные работы: уборку улиц, разборку свалок и т.п. 70% заработанных человеком денег идет на оплату жилья, остальные остаются ему, с гордостью говорят местные начальники. Женщина с хорошим, добрым лицом (не пьяница!) рассказывает, что в семье несколько безработных: она, муж, сын. И уже не первый год: в Новолукомле работу найти невозможно. Чистая ведь правда! Но мы ни слова не услышим о том, почему массовая безработица, почему люди, живущие в нищете, не могут оплатить свое жилье. Не услышим ничего и о законности такого метода обеспечения трудовой занятости.

Можно назвать и другие, не менее эффективные методы манипулирования общественным мнением.

Метод опережающей информации был использован в сюжетах об уголовном деле против золотоперерабатывающего предприятия БГУ и увольнении его ректора. Представители прокуратуры, в нарушение УПК, обнародовали материалы предварительного следствия задолго до его окончания. Важно было навязать однозначно выстроенную точку зрения, и

это было сделано в один и тот же день всеми государственными телеканалами.

Метод монтажной мистификации был продуктивно использован небезызвестным авторами фильма «Дети лжи», «Дорога в никуда», а также их последователями.

Метод ложной документации – безымянными авторами телепасквиля «Паутина». Камера водила нас по каким-то затененным закоулкам, каким-то листкам бумаги в тревожном свете. Но ни одного документа, ни одного свидетельства предъявлено не было, что подтвердило дальнейшее разбирательство, связанное с закрытием представительства «IREX» в Беларуси. Ложной документацией являются и синхронные (со звуком) записи мнений людей на улицах Минска, комментарии людей, пользующихся уважением – ученых, артистов, общественных деятелей (даже иногда оппозиционных!). Они излагают какую-то мысль, но из всего записанного вырываются только те фрагменты, которые нужны авторам программы, соответствуют их замыслам. Чаще всего, следом человек высказывает нечто такое, что меняет смысл прежде сказанного. Однако мы этого не видим. Такой метод эффективно был использован авторами сериала «Новейшая история Беларуси». Честные, авторитетные люди оказались статистами в нехитрой игре правительственных сценаристов, нанесли ущерб собственной репутации.

Перед нами разворачивается насквозь ложная, искажающая реальность схема государственных пиарщиков, но на экране мы видим живых людей и эмоционально не можем им не верить. В этом состоит феноменальность телевидения. В этом его «термоядерность», по выражению человека, который всегда предстает на Белорусском телевидении в нужном контексте, высказывается исчерпывающе и до конца.

Широко используется метод семантического кодирования, когда нейтральным словам придается несвойственный им демонический смысл, с

которым потом манипулируют. Чего только стоит интонация, с которой ведущие телеканалов произносят слово «оппозиция»!

Метод «копченая селедка» (сбивание со следа). Например, однажды в «Постскриптуме» комментатор озаботился проявлениями антисемитизма в Германии. Со ссылками на немецкие газеты (показанные для убедительности в кадре) он с тревогой говорил об этом ужасном явлении и подчеркивал, что ничто подобное в Беларуси невозможно. Он так хлопотал лицом, что невольно закрадывалась догадка: а не вызван ли этот комментарий реакцией общественности на разорение еврейских кладбищ в Мозыре и Гродно, где отрытые экскаваторами черепа и кости лежали под открытым небом при полном попустительстве властей? Нет, об этом ни слова. Как и о том, почему о немецком антисемитизме можно прочитать в немецких газетах, а в белорусских государственных – ни строчки. Не есть ли это проявление антисемитизма на государственном уровне? Вопрос остается без ответа.

Любопытную новацию с точки зрения психотронных технологий представляют интерактивные опросы телезрителей, широко применяемые на Белорусском телевидении.

«Информационно-аналитическая» программа «В центре внимания» каждое воскресенье приглашает нас высказаться по актуальным проблемам.

Ставится на голосование вопрос, действительно вызывающий неподдельный интерес – например: «Что может вызвать уважение к Беларуси со стороны других стран?». Но тут же предлагаются варианты ответов, четко огораживающие поле, в котором будет проходить игра. Игра, беспроигрышная для устроителей, как «наперсток». Важно втянуться и принять условия, остальное – дело техники. Вот, например, какие варианты предлагались для ответов на первый вопрос:

- «большие экономические, культурные, научные и спортивные достижения»;
- «активная популяризация имеющихся достижений за рубежом»;
- «самоуважение граждан и ответственное отношение к своей стране».

Все недовольные, конечно же, имеют свое мнение о причинах низкого авторитета Беларуси в мировом сообществе, однако, скованные рамками вопроса, вынуждены играть по этим правилам и выбрать первый вариант ответа. Во второй подсказке, заметим, скрыт тезис об имеющихся достижениях. Третий же вопрос, подкупающий граждан возможностью самоуважения, тут же вытягивает их к осознанию ответственности. Этот вариант ответа и набрал наибольшее количество голосов, как вы уже, конечно, догадались.

Через неделю играли в другую игру: «Что поможет белорусскому селу стать сильнее?» (то, что оно и без того сильное, само самой разумеется). Варианты ответов:

- «наведение порядка на земле, изменение отношения к работе»;
- «развитие фермерских хозяйств»;
- «активное внедрение высоких технологий».

Тут уж вы отгадаете с первого раза: конечно, первый вариант вызвал наибольший восторг граждан.

Не будем сбрасывать со счетов и «технические» возможности Белорусского телевидения: кто проверял, сколько было звонков на студию и что на самом деле говорили люди? Однако мы должны верить эксперту Жанне Гринюк, которая в ходе передачи констатировала: «Я выскажу восхищение честностью итогов голосования. Это единственный интерактив на всем Белорусском телевидении, который не накручивает голоса» («В центре внимания», 9 ноября 2003 года). Правда, с тех пор Жанну Гринюк мы почему-то не видели…

Думается, все эти интерактивы – неплохая репетиция перед общенациональными мероприятиями подобного рода, например, референдумом. Допустим, предложат вам сыграть в игру: «Считаете ли Вы необходимым изменение Конституции Республики Беларусь?».

Важно придти на участок, не правда ли? Что бы ни подчеркнули, Вы ответили утвердительно. Это и требуется. Что на самом деле написали

президентские юристы в новом варианте Конституции, Белорусское телевидение вам расскажет как-нибудь потом.

Все те приемы манипулирования общественным сознанием, о которых мы говорили выше, наиболее масштабно были применены властями в ходе выборов в парламент Беларуси, а также пресловутого референдума, грубо поправшего основы конституционного устройства нашей страны.

Как отмечается в заключении международной миссии по наблюдению за выборами БДИПЧ ОБСЕ, доведенном до сведения прессы на следующий после выборов и референдума день, 18 октября, «за период с 6 сентября по 16 октября Президенту и правительству было уделено боле 90 процентов общего времени, отведенного политическим деятелям и действующим лицам выборов в новостях, и 75 процентов в программах, посвященных текущим событиям, транслировавшихся по белорусским электронным СМИ. Президент характеризовался преимущественно положительным образом… Освещение электронными государственными СМИ деятельности политических партий было в значительной степени ограниченным; оппозиционные партии, однако, характеризовались косвенным образом в чрезвычайно негативных тонах, что особенно характерно для аналитических и специальных программ. Некоторые деятели оппозиции были представлены врагами государства и обвинены в некомпетентности, радикальном национализме, уголовных деяниях и симпатиях к терроризму». Защитить свою позицию, донести программу альтернативным, демократическим кандидатам не удалось, поскольку, как отмечалось в заключении БДИПЧ ОБСЕ, «в целом наблюдалось отсутствие подлинных дебатов о политических событиях и несбалансированность в представлении политических альтернатив». Все это стало возможным, отмечают международные наблюдатели, благодаря установленной властями строгой монополии на распространение информации: «Все общенациональные электронные средства массовой информации контролируются государством. Эти СМИ

играют доминирующую роль в предоставлении информации о политических событиях в Беларуси».

Результаты мониторинга, проведенного Белорусской ассоциацией журналистов по материалам программ всех общенациональных каналов телерадиовещания, государственных печатных изданий, также убедительно доказали, что в период выборов и референдума нарушения свободы слова:

- в первую очередь допускались государственными органами Республики Беларусь и представителям власти;
- носили системный характер;
- имели целью свести до минимума распространение в белорусском обществе нецензурированной информации.

Когда мы слышим сетования по поводу социальной апатии, поразившей белорусское общество, нелишне вспомнить, что уже более десяти лет (а до того семьдесят лет советской власти) население Беларуси находится в положении человека, которому систематически, изо дня в день, вливают дозу наркотика, подавляющего его волю и сознание.

В начале было слово…

Обрисовав удручающую картину сегодняшней информационной ситуации в Беларуси, мы должны спросить себя о реальной перспективе наших усилий. Может быть, в самом деле, правы те, кто считает утопичной любую попытку напрямую обратиться к изучению западного опыта построения демократических обществ, в частности, создания хорошо регулируемых законом, но свободных в своей деятельности средств массовой информации? Может быть, пропасть действительно слишком широка и глубока, чтобы одним прыжком преодолеть ее?

Что ответить на это? Вопросы действительно серьезные.

Попробуем опереться на то, что представляется бесспорным.

Во-первых, как мы понимаем, «Запад» - уже давно является понятием не только географическим. Общественное телевидение, например, Тайваня или Австралии действует по законам, весьма сходным с теми, что регулируют вещательную деятельность в объединенной Европе. Следовательно, речь идет о мировом опыте, об опыте человеческой цивилизации. И если мы «за цивилизованным миром не пойдем», как обещал некто Лукашенко, то - да, нам надо смотреть на Восток, но уже географически. На Корею, например. Северную, конечно. С Южной все в порядке.

Выбор, как видим, невелик. Так что идти все равно придется. Причем в другую сторону. В один конец мы уже пришли… По старой белорусской привычке все будем делать от безысходности, когда совсем уже подожмет.

Что касается глубины пропасти, то, действительно, не замечать ее невозможно. Но, опять же, у нас есть другой выход? Только вот прыгать никуда не надо. «Большие скачки» мы тоже знаем. Мы же не в книгу рекордов Гиннеса стремимся попасть! Это не та пропасть, через которую можно перемахнуть. Этот провал можно только заполнить. Размышлениями, целенаправленными и согласованными действиями, изучением практики, контактами, встречами. Пробами и ошибками. Эту пропасть можно только

перейти. Как переходил ее тот же «Запад» лет двадцать-тридцать назад. Почему не присмотреться к этому опыту?

Во-вторых, не нужно думать, что «западные» демократии – это раз и навсегда построенный собор, некий храм, а демократические процедуры исполняются канонически, как богослужения. Ежегодные отчеты Европейского суда по правам человека сообщают о большом количестве случаев, когда частные лица или организации (в том числе медийные) утверждают, что власти ущемляют их право на свободу. Почему структуры Совета Европы (Парламентская Ассамблея, Комитет министров) регулярно принимают резолюции и рекомендации правительствам о гарантиях независимости средств массового вещания, о мерах по обеспечению прозрачности СМИ, о стимулировании плюрализма в средствах массовой информации и т.д.? Да потому, что всегда и везде найдется кто-то, кто покушается на эти, базовые принципы свободной журналистской деятельности! Почему, например, репутация гражданина Евросоюза, некоего Сильвио Берлускони, как бы это сказать… не совсем прочная? Потому, что господин Берлускони – не только премьер-министр Италии, но еще и крупнейший медиамагнат своей страны. Вот и отношение к нему соответствующее. Оно стало причиной инцидента на заседании Европарламента, в результате которого Берлускони пришлось публично извиняться.

На уже упоминавшейся конференции, проводимой Белорусской ассоциацией журналистов, Кэтрин Дамблтон, эксперт из Великобритании, рассказывала о механизмах управления вещанием на ВВС. Завершая свое выступление, она с милой улыбкой резюмировала: «А вообще-то демократические свободы нужно отстаивать ежедневно». Присутствующие в зале были шокированы: «Как? И это в Великобритании – оплоте европейской демократии, где общественное радио действует с 1923 года?». И тем не менее это так. Через короткое время именно в Великобритании произошел сенсационный и драматический инцидент, поводом для которого стало

сообщение корреспондента BBC, а последствием – самоубийство Дэвида Келли. Советник британского министерства обороны конфиденциально сообщил журналисту о подтасовках в докладе премьер-министру Блэру, которые повлияли на решение правительства об участии вооруженных сил страны в операции против Ирака. Этот инцидент стал одним из самых острых внутриполитических конфликтов в Великобритании за последнее время. В конце января 2003 года суд вынес решение, в котором признавалось, что правительство не было источником административного и морально-психологического давления, вызвавшего самоубийства Келли. Общественные вещатели взяли ответственность на себя: председатель совета директоров BBC Гэвин Дэвис и генеральный директор Грэг Дайк добровольно ушли в отставку.

Таким образом, демократические институты и демократические процедуры (а общественное телерадиовещание является тем и другим одновременно) – это всегда результат взаимодействия властей и гражданского общества, их мирного (а иногда и не очень) противостояния в рамках законов, **единых для всех**. И это – общее для всех нас. Просто мы находимся в другой точке. Но дорога – та же.

«Они» не сразу прошли ее.

Отправным пунктом этого движения явились документы, принятые мировым сообществом как основа послевоенного устройства мира – Всеобщая декларация прав человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Международный Пакт о гражданских и политических правах. Всеобщая декларация, в преамбуле которой говорится, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, в статье 1 провозглашает: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и своих правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Звучит как заклинание, как итог горького опыта человечества, прошедшего через ужасы второй мировой войны. Но кое-кому

из «прагматиков», вставших у руля постсоветских государств, эти строки кажутся прекраснодушной, можно сказать, наивной попыткой объявить всех людей братьями. Дескать, сколько уже было таких попыток!

И вот здесь начинается водораздел. Советский Союз участвовал в общем голосовании по одобрению этой Декларации в 1948 году, а на практике и не думал всерьез исполнять ее положения. Мы все прекрасно помним, что происходило в СССР все послевоенные годы, а в Беларуси происходит и сейчас. Весь же остальной цивилизованный мир последовательно развивал практическую составляющую защиты прав и свобод человека, подводил под Декларацию прочную законодательную базу, обязательную для исполнения.

Важнейшими документами на этом пути явились Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Международный Пакт о гражданских и политических правах. И в Декларации, и в Пакте существует статья 19, касающаяся прав человека на получение и распространение информации. С некоторыми изменениями, вызванными правоприменительной практикой, эта статья под номером 10 включена в Европейскую конвенцию. Вот как звучит этот пункт: «Каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Эта статья не препятствует государствам вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий». Однако в статье 10 Конвенции существует и пункт 2, предусматривающий определенные ограничения информационной деятельности. Нам следует внимательно вчитаться в эти строки: «Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного

спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, зашиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия». Этим словам могут аплодировать все те, кто выносит судебные решения о закрытии негосударственных газет, кто вчиняет им разорительные иски, кто подвергает цензуре телевизионные и радиопередачи. Как им может показаться, пункт 2 дает вполне достаточные правовые основания для этого. Для любителей такого толкования (не будем забывать, что в ней есть и пункт 1!) предусмотрена статья 17: «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на уничтожение любых прав и свобод, изложенных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей степени, чем это предусматривается в Конвенции». Если и это положение не покажется кому-то серьезным препятствием для осуществления репрессивных мер против средств массовой информации, существует в Конвенции статья 13, несчастливая для государственных чиновников: «Каждый человек, чьи права и свободы, изложенные в настоящей Конвенции, нарушены, располагает эффективными средствами правовой защиты перед государственными органами, даже если такое нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

Как ни удивительно, подобные «эффективные средства правовой защиты» предусмотрены и в Конституции Республики Беларусь, в законе РБ о печати и других средствах массовой информации. Однако они применяются для… защиты государственных органов и официальных лиц от прессы, то есть, все делается с точностью до наоборот. Если же судебные органы принимают решения в пользу средства массовой информации, то такие вердикты попросту игнорируются властями. Так было с решением Конституционного

суда (!), признавшим противоречащим Конституции Республики Беларусь Указ Президента РБ №128 от 28 сентября 1994 о придании Белтелерадиокомпании статуса центрального органа государственного управления.

Европейская конвенция о защите прав человека стала основой множества законодательных актов государств Европы (и не только), которые развили и конкретизировали механизм осуществления права на информацию, ее распространение, соблюдения ответственности, сопряженной с этим видом деятельности. Республикой Беларусь Конвенция так и не была подписана.

В европейском сообществе существует ряд документов, которые на основании базовых – Декларации, Конвенции и Пакта – уточняют и конкретизируют порядок соблюдения хрупкого баланса между свободой журналистского творчества и необходимыми ее ограничениями. Среди массива этих документов мы должны выделить Декларацию о средствах массовой информации и правах человека, утвержденную специальной резолюцией Парламентской ассамблеи Совета Европы в январе 1970 года, а также Резолюцию №2 «Журналистские свободы и права человека», принятую 4-й конференцией министров по политике в области средств массовой информации, состоявшейся в Праге в 1994 году. При сравнительном анализе этих документов можно отчетливо проследить эволюцию общих, поначалу весьма декларативных, принципов свободы слова в конкретные правовые механизмы регулирования практической деятельности печати, телевидения и радио в западноевропейских странах. В декларации 1970 года делается необходимое расширение: право на свободу своего мнения должно распространяться на средства массовой информации. И это право, как и право каждой личности, включает в себя свободу искать, получать, передавать, публиковать и распространять информацию и идеи. Предусмотрена также обязанность официальных властей предоставлять (с оговоркой «в разумных пределах») информацию по вопросам, представляющим интерес для общественности. Подчеркивается, что

независимость печати и других средств массовой информации от государственного контроля должна быть записана в законе. Любое ущемление этой независимости допускается только на основании решения суда, а не органов исполнительной власти. Редакторская и журналистская независимость должна быть законодательно защищена как от власти, так и от монополий. Ни частные предприятия, ни финансовые группы не должны иметь права на монополию в области печати, радио или телевидения (то, что монополию может установить само государство, западноевропейские законодатели и предположить не могли – это ноу-хау белорусских властей!). Всякая цензура – и прямая, и косвенная – не допускается, за исключением тех случаев, которые предусмотрены п.2 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (мы цитировали его выше).

Ссылка на этот пункт имеется и в пражской декларации. Однако в ней степень государственного вмешательства в деятельность СМИ очерчена более определенно. Оно, вмешательство, должно быть необходимым и отвечать настоятельной общественной потребности, быть предусмотренным законом, ясно и точно сформулированным, интерпретироваться узко, а не расширительно и быть пропорциональным цели, которая преследуется таким ограничением. Если мы вернемся к анализу фактов ущемления свободы журналистской деятельности в Беларуси, то увидим, что именно прямые нарушения этих требований составляют суть репрессивных действий властей. В пражской же резолюции прямо заявлено о праве журналистов информировать население о деятельности органов государственной власти и частного сектора, давать возможность индивидуумам или группам высказывать свои мнения, подвергать постоянному критическому рассмотрению деятельность различных органов власти.

В этом документе содержатся и прямые предписания национальным органам государственной власти поощрять организацию системы высококачественной профессиональной подготовки журналистов, развивать диалог между журналистами, редакторами, издателями, руководителями,

владельцами СМИ и властями, защищать журналистов при возникновения опасных для них ситуаций.

Названные здесь, а также другие документы создали в западноевропейских странах основу для совершенствования национальных законодательств о СМИ. В течение 70-90 годов эти законодательства стали мощным заслоном перед теми, кто желал бы использовать мощь государственной машины против важнейшего института гражданского общества, каковым являются свободная журналистика. Тем, кто хотел бы более детально ознакомиться с законодательством и правоприменительной практикой в странах Европы и всего мира, мы можем рекомендовать фундаментальное справочно-аналитическое издание «Законы и практика средств массовой информации в Европе, Америке и Австралии», подготовленное Международным центром против цензуры «Артикль 19» и изданное на русском языке российским Фондом защиты гласности в 2000 году.

Все названные выше и многие другие документы явились прочной базой применения общих принципов европейского права в специфическом секторе медийной деятельности – телерадиовещании.

Общественное телерадиовещание как ноу-хау Европы

Модель государственного вещания основывается на умозрительном, можно сказать, утопическом представлении о благотворности всего того, что предлагает обществу (заставляет его принять) сильное, заботящееся о нем государство. Такие патерналистские («отеческие») воззрения вообще являются утопическими, какой бы стороны жизни общества это ни касалось. Государство, которое берет на себя всё, в конечном счете не справляется ни с чем. В борьбе со все возрастающими трудностями государства первой жертвой предстают права человека. Апофеоз философии тоталитаризма: «Нет человека – нет проблемы» (слова незабвенного Иосифа Сталина) – торжество изуверской логики. Да, уничтожение самого человека – это самый убийственный аргумент. Окончательный.

В информационной сфере таким же образом уничтожается «человек информационный» - личность, способная формировать свои информационные потребности и свободно их удовлетворять. Государство, «отечески» заботясь о своих подопечных, в конечном итоге низводит их до положения массовых потребителей некоей манной кашки, или жвачки в виде «позитивных» новостей о собственной стране и ужасов во всем остальном мире. Этим сейчас, как мы все видим, систематически занимается Белорусское телевидение в связке с ОНТ и примкнувшим к ним Столичным телевидением. Однако психопатические поиски некоей новой идеологии, которую призвано насаждать в Беларуси государственное телевидение, ясно показывают, что «информационного человека» убить не так-то и легко. Люди явочным порядком, покупая или не покупая те или иные газеты, включая или не включая те или иные теле- и радиоканалы, стихийно борются за свои информационные права. Каждый в одиночку. В целом же общество сидит на голодном пайке государственной информации и испытывает сильное кислородное голодание.

Мазохистски кляня свою белорусскую судьбу (как это порой бывает), все же не будем забывать, что с подобными проблемами (пусть и не в такой острой форме) сталкивались и в Западной Европе лет эдак пятнадцать-двадцать тому назад. Телерадиовещание, зависимое от государства, долгие десятилетия существовало в большинстве западноевропейских стран. В Западной Германии, например. В Финляндии Закон о вещании 1934 года предусматривал государственное участие в объеме 99,9% акций Финской вещательной компании. До 1980 года этот государственный монополист был практически единственным общенациональным вещателем в стране. Весьма «государственными» по своей сути являются статус, управление собственностью и вещанием в Канаде. Почти 18-летняя борьба общественности Тайваня увенчалась успехом к 1998 году, когда страна приобрела свое общественное телевидение. Примечательно, что начало этому движению положило решение правительства Сунь Юньсуаня. Но самыми прочными были традиции государственного вещания во Франции, правительство использовало его как свою вотчину. Это привело к драматическим событиям 1968 года, когда парижские студенты попытались захватить Эйфелеву башню с находившимися на ней передатчиками. Правительству понадобилось четырнадцать лет, чтобы решиться на реформирование системы телерадиовещания. В 1982 году было принято решение о создании аудиовизуального совета по массовой информации, а еще через четыре года, 30 сентября 1986-го, был принят закон Французской Республики о свободе вещания.

Почти во всех странах, о которых мы вспоминали, острая коллизия вокруг телерадиовещания создавалась под влиянием разрушения государственной монополии в результате деятельности коммерческих теле- и радиостанций, возникавших повсеместно и способных предоставлять аудитории более разнообразные программы. При этом они, конечно, руководствовались, как и положено коммерсантам, исключительно интересами получения выгоды, извлечения максимальных доходов. Это приводило к резкому снижению качества программ, зачастую – и к нарушению прав личности. Государственные органы, которые, с одной стороны, монополизировали вещательный сектор, а с другой – не давали развиваться альтернативным источникам информации, в конце концов пришли к выводу, что нужно менять систему регулирования вещательной деятельности. В 1993 Европейский Суд вынес решение, направленное против монополии австрийского правительства на телевещание. Суд заявил, что государственная монополия на телевидение в наибольшей степени ограничивает свободу самовыражения. Суд отметил, что монополия может быть оправдана лишь постольку, поскольку существует настоятельная необходимость и нет иного, менее ограничительного выхода, что к австрийскому случаю не относится. (Международные нормы, Правила и Декларации, влияющие на средства информации в Европе: критический анализ. Обобщающий документ, представленный международной неправительственной организацией ARTICLE XIX).

Отчетливое видение недостатков обоих типов организации – государственного и коммерческого - породило представление об общественных службах теле- и радиовещания. Такого вещания, которое, в отличие от государственного, является независимым в своей деятельности, а в отличие от коммерческого – не гонится за прибылью.

Развитие таких представлений отражают и европейские документы. Для понимания этих процессов нам интересны рекомендация №748 «О роли национального вещания и управления им», принятая Парламентской ассамблеей Совета Европы в январе 1975 года, резолюция об общественном

и частном вещании в Европе (принята 1-й конференцией министров по политике в области СМИ в декабре 1986 года), Венская декларация «От вещания, контролируемого обществом, к общественному вещанию» Европейского симпозиума по проблемам СМИ (сентябрь 1993 г.), а также резолюция №1 «Будущее общественного телерадиовещания» 4-й (пражской) Европейской конференции (1994г.).

В первом из названных документов констатируется факт стремительного экстенсивного развития вещания, все большего его проникновения в повседневную жизнь людей. На основании доклада комиссии по вопросам культуры и образования признавалось наличие проблемы, заключающейся в том, что коммерциализация вещательной деятельности нарушает управляемость этим сектором общественной жизни. В то же время, будучи озабоченными сохранением демократических ценностей, европейские парламентарии сформулировали проект **минимальных** (выделено мной – Э.М.) требований к национальному вещанию, независимо от его статуса. Важнейшими из этих требований были:

- всестороннее обслуживание всего населения при наличии многообразия программ, насыщенности вещания просветительскими и культурными передачами, высоком уровне координации и обмена с другими европейскими теле- и радиовещательными компаниями;

- свобода выражения мнений без предварительной правительственной цензуры, но при обеспечении права на ответ и публичной персональной ответственности продюсеров за их программы перед законом и общественностью, представленной в первую очередь в парламенте;

- право индивида на доступ к эфиру в принципе, однако при условии сохранения контроля качества передач;

- специальная политика найма для работы в СМИ, обеспечивающая особую ответственность работников телерадиокомпаний перед населением;

- разграничение коммерческих интересов с содержанием и планированием программ.

В этом документе еще не употребляется термин «общественное телерадиовещание», однако сформулированы основные черты, отличающие его от вещания как коммерческого, так и государственного. Справедливости ради отметим, что на этом этапе еще можно было встретить рецидивы прежнего, «государственного» подхода к регулированию вещательной деятельности. Например, предусматривался «ответственный контроль за радиовещанием (телевидение почему-то не упоминается – Э.М.) либо непосредственно правительства, либо при посредстве уполномоченных учреждений». Хотя из названия самого документа явствует, что это – минимальные требования.

Венская декларация «От вещания, контролируемого обществом, к общественному вещанию» Европейского симпозиума по проблемам СМИ выдержана в более резких тонах, поскольку выражает позицию общественности европейских стран по отношению к продолжающейся практике государственного регулирования вещательной деятельности. Участники симпозиума сформулировали основные требования, удовлетворение которых правительствами европейских стран и евросообществом позволило бы расчистить дорогу к созданию систем массового телерадиовещания, основанных на демократических принципах. Среди этих требований важнейшими были:

- немедленное расширение концепции свободы печати применительно к свободе вещания;

- создание юридических и организационных гарантий обеспечения журналистам и продюсерам вещательных организаций свободно и без вмешательства исполнять свои профессиональные обязанности;

- исключение руководства общественными вещательными организациями из сферы политической деятельности;

- отмена монополизма, всех форм дискриминации при предоставлении возможности вещания и распределении частот вещания;

- обеспечение независимым вещателям, в том числе и общественным, такого же свободного доступа ко всем источникам информации и материалам, каким пользуются официальные СМИ;

- юридические гарантии возможности использовать разнообразные источники финансирования вещания, включая абонентскую плату и др.

Совершенно очевидно, что все эти требования были продиктованы острыми проблемами, которые накопились к тому времени в вещательном секторе европейских масс-медиа. Ответом на эти требования явилась резолюция №1 «Будущее общественного телерадиовещания», принятая 4-й Европейской конференцией министров по политике в области средств массовой информации в Праге спустя четырнадцать месяцев.

Представители государственных структур отметили «значимость перемен, произошедших в секторе телерадиовещания, в особенности появление смешанной системы общественного и коммерческого вещания» и признали, что общественное вещание цементирует политические, правовые и социальные структуры демократического общества, а потому следует гарантировать постоянство и стабильность общественного вещания с тем, чтобы «позволить ему продолжать действовать на службе публики». При этом европейские министры сформулировали общие принципы и политические подходы к общественному телерадиовещанию, которые впоследствии были развиты и конкретизированы во многих более поздних европейских документах.

Мы приносим извинения читателю за столь подробное комментирование документов европейского сообщества. Однако их анализ и сопоставление во времени наглядно показывает, что становление общественного телерадиовещания в Европе не было столбовой дорогой, как это может показаться. Все то, что сейчас имеет западноевропейский потребитель телевизионной и радиоинформации, он сам же и отстоял через механизмы представительной демократии.

Несколько по-иному устанавливалось общественное телерадиовещание в США. В этой стране с самого начала радиовещание, а затем и телевидение развивались исключительно как коммерческие структуры, независимые от государства в экономическом отношении. Однако уже в конце 20-х годов государство признало необходимость разумного ограничения коммерческих интересов и ввело лицензирование предоставления радиочастот. При этом частные компании получали лицензии под обязательство соблюдать в своей деятельности не только сугубо коммерческие, но и общественные интересы. Как соблюдается это обязательство, с 1934 года контролирует независимый от правительства орган - Федеральная Комиссия связи. В настоящее время присутствие в сетке вещания коммерческих телестанций социально значимых передач по-прежнему остается необходимым условием получения лицензии. После принятия в 1967 году Закона об общественном телевидении был создан телеканал PBS (Public Broadcasting Service) – сеть, включающая в себя 355 региональных и муниципальных станций. В основном они финансируются за счет добровольных пожертвований частных лиц, колледжей, университетов, фондов и отчасти субсидиями правительств штатов, а также посредством федеральных грантов. Как и везде, в связи с этим у чиновников бывают искушения зажать рот общественным вещателям. Однако население неизменно встает на защиту своих прав. После серии журналистских расследований, затронувших интересы чиновников штата Айдахо, правительство штата решило устранить общественное вещание в своем регионе. Но это вызвало иски населения против штата, и власти отступили. С тем же результатом закончилось наступление чиновников и на федеральном уровне. В 1995 году Республиканская партия подняла вопрос об отказе от общественного вещания, мотивировав это его якобы низким качеством. Конгресс США немедленно оказался заваленным письмами протеста в защиту сети PBS. Сейчас она успешно развивается и охватывает значительную часть населения Соединенных Штатов.

Как видим, и в Европе, и в США окончательное правовое оформление деятельности общественного телевидения произошло совсем недавно, и процесс этот продолжается сейчас. Так что включиться в него не поздно никому, в том числе и нам, белорусам. У нас какие-то элементы демократизации телерадиовещания возникли в короткий период примерно с начала 1992 года и до мая 1995 года (когда состоялся приснопамятный референдум, уничтоживший символы государственности независимой Белоруссии). Действительно, в этот период, включающий, как известно, и предвыборную кампанию 1994 года, в эфире зазвучали новые голоса, развивались такие демократические формы вещания, как «прямые линии», включения с мест, публичные дискуссии. Возникли циклы острых публицистических передач, аналитичность и информационная насыщенность которых была на порядок выше того, что зритель видел ранее. Да и сами телевизионные дебаты между финалистами предвыборной кампании 1994 года сейчас, с учетом того, что произошло впоследствии, можно считать примером цивилизованного использования телевидения в процессе демократизации общества. Наверное, об этом сейчас уместно напомнить тем, кто, получив в те годы почти неограниченный доступ к телеэфиру, сейчас признает лишь монопольное право на владение им.

К сожалению, «укрепление государственности» у нас всегда означает подавление основных прав и свобод. Эти два понятия почему-то никак не могут существовать рядом в нашей действительности.

В Европе и во всем мире общественное телевидение возникло и развилось в результате целенаправленной деятельности сильных государств, демократичность которых заключается в том, что они действуют в интересах общественности, которая имеет реальные рычаги влияния (если угодно, нажима) на них.

Шипы и розы

(необходимое отступление: очерк общественной морали)

Снова задумаемся о применимости зарубежного опыта в наших условиях. Нет ничего легче, чем в одночасье «ввести» у нас институт общественного телевидения: в аббревиатуре ОНТ даже буква «О» припасена. Можно разумные законы написать и даже провести их через парламент (не через нынешний, конечно). И быть совершенно уверенным, что… ничего от этого не изменится. Почему? Ответ на этот вопрос лежит совсем не в плоскости писаного, формального права, а в области морали общественной, которой у нас законы не писаны, а действуют сами по себе. Можно и на российский опыт оглянуться: и ОРТ у них было, и указы ельцинские, и наблюдательные советы даже создавались, а все ни с места: в эфире господствует свистопляска коммерческих олигархических интересов, туго переплетенная с политической злобой (дня). Создан добротный закон об общественном телевидении и в Госдуму внесен, а ходу ему нет: никто не заинтересован, кроме немногочисленной группы профессионалов – журналистов и юристов, кому небезразлична судьба своей страны (просим прощения за высокий штиль).

Любой, кто в наших условиях задумается о действительной возможности создания общественного телерадиовещания, попадает в некий заколдованный круг. С одной стороны, практика общественного вещания в Западной Европе и во всем мире не может не убеждать в перспективности этого пути: столь очевидны приобретения. С другой стороны, как только выясняется, что общественное телевидение и радио не служат ни президенту, ни правительству, ни парламенту, ни партиям, пусть даже самым демократическим, никому конкретно - начинаются вопросы. А кому тогда? Населению, сказано же во всех европейских документах. В ответ – понимающая улыбка: население ведь – это фантом, призрак. Абстрактное понятие – народ. А конкретно - что? В постсоветских странах, где хорошо

знают разницу между словом и делом, такая ситуация определенно внушает тревогу.

В сущности, идея общественного телерадиовещания сводится к созданию правовых и административных механизмов, исключающих возможность манипулирования им со стороны не только власти (исполнительной, судебной, законодательной), не только партий, профсоюзов или общественных организаций, не только коммерсантов, но и вообще кого бы то ни было. Привлекательная сама по себе, эта идея при ближайшем рассмотрении, а тем более реализации становится для многих весьма опасной. Особенно для тех, кто обладает властью и влиянием. Поэтому у идеи общественного телевидения объективно существует много врагов, принципиально с нею не согласных. Поэтому даже при наличии ясно выраженной воли общества к реформированию электронных СМИ не меньшую трудность представляет создание правовых механизмов, отделяющих законное право на эфир правительства, президента, парламента, партий, лидеров общественного мнения от их же стремления использовать телевидение и радиовещание в своих целях.

Сейчас исполнительная власть в Белоруссии просто приватизировала массовое телерадиовещание, являющееся, по определению, общенародным достоянием. Беззастенчивое манипулирование массовым сознанием стало нормой поведения «государственных» журналистов. Об этом мы уже говорили. Конечно, это вызывает всеобщее недовольство. Но если мы думаем, что предоставление независимости общественным вещателям, свобода информационной деятельности снимет все проблемы, то глубоко ошибаемся. Кардинальным образом. Возникнут совсем другие проблемы, не менее серьезные. Готовы ли мы к ним?

Суть коллизии заключатся в том, что сейчас общество практически лишено объективной информации о самом себе. В случае радикального реформирования системы электронных СМИ в соответствии с общеевропейской практикой оно будет знать о себе максимально из того, что

возможно. В том числе оно узнает о себе много такого, что, может быть, знать и не должно, как полагает кое-кто из тех людей, кто принимает решения.

…Представим себе утро обычного рабочего дня компании общественного телевидения. Выпускающий редактор отдела новостей (АТН?) сидит над ворохом утренних газет, над информационными сводками агентств, над пачкой заявок репортеров, рвущихся на съемки. Сегодня президент выезжает (выступает, издал Указ, принял делегацию, проводит переговоры). Сегодня состоится заседание президиума правительства, на котором… Сегодня заседание парламента, принимающего очередной закон. Продолжается забастовка на фабрике. Просочились сведения о незаконной торговле оружием, в которой замешаны влиятельные персоны. Сошедший с гор селевой поток стер с лица земли поселок в Киргизии. Оппозиционный политик сделал заявление. Пенсионер вырастил на даче дыню. Дочь вице-спикера задержана милицией в баре в непотребном виде.

Что выбрать для вечернего, основного выпуска теленовостей? Что для дневного? Чему отдать предпочтение?

Для нынешнего «профессионала» проблем нет: катастрофы, несчастья, коррупция, забастовки и оппозиция есть где угодно, только не в его стране. В остальном ему «подскажут», что снимать и как говорить, бегая глазами по телесуфлеру. В новой ситуации он должен принимать решения самостоятельно. Конечно, мы говорим в собирательном смысле: решения принимают редакторы и репортеры, продюсеры и директора компаний. И все они обязаны ответить на вопрос: есть в этом сообщении событие, которое затрагивает интересы большинства людей, живущих в этой стране? На профессиональном языке это формулируется так: есть ли информационный повод для появления того или иного материала в эфире? Точнее говоря, именно этого, а не иного? Вопрос не в том, куда поехал и что решил президент, а в том, как это отразится на многих людях. Вопрос не в том, что Совет Министров сегодня заседает, а в том, что он обсуждает, и

соответствует ли ход обсуждения интересам большого количества людей, например, пенсионеров. Вопрос не в том, что оппозиционный политик сделал заявление, а в том, какое именно это заявление, о какой опасности обществу предупреждает политик. Нужно что-нибудь и «на закуску»: занимательное, курьезное, смешное.

И кто же все это решает? Какой-то безвестный редактор, продюсер, репортер?

Вечерний выпуск был открыт сюжетом из Киргизии, президент мелькнул на тридцать секунд (столько же зритель созерцал пенсионера с дыней и пьяную девицу), о заседании правительства не сказали ни слова, из парламентских дебатов вырвали кусочек, где депутаты схватились врукопашную. В сюжете о забастовщиках дали слово обеим сторонам, и у тех, и у других нашлись обвинения в адрес друг друга. Оппозиционному политику репортер задал ехидный вопрос, и тот смешался, не нашел, что ответить. Зато о нелегальной торговле оружием рассказывалось обстоятельно, телекомпания провела собственное расследование, что вызвало большой скандал, чуть ли не внутриполитический кризис.

В итоге остались недовольными все: и президент, и глава правительства, и парламентарии, и оппозиционный политик, и забастовщики. О торговцах оружием и говорить нечего. Мнения пенсионера с дыней и папы пьяной девицы (вице-спикера парламента) остались неизвестными.

Учитывая то влияние, которое оказывают электронные СМИ на общественное мнение населения (а ведь это электорат!), становится очевидным, что независимое общественное телевидение и радио – это властная инстанция, да еще какая! Добавим, что национальное телерадиовещание как представитель общественных интересов обязано обращать особое внимание на деятельность властных структур, держать под постоянным контролем те сферы жизни, которые больше других чреваты возникновением опасности для общества. Этой цели служат журналистские расследования о тайных операциях спецслужб, о коррупции в высших

эшелонах власти, о нарушениях прав человека, махинациях в финансовой сфере, падении нравов в обществе и т.п. Ясно, что при таком «поведении» общественных вещателей у них появятся не только могущественные враги в структурах власти, бизнесе, но и обиженные простые граждане, репутацию которых задели (справедливо или несправедливо, вольно или невольно – не имеет сейчас значения). И все они будут прибегать к доступным им средствам защиты. Влиятельные персоны изобретут тысячи способов морального и иного давления на журналистов и компанию, простые и непростые граждане обратятся в суд с исками о защите чести и достоинства. Найдутся ли у общества силы, чтобы защитить свое телевидение, справедливо ущемившее интересы немногих (кем бы они ни были) во имя стабильности и торжества правопорядка в целом?

Поразительно, но практическая деятельность общественных вещателей отвечает на этот вопрос утвердительно. Мы приведем несколько примеров, достаточно убедительных.

В 1980 году сеть PBS – американское общественное телевидение - подготовила к выходу в эфир «документальную драму», в основе которой лежали реальные события. Это была история любви саудовской принцессы и человека незнатного происхождения. Нарушение молодыми людьми кастовых запретов привело к трагическому финалу: оба были обезглавлены. Правительство Саудовской Аравии (основного поставщика нефтепродуктов в США) заявило протест по поводу возможного показа фильма и пригрозило прекратить ввоз нефти в страну. Государственный департамент «попросил» общественные вещательные организации воздержаться от демонстрации фильма: мотивы для такого решения были более чем убедительны. Тем не менее «документальная драма» была показана и вызвала огромный резонанс в американском обществе. На давление со стороны правительства телекомпании ответили предложением предоставить время для выражения противоположных точек зрения и открыть дискуссию. Никакого эмбарго со стороны Саудовской Аравии на поставки нефти в США не последовало.

Еще более поразительный случай вспоминает известный шведский телерадиожурналист Эрик Фихтелиус. Это случилось в 1987 году, в пору его работы заведующим редакцией новостей «Эхо» Шведского радио. В результате журналистского расследования выяснилось, что шведское предприятие «Буфорс» заплатило большие взятки, чтобы получить от Индии крупный и выгодный заказ на производство полевых гаубиц. Радиопередача вызвала неслыханный скандал. Журналистов обвиняли в том, что они нанесли ущерб шведскому правительству, партии социал-демократов и лично Улофу Пальме, имевшему до того репутацию миротворца. Снизились объемы шведского экспорта, поскольку на какое-то время с ним стали связывать коррупцию. К предприятию «Буфорс» на многие годы было утрачено доверие на мировом рынке, а само это слово сейчас на языке хинди как раз и означает взяточничество. Премьер-министр Индии Раджив Ганди сам не раз говорил, что скандал вокруг сделки со шведскими оружейниками стоил ему поражения на выборах. Позже появились сведения, что Р.Ганди разрабатывал планы нападения на Пакистан только для того, чтобы отвлечь внимание электората от скандала с «Буфорсом».

«Насколько значимой была эта информация для нашей аудитории? - спрашивает себя Эрик Фихтелиус, размышляя о мере ответственности журналиста. – В нашем распоряжении имелись документы и достоверные свидетельские показания, подтверждавшие факты коррупции, которые позже выдержали все проверки во время следствия и разбирательств, и, более того, были подтверждены индийскими властями.

Я глубоко убежден, - отмечает Эрик Фихтелиус, - что я нес ответственность лишь за одно – за оценку имевшейся у нас информации по критериям правдивости и значимости.

Мы считали, что граждане должны были узнать о том, как Швеция получила крупнейший для страны экспортный заказ, оценивавшийся в 8 млрд. крон (по курсу того времени – почти миллиард долларов). Именно поэтому мы решили обнародовать эту новость, ответственность за

последствия оглашения которой не могла возлагаться на меня. Ответ должны были держать те, кто предлагал взятки и те, кто их брал» (Эрик Фихтелиус. Десять заповедей журналистики. – Стокгольм, 1999, с. 135-136).

Уже упоминавшийся трагический инцидент – самоубийство советника британского министерства обороны, выдавшего корреспонденту BBC секретные, но общественно важные сведения – также характерен тем, что едва не стоил поста премьер-министру этой страны Тони Блэру.

Из последних по времени примеров можно упомянуть документальный фильм американского режиссера Майкла Мура «Фаренгейт 9/11», острие критики которого направлено против Президента США Джорджа Буша-младшего. Компания-производитель отказалась прокатывать картину в массовом телеэфире. Однако население США (и не только) увидело ее благодаря альтернативным возможностям, всегда имеющимся в демократической стране.

Конечно, все то, о чем здесь упоминалось, возможно благодаря прочной системе законодательной и судебной защиты общественных вещателей от административного произвола, которая де-факто существует в большинстве цивилизованных стран. Однако нельзя не видеть, что и практическая деятельность свободных масс-медиа сама по себе является фактором и гарантией сохранения и укрепления правового сознания на всех этажах общества.

Возьмем другую важнейшую функцию телерадиовещания – быть форумом, где обсуждаются насущные, актуальные проблемы общественного развития. Мы уже видели, что основным принципом является обнародование как можно более широкого спектра мнений и точек зрения на происходящие события. Но обратной стороной является столь же неукоснительное правило: общественное телерадиовещание никому не предоставляет преимущественного права на эфир. На это нет права даже у президента или премьер-министра. Конечно, во многих национальных европейских законодательствах есть оговорка о предоставлении эфира правительству,

но… в случаях катастроф или других подобных обстоятельств, представляющих серьезную опасность для населения. Показательно, что в проекте типового закона об общественном вещании, разработанном юридическим департаментом Европейского вещательного союза, нет даже и такого пункта. В примечании же разъяснено, что такая оговорка отсутствует по двум причинам: во-первых, обычно правительство само узнает о таких событиях из передач радио и телевидения, а не наоборот (до чего дошло! – Э.М.). Во-вторых, в таких случаях существует явная заинтересованность журналистов в максимальной информации о событиях, и к правительству все равно обратятся.

Конечно, у высших государственных чиновников, как и любого гражданина страны, должно быть право на публичное заявление своей позиции, и это предусмотрено статьей пятой типового закона. Однако здесь же говорится о неотъемлемом праве вещателя предоставлять обществу альтернативные точки зрения, например, оппозиции. Разумеется, это относится не только к высшим должностным лицам. Лидеры партий, профсоюзов, общественных организаций, руководители предприятий, депутаты – все те, кто претендует на звание лидера общественного мнения и кто в наших условиях требует преимущественного доступа к эфиру, должны будут привыкнуть к тому, что это невозможно. Право на ответ в публичной дискуссии – одно из важнейших, принципиальных условий эффективной информационной деятельности. Оно закреплено в уставах большинства телерадиокорпораций общественного вещания. Это означает, что никто, никто не имеет права на истину в последней инстанции и всякий, высказав свое мнение, обязан будет смириться с тем, что выскажутся и другие.

Здесь следует оговориться. Конечно, парламентские дебаты интересуют всех, и они должны транслироваться как можно полнее. Конечно, политические партии, профсоюзы имеют право на заявления, демарши, прокламирование своих позиций. Но… если они представляют интересы достаточно большого количества людей. Это право закреплено в

законодательствах многих европейских государств. Конечно, политики, участвующие в избирательных кампаниях, должны иметь права на доступ к эфиру, но в рамках закона о выборах. И никак иначе.

А в остальном все равны перед всеми.

Однако именно такой порядок вещей может вызвать наибольшее неприятие в нашем обществе. Конечно, никто открыто не будет заявлять о своем преимущественном праве на доступ к эфиру: всегда найдутся другие аргументы. Например, плюрализм в эфире могут представить угрозой «социальной стабильности» («не следует отягощать людские массы многими правдами», как выразился незабвенный Эдичка Лимонов). Собственное присутствие в эфире будет мотивироваться «особыми обстоятельствами». Ограничение прав оппонентов - прикрываться дымовой завесой заклинаний об «информационной безопасности». Уязвленное самолюбие – удовлетворяться исками о защите чести и достоинстве, требованиями права на ответ. Но, наверное, самым опасным оружием может стать обвинение журналистов (или телерадиокомпании) в субъективном подходе к освещению событий, к трактовке важнейших общественных явлений.

Как видим, можно серьезно пораниться о шипы, которые всегда вырастают раньше, чем розы.

Свобода и ответственность

Может быть, вся наша беда в том, что мы – сознательно или нет – разводим порознь эти понятия. Одна часть общества, которую принято называть демократической, настаивает на необходимости предоставления СМИ, в том числе и электронным, максимальных свобод. Эту точку зрения понять можно: белорусская пресса подвергается столь жестоким репрессиям, что никакие резкости, высказанные в защиту права на свободу слова, не будут чрезмерными. Сами же власти, если и мотивируют свои действия (что в последнее время случается крайне редко), настаивают на ответственности масс-медиа перед обществом. Справедливый сам по себе, этот тезис в устах госчиновников звучит просто издевательски, потому что наша пресса еще никогда не была столь свободна, чтобы ей пришлось напоминать об ответственности.

В любом случае, разница в понимании роли средств массовой информации глубоко раскалывает наше общество, становится фронтом идеологической, политической борьбы. Хотя именно здесь, как нигде, необходим консенсус.

Духом такого консенсуса, стремлением найти и установить баланс между журналистской свободой и обоюдной ответственностью (и журналистов, и общества) пронизаны все важнейшие европейские документы. Венская декларация Европейского симпозиума по проблемам СМИ, состоявшегося в сентябре 1993 года, ссылаясь на статью 19 Всеобщей декларации прав человека, потребовала от европейских правительств принятия таких юридических и организационных мер по поддержке прав журналистов и продюсеров вещательных организаций, которые обеспечивали бы им возможность свободно и без вмешательства выполнять свои профессиональные обязанности. Высшей целью вещательных организаций названо «свободное и честное информирование общественности», представляющее события в целостном и сбалансированном виде и с необходимой оперативностью. Для этого государственным и общественным

организациям рекомендуется предоставлять вещателям свободный доступ ко всем источникам информации и материалам. Призвав к безусловному и немедленному расширению концепции свободы печати применительно к свободе вещания, подписанты Венской декларации потребовали от европейских правительств гарантий невмешательства в деятельность вещателей, включения принципа свободы вещания в национальные конституции, а также в уставные документы международных институтов и вещательных организаций.

Резкий тон Венской декларации не вызывает сомнений в том, что расширяющая практика общественного телерадиовещания приносила не только розы (вроде упомянутых выше примеров), но и шипы, причем в гораздо большем количестве. Показателен подзаголовок Венской декларации: «От вещания, контролируемого государством, к общественному вещанию».

В декабре 1994 года уже упоминавшаяся 4-я, Пражская Европейская конференция министров по политике в области СМИ признала, что общественное вещание поддерживает ценности, цементирующие политические, правовые и социальные структуры демократических обществ, в особенности уважение прав человека. Конференция европейских министров постановила сохранить независимость общественного телерадиовещания и гарантировать ему надежное и должное финансирование. Резолюция №2 Пражской конференции «Журналистские свободы и права человека» установила ряд принципов осуществления журналистской деятельности, где конкретизировала и закрепила сбалансированный подход в сочетании свободы и ответственности.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что права и свободы, которыми могут пользоваться журналисты, в том числе и телерадиожурналисты, оказываются не чем иным, как их же и обязанностями. В упомянутых выше и многих других общеевропейских документах таковыми правами-обязанностями названы:

- сохранение независимого и критического подхода к осмыслению событий;

- сбор информации честными способами;

- отделение фактов, о которых сообщает журналист, от комментариев, где он может высказать собственное мнение или позицию редакции;

- сохранение в тайне источников информации;

- критическое рассмотрение деятельности органов государственной власти и частного сектора, предоставление людям возможности сформировать свое собственное мнение;

- распространение мнений различных представителей общества, содействие таким образом информированию органов государственной власти, всего общества об этих мнениях.

- уважение прав и свобод человека, исключение фактов вторжения в личную жизнь.

В отношении вещательных организаций также уместно говорить о правах, которые должны быть им предоставлены обществом. В наиболее определенной форме эти права зафиксированы в Рекомендации «О гарантиях независимости общественных средств массового вещания» Комитета министров Совета Европы, принятой в 1996 году. Подтверждая жизненную важность общественного вещания как информационного, образовательного, культурного и развлекательного компонента в жизни общества, подчеркивая необходимость уважения прав СМИ, в первую очередь со стороны правительств, Комитет министров Совета Европы сформулировал руководящие принципы в отношении гарантий независимости общественного телерадиовещания. Указано, что правовая основа, регламентирующая деятельность организаций общественного вещания (законы, уставы корпораций), должна предусматривать их редакционную независимость и институциональную автономию, в особенности в следующих областях:

- составление расписания программ;

- замысел и производство передач;
- редактирование и выпуск новостей, освещение текущих событий;
- составление программ не подлежит цензуре в каком-либо виде. Запрещается предварительный контроль организаций общественного вещания со стороны лиц или органов, внешних по отношению к ним (кроме исключительных случаев);
- организация деятельности службы общественного вещания;
- подбор кадров, а также управление ими в рамках организации;
- приобретение, аренда, продажа и использование товаров и услуг;
- управление финансовыми ресурсами;
- составление и исполнение бюджета;
- проведение переговоров, подготовка и подписание юридических документов в отношении деятельности вещательной организации.

Комитет министров Совета Европы рекомендовал правительствам стран-членов СЕ включить в свои внутренние законодательства эти положения, гарантирующие независимость общественного вещания.

На практике выполнение этих требований выразилось в заключении своеобразных соглашений между правительствами и организациями общественного вещания, в которых регламентировались взаимные обязательства по отношению друг к другу. Вот, например, как выглядит начало раздела «Общие положения» в Уставе общественного телерадиовещания Швеции: «**Правительство предписывает, и SVT с этим согласно (**выделено мной – Э.М.**)**, что право телевещания должно быть обусловлено выполнением следующих положений, согласно Закону «О радио и телевидении».

Параграф 1. Компании, производящие телевизионные программы, должны пользоваться правом беспристрастного и непредвзятого вещания, основанного на фактах, осознавая, что в телевидении должны превалировать принципы свободы слова и информации.

SVT должно до трансляции проверять материалы, используемые в программах, так тщательно, насколько позволяют обстоятельства. Темы и способы освещения подобных материалов должны быть выбраны с учетом их значимости».

В разделе Устава «Содержание программ» наше внимание привлекают следующие положения:

Параграф 10: «SVT должно транслировать программы новостей, передачи в форме дискуссий и другими способами освещать текущие события и процессы, предоставляя всестороннюю информацию, необходимую гражданам для того, чтобы хорошо ориентироваться и формировать собственное мнение по вопросам социально-экономической и культурной значимости.

SVT должно тщательно следить за действиями тех органов власти, организаций и частных фирм, которые оказывают влияние на политику, затрагивающую жизнь общества, и освещать деятельность этих и других организаций…

В освещении новостей и событий из общественной жизни должны быть представлены разные точки зрения; события не должны оцениваться и освещаться исключительно с позиции официальных властей».

Напомним, что правительство предписывает общественному вещателю поступать именно таким, а не иным образом, и вещатель с этим согласен. В Уставе Шведского общественного телерадиовещания, кроме процитированных выше положений, содержатся требования к качеству программ, их разнообразию, способности удовлетворять потребности большинства телезрителей. Кроме того, интересы меньшинств, по мере возможности, должны быть представлены в программах в такое время, когда большая часть населения имеет возможность их смотреть.

Сходные положения мы можем найти в большинстве законов и уставных документов вещательных организаций Европы. Например, условиями лицензии на вещание Британской вещательной корпорации – BBC –

предписывается воздерживаться от выражения в программах собственного мнения, не выражать поддержку определенной политической линии и по возможности представлять максимальное число точек зрения на освещаемые события. Эти требования закреплены в ряде ведомственных инструкций ВВС. Специальные службы компании контролируют их исполнение, отслеживая содержание программ и рассматривая поступающие жалобы телезрителей. Предписания, защищающие общественные интересы, содержатся в Государственном договоре по радио и телевидению в Германии, а также в федеративных договорах с ZDF и ARD. Во Франции телерадиовещание осуществляется в соответствии с Законом о свободном вещании (последняя редакция принята 29 июня 2000 года). Закон требует объективности в подаче информации, плюрализма выражения общественного мнения, особенно в политических новостях. Безусловны также требования высокого качества и разнообразия программ, пропаганды французского языка и культуры, особого внимания к интересам детей и подростков.

Свобода журналистского творчества, как и редакционная независимость, как и автономность вещательных организаций, неотделима от ответственности на всех уровнях и этапах вещательной деятельности. В силу специфики журналистского творчества, ее особенностей, которые далеко не всегда можно отразить в чеканных сроках закона, регулирование индивидуальной ответственности отдано моральным кодексам профессиональной деятельности работника печати, телевидения и радио. Это общепринятая европейская и мировая практика. В большинстве цивилизованных стран корпоративные кодексы играют роль ничуть не меньшую, чем законодательства.

Вместе с тем, серьезные исследователи западной журналистики, признавая безоговорочное право журналиста, как и любого гражданина, на свободную информационную деятельность, констатируют и факты злоупотреблений этим правом. Наиболее часты в этой связи упоминания о коррумпированности отдельных журналистов, нарушении ими права каждого

человека на личную жизнь, о фактах скрытого и явного служения властям. Все эти проблемы знакомы и нашим работникам пера, микрофона и телекамеры. Разница, однако, состоит в том, что у нас открытое служение власти, фальсифицирование фактов, одностороннее освещение событий не только не подвергается правовой оценке, но и не находит морального осуждения со стороны союза «государственных» журналистов. Властями представители журналистской профессии рассматриваются как государственные холопы. Те же, кто не согласен с такой ролью в обществе, отнесены к разряду «нечестных» со всеми вытекающими последствиями.

Мы сейчас вынуждены говорить об этом в той связи, что личная моральная ответственность, верность принципам своей профессии являются важнейшим критерием подбора журналистских (режиссерских, операторских и т.д.) кадров для общественного телерадиовещания. Вернее даже будет сказать, что именно сплоченность журналистов Европы в отстаивании своих прав на честное и объективное информирование и сделали возможным появление такого института, как общественное телерадиовещание.

Конечно, в упомянутых нами документах европейского сообщества содержатся и требования, регламентирующие сознательное ограничение прав и свобод в журналистской деятельности. Журналисты обязаны чтить кодексы профессиональной этики, предусматривающие распространение точных и сбалансированных сообщений, исключать распространение неправильной, недостоверной информации, проводить различия между собственно информацией и авторским комментарием, не допускать распространения клеветнических утверждений, уважать права на судебное разбирательство. Предусмотрены также и меры защиты от проникновения прессы в личную и семейную жизнь граждан, соблюдение тайны переписки. При подготовке информации о личной жизни общественных деятелей журналист освобождается от этих обязательств только в том случае, когда полученные сведения могут оказать воздействие на общественно значимые события. Нельзя не заметить, что эволюция правовых представлений в этой сфере

заключается в придании все большей роли профессиональной подготовке журналистов и кодексам профессиональной этики сотрудников СМИ как основных средств саморегуляции журналистской деятельности. В пражской резолюции прямо указывается на обязанность властей проявлять сдержанность при рассмотрении казусов, связанных со средствами массовой информации и признавать за журналистами право на выработку норм саморегуляции, таких как кодексы профессионального поведения

Нарушения тем или иным журналистом этических принципов своей профессии находят оценку в корпоративной среде, в ходе судебных заседаний по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Более серьезную проблему представляет возможная (или реальная) ангажированность вещательной организации в целом. Такая проблема требует специального законодательного регламентирования. В первую очередь это касается открытости для общества всех сторон деятельности вещательной корпорации: отношений собственности, распределения финансов, формирования вещательной политики, подготовки отдельных передач.

Уже неоднократно упоминавшаяся нами резолюция Пражской конференции министров стран Совета Европы по политике в области СМИ «Журналистские свободы и права человека» касается и этой проблемы. Здесь говорится, что государственные органы в целях достижения **действительной** (выделено мной – Э.М.) независимости редакций по отношению к политической власти и давлению частных интересов должны поощрять открытость сведений о структурах собственности различных СМИ, а также о третьих лицах, которые способны оказать влияние на редакцию. В том же, 1994 году, Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию «О мерах по обеспечению прозрачности средств массовой информации». В этом документе изложены как общие требования к прозрачности СМИ (обеспечение доступа общественности к информации о СМИ, обмен сведениями о СМИ между властными структурами), так и специальные

меры, гарантирующие прозрачность в вещательном секторе. Прежде всего, речь идет о том, чтобы включить в законодательство требования к соискателям лицензий на осуществление вещания представлять в регистрирующие органы широкий перечень конкретных сведений. Эта информация делится на три категории. Первая – сведения о лицах или органах, принимающих участие в создании вещательной организации, о степени участия в ней. Вторая категория – сведения о характере и степени заинтересованности вышеуказанных лиц и органов не только в других средствах массовой информации, но и в других секторах экономики. Третья категория – сведения о других лицах и органах, в отношении которых существует вероятность, что они могут оказать существенное влияние на программную политику данной вещательной компании путем предоставления ей определенных ресурсов. В рекомендации Комитета министров Совета Европы предусмотрен порядок предоставления информации о деятельности вещательной организации, а также расписаны функции служб или органов, ответственных за обеспечение прозрачности действующих вещательных служб. Как видим, в этом документе нет и намека на некую «свободу» вещательной деятельности. Напротив, текст рекомендации проникнут сыскным духом всеобъемлющего контроля, цель которого одна: оградить общественных и частных телерадиовещателей от любой возможности несанкционированного воздействия на программную политику и содержание передач.

Принципы деятельности
организаций общественного вещания

К настоящему времени в абсолютном большинстве европейских стран, в странах американского континента, в Юго-Восточной Азии, в Австралии созданы и успешно действуют авторитетные, пользующиеся влиянием системы общественного телерадиовещания. Нередко они включают в себя несколько телевизионных и радиовещательных общенациональных каналов. Опыт их деятельности показывает, что именно общественное телевидение и радиовещание в наибольшей степени способно служить интересам большинства людей, живущих в данной стране, целям экономического и социального развития, достижения национального согласия – в общем, прогрессу нации в целом. Кто будет спорить, что это нужно каждому народу?

Стоит присмотреться к тому, на каких принципах базируется деятельность общественных служб («public services») телерадиовещания, как управляется, как практически осуществляется. Обращаясь к опыту ведущих европейских стран и Евросоюза в целом, мы будем руководствоваться нашими, белорусскими мерками, искать ответы на вопросы, которые ставит сегодняшняя и завтрашняя белорусская действительность.

Как подчеркивается во всех европейских документах, общественное телерадиовещание – это вещание:

- предназначенное для общества;
- контролируемое обществом;
- финансируемое обществом.

Рассмотрим первый и главный принцип – служение телерадиовещания обществу. Что это означает на практике?

Технологический аспект заключается в том, что общественное вещание должно обслуживать все население страны без каких-либо исключений, то есть, каждая семья, дом, квартира должны иметь возможность беспрепятственно принимать телевизионные и радиопрограммы. В этом

смысле общественное телерадиовещание приравнивается к другим видам универсального обслуживания, таким, как водо-, газо- и электроснабжение. Казалось бы, здесь все ясно: основные каналы государственного телерадиовещания Беларуси распространяются по все территории страны и принимаются абсолютным большинством населения (около 97-99%, по официальной статистике). Заметим, однако, что в такой равнинной европейской стране, как Беларусь, наличие 20-30 тысяч человек («недостающие» 2-3 процента), лишенных возможности уверенного приема, вряд ли можно считать нормальной ситуацией. Однако и эти цифры могут быть неточными: на самом деле количество людей, не имеющих доступа к телевизионной и радиоинформации, может быть значительно большим. Несколько лет назад мне довелось видеть сводки Министерства связи, где говорилось об изношенности сетей проводной радиосвязи, многочисленных повреждениях, обрывах и т.д. Это привело к отключению от проводной сети радиовещания значительных контингентов населения, преимущественно в сельской местности. Может быть, кто-то сочтет сейчас проводное радиовещание анахронизмом, однако в наших условиях это, пожалуй, единственная реальная возможность охватить все население страны хотя бы одной радиопрограммой. Раз уж так сложилось исторически, почему это не сохранить? Впрочем, за последние годы многое сделано в реконструкции и модернизации проводной радиосвязи.

В отношении телевизионного вещания тоже не все гладко. Из-за обнищания населения многие до сих пор не имеют цветных телевизоров (особенно на селе), а если и имеют, то преимущественно советского производства и годами дожидаются телевизионного мастера. А он все не едет…

В целом же общая информационная ситуация в Белоруссии выглядит вполне по-европейски: существуют три телевизионные программы, распространяемые в общенациональном масштабе, пять областных телестудий и одна региональная столичная («СТВ»). В радиовещании первый

национальный радиоканал распространяется по проводной сети. Второй канал - "Культура", вещает в УКВ-диапазоне. Третий канал – сравнительно недавно открывшийся "Радиус". Четвертый - информационный канал "Сталіца", который вещает на волнах, где раньше ретранслировался российский «Маяк». Можно сказать, что стартовые технологические возможности для создания полноценного общественного телерадиовещания вполне сложились, хотя они еще значительно уступают европейским условиям, в том числе соседней Литве.

Здесь общественное телевидение действует уже три года. Всего в Литве десять каналов — шесть региональных и четыре национальных. И это на три с половиной миллиона населения! По кабельному телевидению литовцы смотрят скандинавский ТВ–1000, русский, украинский, польский, английский каналы с субтитрами.

Во Франции, например, из семи каналов эфирного телевещания четыре принадлежат общественному телевидению. Это – «Франс-2», «Франс-3», канал «Арте» и «Пятый канал». «Франс-2» - общенациональный канал, выполняющий задачу информирования, просвещения и развлечения, охватывает примерно 25% аудитории. «Франс-3» - канал одновременно и общенациональный, и региональный. Его доля аудитории составляет около 20%, и она быстро увеличивается. В 1989 году «Франс-2» и «Франс-3» объединились в рамках холдинга «Франс телевизьон», они координируют свою вещательную деятельность, у них общее руководство. «Арте» - это международный, франко-германский телеканал культурно-просветительских программ высокого качества. Он вещает с 19 часов вечера до трех часов ночи на две страны (в Германии распространяется по кабельным сетям). В свободное от «Арте» время на той же частоте работает «Пятый канал», предлагающий зрителю образовательные программы и качественную документалистику, рассчитанную на самую широкую аудиторию.

Общественное радио Франции представляет собой сеть из 53 радиостанций, в том числе пяти национальных: «Франс энтер», созданную в 1947 году,

«Франс инфо», работающую с 1989 года (первая в Европе радиостанция, постоянно передающая актуальную информацию), «Франс кюльтур», «Франс мюзик» и «Радио блю» («Синее радио»), передачи которого предназначены для слушателей в возрасте после 50 лет. Кроме общенациональных, в сеть общественного радиовещания входят 39 местных радиостанций, а также около десяти «станций сопровождения», передающих вспомогательную или служебную информацию для определенных контингентов слушателей (прогноз погоды, репертуар театров и кино, ситуация на дорогах, предложения работы, программа телевидения и радио).

Ситуации во Франции достаточно типична для большинства европейских стран. Несколько по-иному обстоит дело в Соединенных Штатах Америки. Изначально телевидение развивалось там как коммерческое. Сеть PBS, о которой мы уже упоминали, создана в соответствии с Законом об общественном вещании 1967 года и в нее входят до четырехсот независимых телестанций из полутора тысяч, действующих в США. Однако условия лицензирования в этой стране таковы, что коммерческие станции также обязаны транслировать передачи, рассчитанные на самую широкую аудиторию. Так или иначе, но везде обязательно соблюдение важнейшего принципа общественного телерадиовещания: оно предназначено для всех слоев и групп общества.

Программы общественных вещателей предназначены для бедных и богатых, старых и молодых, одиноких и семейных, образованных и не очень. Они должны учитывать также интересы меньшинств, проживающих в этой стране (национальных, языковых и т.д.). Конечно, выполнение такой задачи довольно затруднительно: нелегко угодить всем сразу. Однако в основе такого подхода лежит взвешенное представление о консолидирующей роли общественно значимой информации для аудитории, признание важности телерадиовещания в сплочении нации вокруг важнейших проблем ее развития. В этом заключается *социологический принцип* деятельности

общественного телерадиовещания. Хорошей иллюстрацией его применения служит практика молодого общественного телевидения Литвы. В соответствии с литовскими законами, не менее 28% программ должны быть сделаны независимыми студиями. Они готовят программы для украинцев, белорусов, русских, поляков, немцев, литовских евреев. Есть одна программа и для совсем немногочисленных народностей, таких, как караимы (их примерно 400 человек). Эти передачи с удовольствием смотрят и литовцы.

Содержательный принцип подготовки телепрограмм, создаваемых общественными вещателями, тоже вполне однозначен. Документы Совета Европы (Пражская конференция министров по политике в области СМИ), Европейского союза (Резолюция Европарламента) содержат достаточно определенные характеристики типов программ, которые должны транслироваться по каналам общественного телевидения и радио. В первую очередь это информационные программы, которые честно, объективно и беспристрастно информируют о том, что происходит в стране и мире. Следующей важнейшей функцией общественного вещания является способность быть трибуной публичных дискуссий, форумом, на котором мог бы выражаться как можно более широкий спектр мнений и точек зрения. Передачи должны служить целям образования, просвещения, развития культуры и т.п. Далее, общественное телевидение и радиовещание обязаны:

- обеспечивать доступ всего населения к событиям, представляющим всеобщий интерес, включая спортивные трансляции;
- отражать различные философские идеи и религиозные взгляды, существующие в обществе, с целью углубления взаимопонимания, терпимости, быть фактором социального сплочения, интеграции всех индивидуумов, групп и общин;
- быть новаторами в повышении качества программ, делать их разнообразными, интересными, отвечающими этическим нормам и

стандартам честной журналистики. Не жертвовать качеством ради интересов рынка;

- отвергать любую дискриминацию по признаку расовой и национальной принадлежности, полу, политическим убеждениям и т.д;
- не допускать в эфир программы и фильмы, содержащие сцены насилия над личностью, способные наносить ущерб нравственности;
- уделять внимание потребностям меньшинств;
- расширять выбор услуг, предлагаемых телезрителям и радиослушателям.

Что может сказать любой из нас, читая эти строки? Что это прекрасные декларации, против которых, наверное, не выскажется никто. Под ними, наверное, могут подписаться даже те, кто «рулит» сейчас Белтелерадиокомпанией и чья деятельность на самом деле вопиющим образом противоречит изложенному выше. Однако есть принципиальная разница. Как мы увидим, практически все эти и другие важные принципы деятельности общественных вещателей вошли в законодательства европейских стран о телевидении и радиовещании, уставы вещательных корпораций, стали регуляторами их повседневной деятельности. На практике это находит выражение в программной политике организаций общественного телерадиовещания.

Программная политика

Как отмечает Дэвид Уорд, заместитель директора Европейского института СМИ, программная политика создает мост между вещателями и аудиторией, она позволяет документально подтвердить отдачу от вложенных обществом средств, а также контролировать исполнение вещателем своих обязательств перед обществом.

В Германии Государственным договором по радио и телевидению запрещены передачи, содержащие апологетику войны, порнографию, способные нанести ущерб нравственности молодежи и подростков, разжигающие расовую ненависть, изображающие жестокость и акты

насилия, оскорбление человеческого достоинства. Фильмы, на которые существуют ограничение просмотра для лиц до 16 лет, могут быть показаны в эфире только с 22 до 6 часов. Все эти и другие правила являются обязательными для вещателей (как общественных, так и коммерческих) и неукоснительно соблюдаются.

В Германии программная политика в общественно-правовом секторе телерадиовещания осуществляется на трех уровнях: телерадиокомпания ZDF распространяет информацию от центра всем землям, ARD – от каждой земли всем землям. Существует собственное вещание в рамках одной земли или региона (например, NDR – Северо-Германское вещание). В соответствии с государственным договором ZDF самостоятельно готовит свои программы, но согласовывает программную политику с ARD, в первую очередь в отношении выпусков новостей. ZDF может сотрудничать с третьими лицами, однако заказывать телевизионную продукцию должна в различных землях своей страны, при этом по возможности распределять заказы пропорционально. Телерадиокомпании могут принимать заказы на бесплатное распространение сообщений о мероприятиях и событиях, которые представляют всеобщий интерес (на церкви и другие религиозные сообщества это положение не распространяется). В случаях катастроф или событий, приравненных к ним, федеральному и земельным правительствам предоставляется эфирное время для сообщений. ZDF предписывается транслировать без купюр и дополнительных включений выступление лица или инстанции, интересы которой были затронуты в какой-либо передаче, и сделать это как можно быстрее в той же программе и в то же время эфирного дня.

ARD действует на основании административных соглашений между земельными телерадиокомпаниями, и в постоянную конференцию программы (руководящий орган) входят руководители региональных студий. Постоянная конференция может поручить тем или иным студиям работу над отдельными тематическими направлениями, передачами, отклонить те или

иные предложения, заменить их своими. В свою очередь, земельные студии имеют право отказаться от тех или иных фрагментов общегерманской программы и заменить их собственной продукцией. Однако все студии обязуются обеспечить жестко закрепленный за ними объем вещания в общегерманской программе, выражающийся в процентном отношении. Например, программы Северогерманского телевидения занимают не менее 22%.

В соответствии с предписаниями закона Северогерманское телерадиовещание – NDR, как и ZDF, ARD - обеспечивают пропорциональное представительство в эфире различных политических и общественных сил, отражение различных мнений, избегает одностороннего отражения интересов какой-либо партии, группы, сообщества граждан. Все три компании общественного телевидения должны предоставлять зрителю объективный обзор событий в мире, в особенности картину немецкой действительности. События в отдельных странах и культурное многообразие Германии должны быть отражены в программах пропорционально.

Британская вещательная корпорация – BBC – действует на основе Королевской хартии, а также лицензии и соглашения с правительством. Основным документом является Хартия, в которой определен юридический статус корпорации, ее права и обязанности, порядок деятельности. Хартия регулярно обновляется, срок действующей заканчивается 31 декабря 2006года.

В своей программной политике BBC опирается на концепцию «универсального» вещания, то есть рассчитанную на вкусы и интересы всех слоев населения. Это выражается, прежде всего, в беспристрастности и сбалансированности информационных программ, доля которых составляет около 40%, в наличии таких передач, которые не будут представлены в программах коммерческого телевидения. К таковым относятся программы для наименее платежеспособных слоев населения, а также качественные программы, которые требуют значительных творческих усилий и

финансовых затрат. Доля образовательных, детских, религиозных программ на ВВС составляет около 28%, спортивных – 12%, развлекательных передач и постановок – около 30% (последний показатель – один из самых низких среди общественных вещателей Европы). Канал ВВС-1 – семейный, универсальный. Программы ВВС-2 рассчитаны на более узкую аудиторию и включают в себя преимущественно фильмы «не для всех», а также образовательные программы, в том числе для дистанционного (то есть заочного) обучения, которое в Великобритании очень развито.

Радиовещание ВВС состоит из пяти каналов: «Радио-1» - популярная музыка, «Радио-2» - музыкально-развлекательные передачи, «Радио-3» - канал классической музыки, «Радио-4» - информационно-аналитические, публицистические передачи, «Радио-5 Life» - информационно-спортивный канал.

Четкая типология каналов, высокое качество обеспечивают популярность программ ВВС во всех слоях британского общества.

Общим требованием к телевизионным и радиопрограммам общественного телерадиовещания Франции является их внепартийность, корректность и пропорциональность. Закон Французской республики и свободе вещания от 30 сентября 1986 года однозначно требует подготовки информационных и других программ высокого качества и разнообразия, сохранения и пропаганды французского языка и французской культуры. Безоговорочны также требования плюрализма выражения общественного мнения, особое внимание уделяется правам детей и подростков. В соответствии с законом, общественные вещатели обязаны включать в программы заявления и сообщения правительства Франции. Специальная парламентская комиссия следит за трансляцией в эфире дебатов, идущих в Национальном собрании. Для каждой политической фракции в обеих палатах парламента, а также для профсоюзов выделяется особое время, установленное Высшим аудиовизуальным советом.

Предоставление частот для вещания определяется договором между названным советом и вещателем. В этом договоре содержатся также требования общего характера. Такие, например, как первое исполнение произведений французских авторов во Франции, преимущественная трансляция передач французского производства или производства стран – членов Евросоюза, наличие обучающих и познавательных передач, вещание на заморские территории Франции. Регулируется также рекламная деятельность.

В Швеции действуют два канала общественного телевидения – SVT-1 и SVT-2, которые с 1996 года совместно планируют свою вещательную деятельность. Существуют также коммерческие общенациональные каналы TV-3 и TV-4. Их программная политика, финансирование, методы деятельности во многом схожи с практикой каналов общественных. Вещательная деятельность в стране регулируется соглашением между SVT и правительством, законом о радио и телевидении 1996 года, а также конституционным законом о свободе слова 1991 года. В Швеции общественное телевидение и общественное радио – отдельные компании, но их общим владельцем выступает трастовый фонд. Импорт телевизионной продукции составляет около 30% и осуществляется в основном из европейских стран. Американская продукция составляет всего треть от этой трети. Ее преимущественно транслируют коммерческие компании.

Лицензиями, которые выдаются специальным управлением правительства, определяются содержание, качество и шведского общественного радиовещания. Оно должно покрывать всю территорию страны, основываться на достоверных фактах, отражать широкий спектр мнений, пропагандировать шведскую культуру, удовлетворять запросы различных слоев населения, обеспечивать равное представительство мужчин и женщин и т.д. Общественное радио должно также иметь свои местные структуры в регионах. Шведское общественное радио вещает на семи программах. Первая из них состоит, в основном, из новостных выпусков, комментариев,

актуальной информации. Остальные транслируют музыкальные, развлекательные программы, передачи молодежной тематики, выпуски для регионов, а также вещание на языке национальных меньшинств Швеции, например, финнов и саамов.

Особенностью программной политики общественного телерадиовещания в такой стране, как Финляндия, является внимание к интересам национальных и языковых меньшинств. Например, шведскоязычные граждане страны Суоми (а их около 6% всего населения страны) получают программы на своем родном языке. В шведскоязычном вещании Финляндии работает каждый десятый журналист страны, и на это расходуется значительная часть бюджета Финской вещательной компании YLE.

В американской PBS нет центральной компании, производящей и транслирующей телепрограммы в общенациональном масштабе. Они производятся местными станциями по определенной специализации и распространяются в зависимости от потребностей того или иного региона. Законом об общественном вещании, принятом в 1967 году при непосредственном участии президента Линдона Джонсона, определена главная цель деятельности PBS: удовлетворение потребностей телезрителей в образовательных, просветительских, фольклорных передачах, программах для глухих (с сурдопереводом), для слепых (со специальным звуковым сопровождением). Функции общественного телевизионного вещания выполняют в США и два специализированные канала – History channel и Discovery channel.

В законодательных актах, в уставах вещательных корпораций различных стран неизменно провозглашается, что теле- и радиопрограммы предназначаются для всего общества с учетом групп населения, имеющих специфические культурные запросы. Такие требования могут показаться взаимоисключающими. Однако сердцевиной программной политики общественных вещателей является как раз соблюдение баланса между различными типами программ – для молодых и пожилых, для любителей

классики и авангарда, для мужчин и женщин, национальных меньшинств и т.д. Именно этот баланс является показателем качества программирования. При общем требовании к вещанию – информировать, просвещать и развлекать – выполнение этих задач для различных контингентов телезрителей и радиослушателей имеет свою специфику. Это не всегда означает, что все программы поочередно удовлетворяют потребности той или иной группы (хотя при достаточном количестве каналов решение задачи упрощается, мы только что приводили примеры того, как это делается). Это означает, что сочетание массовых интересов со специфическими позволяет создавать разнообразные и интересные программы, способствующие интенсификации общения внутри нации.

Краткий обзор положения дел в некоторых странах Европы и в США, на наш взгляд, убедительно показывает, что деятельность общественных вещателей: а) опирается на основополагающие, базовые принципы, заложенные в общеевропейском и национальных законодательствах; б) осуществляется с учетом политического и государственного устройства той или иной страны, ее специфических особенностей.

Именно поэтому в Европе насчитывают 49 моделей общественного телерадиовещания.

Столь же разнообразна и управленческая деятельность в вещательном секторе европейских государств.

Национальные органы управления телерадиовещанием

Вопрос о структуре, полномочиях и функциях органов, управляющих общественным и коммерческим телерадиовещанием - ключевой вопрос всей реформы этого сектора СМИ. От его грамотного решения зависит исполнение общественным вещанием важнейших своих функций, о которых говорилось выше. А грамотность решения – это не только знание правовой базы и общеевропейской практики, но и учет специфики той страны, где эта реформа осуществляется. Нет ничего опаснее формального подхода, когда внешние атрибуты общественного вещания могут быть установлены, а, по сути, не изменится ничего, только персоны чиновников, восседающих в кабинетах на Коммунистической, 6 и Макаенка, 9.

Возьмем на себя смелость заявить, что своеобразие внутриполитической ситуации в Беларуси заключается в наличии резкой поляризации общественного мнения о путях выхода из кризиса, поразившего и политическую систему, и экономику, и социальную сферу. Это относится и к реформированию телерадиовещания. Насмотревшись и наслушавшись программ «президентской» Белтелерадиокомпании, марионеточно-акционерных ОНТ и СТВ, многие из нас хотели бы видеть телерадиовещание Беларуси полностью свободным от государственного влияния.

Однако такие представления являются огромной ошибкой, это тоже формальный подход.

Отстранить государство от управления общественным и коммерческим вещанием невозможно. Подобная постановка вопроса не только сразу же переводит наши планы в разряд несбыточных прожектов, но и неверна по сути. Во-первых, потому, что государство (президент, правительство, парламент) – такие же полноправные субъекты общественной жизни, что и политические партии, общественные движения, отдельные граждане. Во-вторых, только государство (на самом деле озабоченное интересами всей

нации), может оградить нас от возникновения олигархов в вещательном секторе экономики – как отечественных, так и зарубежных. Это явление нам пока еще незнакомо.

Вопрос о роли государственных органов стоит совсем в другой плоскости: их нужно отстранить от бесконтрольного владения эфиром, лишить возможности директивно влиять на содержание передач и программную политику в целом. Именно поэтому во многих важнейших европейских документах мы встречаем непременное требование, **главный принцип управления телерадиовещанием: оно должно быть исключено из сферы политической деятельности.** Но в целом строительство новых отношений невозможно без участия государства, в первую очередь власти законодательной.

Это означает, во-первых, создание прочной правовой защиты вещателей от произвола государства, а во-вторых, - системы саморегуляции, которая не блокировала бы главное в вещательной деятельности – свободное творчество на благо всех. Под благом понимается предоставление населению необходимого стандарта обслуживания – максимального разнообразия телерадиопрограмм при их высоком качестве. При создании регулятивных органов решается сложнейшая задача: создать юридические механизмы, которые поддерживали бы баланс, казалось бы, взаимоисключающих начал:

- свободу журналиста и вещателя (телерадиокомпании), но их же ответственность перед законом и обществом;
- право управлять от имени общества и невозможность узурпировать это право;
- действовать под постоянным прессингом властей и быть независимыми от них;
- учитывать требования аудитории и в то же время развивать ее вкусы, создавать программы, богатые содержанием и яркие по форме.

На практике это означает создание органа, призванного быть буферной структурой в бермудском треугольнике отношений государства,

телерадиокомпании и общества. В каждой стране этот орган называется по-разному. Назовем его пока Совет по вещанию.

Статус такого совета определить нелегко, однако ключевой вопрос его дееспособности – это независимость от любых ветвей власти. Следовательно, первостепенное значение приобретает процедура назначения (избрания?) членов такого совета, персональный состав его участников.

Существует два взгляда на решение этой проблемы. Согласно первой концепции, представители широкого спектра институтов и групп общества инициируют создание Совета по вещанию и делегируют в него своих представителей на фиксированный период времени (например, на пять-семь лет) с необходимой ротацией. Примерами таких социальных групп являются работодатели и профсоюзы, госчиновники и политические партии, студенчество и ветеранские организации, писатели, журналисты и артисты, спортивные федерации, религиозные конфессии и т.д. Привлекательная своей демократичностью, эта концепция при ближайшем рассмотрении оказывается неосуществимой, поскольку мы не находим однозначные ответы на следующие вопросы:

- кто инициирует общественное движение за реформирование телерадиовещания, будет его координатором и гарантом последовательности и радикальности реформ?

- каким образом будут устанавливаться квоты на представительство тех или иных социальных групп в Совете по вещанию? Сколько человек должно быть в таком совете?

- как будет осуществляться выдвижение представителей общественности в Совет по вещанию? Кто установит правила выдвижения?

- кто вручит гипотетическому совету властные полномочия, необходимые для осуществления регулятивной деятельности в сфере электронных масс-медиа?

- каким образом будет осуществляться финансирование деятельности совета, откуда возьмутся деньги?

Вопросов слишком много, и слишком серьезных, чтобы не считать утопичной идею создания Совета по вещанию простым всенародным «вече». Как замечает известный российский правозащитник Юрий Вдовин, автор первого российского законопроекта об общественном телевидении, при слишком широком представительстве управляющий орган «становится громоздким, инерционным и малопродуктивным, хотя амбиции многих, претендующих на участие в совете, удовлетворены. Многообразная представительность этого органа создает, тем не менее, иллюзию большого демократизма». (Как создать общественное вещание в России? – М., 2002, с.84).

Впрочем, существует страна, где подобный подход применен совершенно уникальным образом. Это Нидерланды. Общественное телевидение Голландии не является единой организацией, а сформировано из группы вещательных организаций с индивидуальным членством. Пропуском в такую организацию служит ежегодный взнос в размере шести евро. Государственный секретарь удовлетворяет заявку на вещание, если она соответствует следующим требованиям: организация имеет в своем составе не менее 60 тысяч человек; является независимым объединением; вещание - главная сфера ее деятельности и должно быть направлено на определенную группу общества; новый участник как-то разнообразит существующий состав вещателей.

Количество индивидуальных членов организации определяет объемы выделяемого ей эфирного времени и правительственных субсидий. Например, каждая из семи крупнейших голландских вещательных организаций, в которую входят не менее 400 тысяч членов, получает 735 часов телевещания и 3000 часов радиовещания (на трех национальных телеканалах и пяти национальных радиоканалах), да еще по 50 миллионов евро на производство программ. Среди крупнейших вещателей Голландии – VARA – Рабочая ассоциация радиолюбителей, KRO – Католическая радиовещательная служба, Национальная ассоциация христианского

радиовещания Нидерландов. Эти организации были основаны более 70 лет назад. Кроме них, эфирное время и финансирование получают Нидерландская организация Хинди, Римско-католическое сообщество, Организация мусульман Нидерландов, NPS – организация нацменьшинств, ЭДЮКОМ – Организация в поддержку образования. Всего же таких организаций около тридцати.

Другой подход к формированию управляющих органов общественного телерадиовещания чреват появлением некоего марионеточного органа с номинальными регулятивными полномочиями, но на деле служащего интересам государства. Согласно этой модели, фиксированное число членов Совета по вещанию (например, девять или двенадцать) назначаются всеми ветвями власти в равной пропорции: одна треть парламентом, одна треть президентом, одна треть правительством. Нетрудно заметить, что такой совет может быть создан в Беларуси хоть завтра, но на деле он будет служить прекрасной ширмой для беззакония. Ни один из членов такого совета не будет независим, а влияние общества на его деятельность будут по-прежнему ничтожным.

Не стремясь пока расставлять все точки над i, рассмотрим европейскую практику формирования советов по вещанию. Знакомство с ней показывает, что ключевую роль в формировании регулятивных органов играют именно структуры власти.

В исследовании Сержа Робиллара «Телевидение в Европе: регулятивные органы», изданном в Лондоне под эгидой Европейского института СМИ (Serge Robillard. Television in Europe: Regulatory Bodies. - London, John Libbey, 1995), рассматривается практика образования регулятивных органов в 37 странах Европы, как западно-, так и восточноевропейских. Так вот, в 11 из них члены советов по вещанию назначаются профильным министерством, правительством и президентом, в 8 странах – исключительно парламентом, в 10 – исполнительной властью и парламентом. В некоторых случаях представители различных социальных групп населения имеют возможность

предлагать в Совет по вещанию своих представителей (Австрия, Кипр, Ирландия). И только в трех странах они наравне с исполнительной властью назначают членов регулятивных органов – в Германии, Португалии и Люксембурге.

Негусто. Сам удрученный подобной картиной, Серж Робиллар замечает: «не следует делать поспешных выводов, которые могли бы навести на мысль, что указанные органы не являются независимыми… Полезно запомнить, что независимость являет собой понятие, которое подлежит объективной оценке посредством практики, а не самого по себе законодательного закрепления. Мы быстро скатимся к бессмысленной и пустой дискуссии, если не будем учитывать разнообразие имеющихся в мире юридических традиций». Очень своевременное замечание в отношении стран с прочными демократическими традициями. Например, британские законы носят откровенно патерналистский и цензорский характер, по мнению западных экспертов. Правительство обладает правом вето и в отношении BBC, и в отношении коммерческих вещателей. Однако на практике такая прерогатива используется крайне редко, в исключительных случаях.

Все же мы вынуждены заметить, что в неформальных отношениях с властью таится большая опасность, и Беларусь – тому пример. Наша страна, где регулятивные органы отсутствуют, в исследовании Сержа Робиллара попала в одну компанию с Андоррой, Сан-Марино и… Финляндией. То ли полная свобода, то ли совсем наоборот. В Финляндии, например, государству принадлежит 99,9% акций Финской вещательной компании YLE. Несмотря на это, она эффективно выполняет свои функции основного общественного вещателя страны. Таким образом, простое сопоставление мало что дает по существу, если не обратиться к практически действующим механизмам формирования регулятивных органов, а главное, к их правовому закреплению.

На основании Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О гарантиях независимости общественных средств массового вещания» в

законодательства европейских государств включены процедуры, благодаря которым члены регулятивных органов:

- назначаются открытым и основанным на плюрализме способом;
- коллективно представляют интересы общества в целом;
- не имеют права получать полномочия или указания ни от кого, кроме тех, кто их назначил (делегировал);
- не могут быть уволены, временно отстранены или заменены в течение срока своих полномочий, кроме тех случаев, когда назначивший их орган в законном порядке устанавливает, что они не способны или не имеют возможности исполнять свои обязанности;
- не имеют право ни прямо, ни косвенно осуществлять функции, получать выплаты или иметь финансовый интерес в других СМИ, если имеется вероятность конфликта интересов в выполнении своих прямых обязанностей.

На наш, «белорусский» взгляд, и эти процедуры окажутся малоэффективными, если выполнять их формально, а на деле руководствоваться сиюминутными, эгоистическими, корпоративными интересами. И здесь мы подходим к главному, ключевому умозаключению. Конечно, никакие радикальные реформы невозможны без участия и ведущей роли сильного демократического государства, которое на деле выступит гарантом независимости средств массовой информации, в том числе и от собственного «руководящего» воздействия.

Не парадокс ли? Где же это видано? И тем не менее. Мы заблудимся в дебрях кодексов и законов, но так и не уловим суть дела, если не поймем, что только государство может быть гарантом свобод и прав граждан, в том числе и в обеспечении доступа к объективной теле- и радиоинформации. Конечно, для того, чтобы это произошло в Беларуси, требуются радикальные перемены во всей политической системе страны. Но это особый разговор. Мы продолжим его позже, когда будем размышлять о модели общественного телерадиовещания для Беларуси.

А пока всмотримся внимательно, как на деле осуществляется эта, патерналистская, «отеческая» забота государства о праве своих граждан быть свободными.

В Германии основным гарантом независимости общественного телерадиовещания является Федеральный конституционный суд. Многие его решения направлены на конкретизацию основополагающего понятия свободы коммуникации и средств массовой информации, изложенного в статье 5 Основного закона страны. Чтобы свобода информации не оставалась законодательной фикцией (как это произошло в Беларуси), Федеральный конституционный суд выработал свой подход к толкованию этой статьи: свобода мнений и свобода СМИ не есть лишь субъективное право (то есть право отдельного человека), но и объективно гарантированная законом возможность функционирования средств массовой информации. Государство обязано в законодательном порядке принять надлежащие меры для защиты этой свободы. Конкуренция вещателей таит в себе угрозу сосредоточения власти над мнениями граждан в одних руках. Поэтому телерадиовещание, в отличие от прессы, не должно быть отдано на произвол рыночных сил. Концепция гарантий независимости двуедина: телерадиовещание действует по поручению общества, а государство создает для него все условия. Однако государство не может вмешиваться в содержание вещания (кроме особо оговоренных случаев: войны, стихийных бедствий, общенациональных катастроф и т.п.). Его задача – обеспечить деятельность структур, гарантирующих независимость вещателей и плюрализм доступа к эфиру всех социальных слоев.

Роль Федерального суда Германии выглядит особым образом на фоне общеевропейской практики. В большинстве стран суды различных уровней находятся в стороне от формирования регулятивных органов в сфере телерадиовещания, только в Австрии и Португалии они обладают весомыми полномочиями.

В некоторых странах регулятивные органы являются внутренними структурными подразделениями телерадиовещательных компаний. Эти органы наделены правом самостоятельно вырабатывать программную политику, но и нести ответственность за результаты своей деятельности. Наиболее известные примеры такого рода – Совет по телевидению и радиовещанию ZDF и Телевизионный совет ARD в Германии, Совет управляющих BBC в Великобритании (однако 12 членов этого совета назначаются королевой). В большинстве же стран регулятивные органы являются внешними по отношению к персоналу телерадиокомпаний. Членов Совета Чешского телевидения назначает и отстраняет от должности Палата депутатов парламента. Во Франции три из девяти членов Высшего аудиовизуального совета назначаются президентом (он же утверждает председателя совета), три – председателем Национального собрания, три – председателем Сената. В Швеции финансирование и управление деятельностью общественных вещателей осуществляется специальным трастовым фондом. Правление фонда назначается правительством после консультаций с партиями, представленными в парламенте. В свою очередь, правление фонда назначает пять из семи постоянных членов и одного временного члена Совета управляющих Шведского общественного телевидения. Председателя совета и одного члена назначает правительство. Директора-распорядителя SVT назначает Совет управляющих. Фонд не вмешивается в программную политику компании. Совет управляющих определяет общее направление вещания, но не оказывает влияния на содержание программ. Эта прерогатива отдана администрации, персоналу самой телекомпании. Устав SVT гарантирует ей независимость от какого-либо давления.

В соответствии с Законом об общественном вещании США внешний регулятивный орган – Совет директоров – назначается президентом страны. Эти девять человек – известные, уважаемые в обществе люди, представители науки, образования, искусства и т.д. Совет директоров отвечает за

соответствие программ ожиданиям общества, координирует программную деятельность всех телекомпаний, входящих в состав PBS. В региональных отделениях существуют свои советы директоров, которых назначают губернаторы штатов. Административное, финансовое, техническое руководство корпорацией осуществляет совет управляющих. Такое положение в достаточной мере типично и для Европы.

В большинстве стран внешние регулятивные органы назначают членов административных советов (или советов управляющих) телерадиокомпаний, а также их президентов (генеральных директоров). При этом оговаривается, что, как и члены внешнего регулятивного органа, члены Административного совета не могут быть одновременно и членами правительства, парламента, иметь интересы в других сферах СМИ. Генеральному директору предоставляются все полномочия и вся полнота ответственности в творческой и производственной деятельности вещательной организации. В свою очередь, независимость руководства и персонала телерадиокомпаний законодательно защищена от несанкционированного воздействия внешнего регулятивного органа. Генеральный директор назначается на срок в 4-5 лет и может быть освобожден от должности только решением Совета по вещанию, принятым не менее чем двумя третями голосов.

Конечно, это общая картина, в некотором смысле усредненная. Однако она дает представление о действии баланса сил, управляющих общественным вещанием. Что бывает, когда этот баланс подвергается резкому деструктивному воздействию, показали события в Чехии, ознаменовавшие в этой стране смену тысячелетий. Законом от 7 ноября 1991 года предусматривалось, что деятельностью общественного телевидения Чехии руководит Совет Чешского телевидения, состоящий из девяти членов и назначаемый нижней палатой парламента. Генеральный директор назначается Советом. Явное доминирование нижней палаты парламента привело к тому, что политические партии, имевшие в нем представительство, стали непосредственно вмешиваться в работу

общественного телевидения Чехии. 20 декабря 2000 года Совет Чешского телевидения назначил на должность генерального директора человека, которого коллектив телевидения посчитал «выдвиженцем» бывшего премьер-министра, а на тот момент – руководителя Гражданской демократической партии. 21 декабря журналисты создают кризисный комитет и блокируют аппаратные, не допуская туда новое «руководство». 26 декабря новый генеральный директор отдает приказ техническим службам отключить трансляцию программ общественного телевидения. В течение суток зрители видели темный экран с надписью о том, что программы создаются лицами, не имеющими на то права, а потому не транслируются. К этому времени уже несколько дней и ночей возле здания телецентра кипел непрерывный митинг: люди требовали отставки генерального директора и принятия нового закона, который давал бы больший доступ общественности к формированию Совета Чешского телевидения. Под давлением Совета новый директор разрешил выдачу в эфир всех телепрограмм, кроме информационных. Их могли видеть только те, у кого прием шел непосредственно со спутника или по кабелю. 11 января новый генеральный директор под воздействием нервного стресса подает в отставку. В ночь с 12 на 13 января 2001 года нижняя палата чешского парламента принимает поправки в Закон о Чешском телевидении и распускает Совет. В новом законе заложен иной принцип его формирования: теперь 15 (а не девять, как раньше) его членов представляют не политические партии, а различные социальные слои, общественные организации, профессиональные организации журналистов. Однако окончательное решение по всем кандидатурам все же осталось за парламентом.

Порядок формирования внешних регулятивных органов всегда оставался средоточием острых политических интересов. Основная же цель, которой добиваются государство, политические силы, общество в целом – найти такой баланс, при котором само руководство телерадиовещанием будет начисто исключено из сферы политической борьбы.

Это относится и к функциям регулятивных органов, санкциям, которые они могут применять к вещателям.

В соответствии со своими полномочиями (как мы увидим, картина здесь тоже довольно пестрая), регулятивные органы осуществляют следующие возможные функции: 1) подбор кандидатов на осуществление вещания и выдача лицензий; 2) назначение руководящего персонала организаций общественного вещания; 3) мониторинг эфира и установление фактов нарушения условий лицензии, и/или устава телерадиокомпании; 5) принятие мер, корректирующих деятельность вещательных организаций.

Примерно в половине европейских стран лицензирование вещательной деятельности выполняют внешние регулятивные органы – Временный совет в Болгарии, Комиссия по вопросам независимого телевидения в Великобритании, Совет по радио- и телевещанию в Чехии, местные советы по радио и телевидению в Дании, Высший совет по вопросам радио и телевидения (Высший аудиовизуальный совет) во Франции, земельные ведомства по вопросам СМИ в Германии, Комиссия по вопросам лицензирования в области вещания Исландии, Комиссия по вопросам независимого радио и телевидения в Ирландии, Управление теле- и радиовещания на Мальте, Комиссия по вопросам СМИ в Нидерландах, местные управления по вопросам СМИ в Норвегии, Национальный совет по вопросам вещания в Польше, Национальный совет по вопросам аудиовизуальной информации в Румынии, Совет по радио и телевидению в Словакии, Совет по вопросам вещания в Словении, местные управления шведского радио и телевидения, Высший совет по вопросам радио и телевидения в Турции, Национальный совет по вопросам радио и телевидения в Украине. В остальных странах лицензирование остается прерогативой государственных ведомств, ответственных за выдачу радиочастот. Впрочем, и названные выше организации зачастую действуют под полным государственным контролем.

Полномочия регулятивных органов в назначении управляющего персонала организаций общественного вещания весьма ограниченны. В Европе этим правом обладают Совет управляющих BBC (он назначает генерального директора и других ответственных сотрудников), Совет по радио и телевидению Эстонии, Высший аудиовизуальный совет Франции (его квота составляет 4 из 12 членов совета управляющих общественным телевидением и радио), а также Национальный совет по вопросам вещания Польши. В большинстве же стран Европейского континента этим правом пользуются законодательная и исполнительная власти – правительство и парламент. Избегая однозначной оценки такой ситуации, скажем только, что в условиях нашей страны такой порядок привел бы к ограничению реальных возможностей Совета по вещанию. Вместе с тем, важно отметить, что в большинстве стран все полномочия и вся ответственность за текущую деятельность вещательных организаций лежит на управленческих структурах самих этих организаций, и это закреплено законодательно. В соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы «О гарантиях независимости общественных средств массовой информации» и другими общеевропейскими документами в кодексы и уставы телерадиокомпаний включаются следующие необходимые требования к их руководителям:

- осуществлять свои функции строго в интересах организаций общественного вещания, которыми они руководят;

- ни прямо, ни косвенно не получать выплаты или иметь финансовую заинтересованность в других предприятиях или организациях массовой информации, если имеется вероятность конфликта интересов с их управленческими функциями в данной организации общественного вещания;

- не принимать каких-либо полномочий или указаний от любого лица или организации, кроме внешних надзорных органов. Перед ними они несут и главную ответственность.

Осуществление функций надзора за вещанием сводится, по преимуществу, к мониторингу содержания программ и – соответственно – принятию мер,

корректирующих вещательную деятельность. Основными критериями оценки программ являются соблюдение принципов объективности информации, высоких нравственных стандартов (исключение показа сцен насилия, секса, нарушений общественной морали), следование программной политике, заявленной в уставе или условиях лицензии, тематическое и жанровое разнообразие программ, соблюдение интересов различных социальных слоев и групп, осуществление образовательной функции и т.п. Органы надзора осуществляют как постоянный мониторинг, так и эпизодический. Члены Совета управляющих ВВС, например, заседают один раз в месяц и заслушивают отчеты директоров об их работе. Долг членов совета – следить за тем, чтобы деятельность ВВС осуществлялась в общественных интересах, была подотчетна парламенту, соответствовала законодательству и стандартам, установленным для нее как для общественного вещателя.

Эпизодические мониторинги осуществляются регулятивными органами и в периоды избирательных кампаний.

Для обеспечения эффективности мониторинга, осуществляемого в интересах всего общества, предусмотрены санкции. Жесткость санкций зависит от характера нарушений и их повторяемости и может составить следующую иерархию: предупреждение в адрес телерадиокомпании (с требованием огласить его в эфире или без такого требования); финансовые санкции; приостановление или запрещение показа какой-либо программы; временный отзыв лицензии; изъятие лицензии. Отзывать и изымать лицензии могут только те надзорные органы, которые их и выдавали. В тех случаях, когда надзорный орган не имеет права самостоятельно применять санкции, он обращается в профильное министерство.

Существуют и такие регулятивные органы, которые осуществляют квазисудебные функции. Они имеют исключительное право на разрешение конфликтных ситуаций. В эти инстанции могут обращаться и физические лица, чьи интересы были задеты действиями телерадиовещателей. Такие

органы есть в Австрии (Комиссия по контролю за соблюдением закона о вещании), Великобритании (Комиссия по стандартам в области вещания), Швейцарии (Независимое управление по рассмотрению жалоб), Бельгии (Совет по СМИ), Чехии (Совет по радио- и телевещанию), Дании (местные комитеты по радио и телевидению, Комиссия по вопросам рекламы на радио и телевидении), Исландии (Комиссия по вопросам лицензирования в области вещания), Ирландии (Комиссия по рассмотрению жалоб в области вещания), Норвегии (Трибунал по рассмотрению жалоб). Однако и эти функции в разных странах осуществляются по-разному: некоторые из названных органов имеют право применять санкции против вещательных организаций, а другие – только предложить их компетентному органу – независимому или правительственному.

Разумеется, возможность осуществления санкций предусмотрена законодательством, но сама практика их применения обусловлена традициями, накопленной юридической практикой, правовым анализом конфликтных ситуаций, количеством и характером прецедентов и т.д. Решения регулятивных органов пользуются всеобщим уважением, но реальная корректировка осуществляется искренним нежеланием вещателя не попасть «под» подобные решения, уладить миром возникшую конфликтную ситуацию. Все стремятся «договориться» без лишнего шума, идут друг другу навстречу.

Однако в этих компромиссах остаются неприкосновенными принципы общественного вещания и его защищенность от произвола.

Финансирование общественного телерадиовещания

Прагматичные американцы давно изобрели формулу, пригодную для всех времен и народов: о чем бы ни шла речь, мы все равно говорим о деньгах.

Их требует всякая деятельность. Телевидение и радиовещание требуют больших денег. К сожалению, вопрос о финансировании всегда становится вопросом о праве влияния на содержание телерадиопрограмм. Проблема не в том, чтобы разорвать эту связь, а чтобы «музыку» заказывал действительно тот, кто платит.

Какие бы формы финансирования, в какой бы стране мы ни изучали, в конце концов выясняется, что за все платит население, потребитель – телезритель и радиослушатель. Если вещание финансируется из бюджета, то за это платит налогоплательщик. Беда в том, что между ним и его интересами всегда маячат какие-то дяди (правительство, парламент), которые и решают (за его же деньги!), что ему можно смотреть и слушать, а что нельзя. При этом он платит даже в том случае, если у него нет телевизора или радиоприемника. Наше население, привыкшее к «бесплатному» телевидению и радио, не подозревает, какие суммы из его карманов бесконтрольно расходуются на развитие «президентского» вещания (слово-то какое точное: вещать, по Ожегову, это - «говорить непререкаемым тоном»).

Коммерческое телевидение и радио финансируется за счет доходов от рекламы и спонсорства. И в этом случае за него платит обыватель, но уже в роли покупателя товаров и услуг: расходы на рекламу включены в их стоимость. В Германии, например, потребители вынуждены ежегодно вносить таким образом колоссальные суммы на финансирование коммерческого радио и телевидения, хотя, наверное, не все подключаются к его каналам. В коммерческом вещании, к тому же, часть средств, поступающих от населения, оседает в карманах владельцев станций в виде их законной прибыли.

Когда финансирование осуществляется через взимание абонентской платы (лицензионного сбора, как принято ее называть в Западной Европе), все становится на свои места. Зритель (слушатель) платит только за то, чем на самом деле пользуется, и все эти деньги в действительности идут на финансирование общественного телевидения и радио. Главный смысл абонентской платы заключается в том, что с ее помощью устанавливаются правовые отношения между гражданином и организацией общественного телерадиовещания. Возникает и прочная психологическая связь между тем, за что человек платит, и тем, что он видит (слышит) в эфире. К «бесплатному» телевидению отношение соответствующее – наплевательское. За свои же, кровные, мы хотим получить качественные услуги. Возникают реальные стимулы активизации отношений аудитории с вещательными организациями. В совокупности с правовыми предпосылками это способствует созданию общественных организаций, защищающих интересы зрителей и слушателей.

Однако нужно быть реалистами. Введение абонентской платы было бы верхом неразумия, сразу сгубило бы идею общественного телевидения в глазах миллионов наших соотечественников. В условиях полного недоверия к любым действиям власти они воспримут попытку ввести абонентскую плату как покушение на свой, и без того скудный, семейный бюджет. Ссылки на то, что сейчас мы платим больше, и не все деньги попадают в телерадиокомпанию, не будут услышаны. Никто не вспомнит и о том, что абонентская плата существовала в СССР до 1962 года. Потом она была заменена единовременным налогом, который приплюсовывался к цене приобретаемого телеприемника. Позднее взимались специальные налоги с оборота предприятий, выпускающих телерадиоаппаратуру, но напрямую населения это уже не касалось. Сейчас телерадиовещание финансируется за счет средств госбюджета и доходов от рекламы.

В то же время следует отметить, что отношение аудитории к самой идее абонентской плате вовсе не однозначно отрицательное. Оно зависит от все

тех же, базовых черт личности – включенности в мир, жажды новой информации. Это со всей убедительностью показывают исследования, проведенные белорусскими социологами из независимой лаборатории «Новак». В целом старую форму оплаты (платить за пользование ТВ в виде подоходного налога) поддерживают 41,8% аудитории, а вносить абонентскую плату согласны 36,8% аудитории.

Опять-таки, позиции сильно дифференцированы по группам. «Критики» (51,3%) тяготеют к абонентской оплате, «апологеты» (79,3%) считают, что все надо оставить по-старому. «Безразличные» в своем большинстве не определились, но скорее поддержали бы оплату в виде подоходного налога.

Очевидно, нам предстоит переходный период от строгого бюджетного финансирования к смешанному типу, когда средства, поступающие от населения, под контролем парламента поступают непосредственно на нужды вещательных организаций. Нечто подобное происходит сейчас в Литве. Здесь общественное телевидение в начальный период своей деятельности финансировалось за счет государственных субсидий и доходов от рекламы. С сентября 2003 года была введена абонентская плата — 10 литов (около 3 долларов) в год. Размеры ее возрастают, но постепенно, не более чем на несколько литов в год.

Рассмотрим детальнее общеевропейскую практику финансирования общественного телерадиовещания.

Прежде всего, выясняется, что абонентская плата не является существенной нагрузкой для среднестатистической семьи. Например, в Великобритании размер ежегодной абонентской платы составляет около 100 фунтов стерлингов при среднемесячной зарплате 2500 фунтов. Абонентская плата для всех программ BBC в пересчете на день составляет около тридцати пенсов, что меньше стоимости пакетика чипсов.

В Германии за каждый аппарат, пригодный к приему эфирного сигнала, необходимо платить два налога – радиовещательный и телевизионный. В совокупности это составляет меньше двадцати Евро в месяц.

Абонентская плата за пользование телевизионным вещанием во Франции составляет в расчете на семью 800 франков в год (Евро?).

В Чехии абонентская плата составляет около 75 крон (около $2) в месяц с семьи, независимо от количества приемников. Юридические лица платят за каждый телевизор.

В Швейцарии для физических лиц ежемесячная абонентская плата за радиоприемник составляет 14 швейцарских франков, за телевизор – 18 франков. Для юридических лиц эти суммы равны соответственно 23 и 30 франков.

Шведы аккуратно вносят абонентскую плату из расчета около 165 долларов в год (в кронах, разумеется).

Эстонцы на вопросы о стоимости пользования телерадиоприемниками с улыбкой отвечают, что это чуть больше стоимости чашечки хорошего кофе в баре.

В Голландии два года назад система взимания абонентской платы с каждой семьи была заменена специальным налогом. Сейчас средняя семья в этой стране платит ежегодно около ста евро за национальное и региональное телевидение и радио.

В некоторых странах лицензионные сборы выплачивают компании кабельного телевидения. В Ирландии, например, этот сбор составляет 15% от доходов фирмы-оператора кабельной связи.

Не менее разнообразен порядок взимания абонентской платы и ее распределения. Практически во всех европейских странах применяются льготы: для малоимущих и многодетных семей, матерей-одиночек, пенсионеров, лиц младше 16 лет, дипломатов, полицейских, военных и т.д. Юридические лица, как мы видели, облагаются по повышенным ставкам. Но для отелей, пансионатов, где установлено много телеприемников, существуют понижающие коэффициенты. Подобными же льготами пользуются предприятия ремонта и установки телерадиоаппаратуры, вещательные корпорации. В любом случае взимание абонентской платы

осуществляется с учетом обстоятельств и реальных возможностей плательщика. Обязательным, как правило, является декларирование приобретенного телерадиоприемника или заявление о прекращении пользования им (по причине поломки или отъезда в отпуск – неважно). Если последнее делается аккуратно (и это понятно), то с декларированием покупки не все так гладко. Платить налоги, даже разумные, не любят нигде. В таких случаях применяются штрафные санкции и даже более суровые наказания. В «оплоте демократии» - Великобритании - за неуплату штрафов могут упечь за решетку. Например, в 1995-1996 годах таким образом были наказаны более полутора тысяч человек. В BBC есть специальное подразделение, занимающееся электронным обнаружением незарегистрированных телевизоров. Их здесь, как считают эксперты, около 13% от всех телеприемников в стране.

Получателями абонентской платы выступают разные субъекты. В Германии, например, ее собирают сами телерадиокомпании общественного вещания через специальную административную службу – Центр взыскания налогов. Центр принимает платежи и распределяет их между вещателями, получает декларации от владельцев телерадиоприемников о постановке на учет и снятии с него, управляет наличностью абонентов, контролирует поступления. В Швейцарии сбор абонентской платы проходит под контролем Управления по связи, а осуществляется частной компанией BILLAG LTD, получившей специальное разрешение. Для финансирования Финской вещательной компании YLE создан государственный телерадиофонд, ресурсы которого формируются за счет абонентской платы. В Швеции финансовые средства, собранные с населения, аккумулирует и распределяет специальный трастовый фонд, статус которого ближе всего к акционерному обществу. Однако члены этого фонда назначаются правительством по представлению парламента. Фонд распределяет средства между общественным телевидением Швеции, общественным радиовещанием и Шведской образовательной вещательной корпорацией. Во Франции

специальный налог (арендная плата) вносится ежегодно каждым владельцем телевизионного приемника. Этот налог взимается вместе с оплатой электроэнергии, а затем определенный процент от полученной суммы перечисляется на обеспечение нужд общественного вещания. Распределение средств между различными общественными вещательными компаниями осуществляет Высший аудиовизуальный совет. В договоре между этим советом и каждой вещательной организацией оговариваются принципы программной политики: объемы вещания для детей, спортивные трансляции и т.п. Исполнение условий договора дает право на ежегодную премию.

В США доходы общественного вещания складываются из добровольных взносов от частных лиц (около 24%), субсидий правительств штатов (17%), федеральных грантов и контрактов (15%), пожертвований бизнеса (15%), фондов (6%), советов колледжей и университетов(6%), спонсорских взносов (17%). Правда, такое, «добровольное» приношение активно стимулируется широкомасштабными агитационными кампаниями, что не всегда вызывает удовольствие у зрителей общественных телеканалов.

Выше мы говорили, что взимание абонентской платы представляет собой наиболее надежный механизм защиты экономических интересов общественных вещателей от вмешательства государства. Вместе с тем, существует процедура, без которой включение этого механизма невозможно. Речь идет об определении размеров абонентской платы и индексации ее в зависимости от темпов инфляции. Кроме того, многочисленные льготы должны компенсироваться из средств государственного бюджета. И то, и другое находится в исключительной компетенции парламента и правительства. Поэтому в тех странах, где еще не установились прочные демократические традиции, всегда существует опасность «включения» экономических рычагов давления на общественных вещателей со стороны властных структур. Это относится и к варианту полного бюджетного финансирования общественного вещания, неизбежного для Беларуси на некий переходный период.

В таких случаях должны существовать законодательные гарантии невмешательства исполнительной и законодательной властей в экономическую деятельность телерадиокомпаний. Принципиальные положения на этот счет содержатся в Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О гарантиях независимости общественных средств массовой информации». В числе важнейших требований названы:

- полномочия властей не должны использоваться для оказания прямого или косвенного влияния на редакционную независимость и автономию вещательной организации;
- уровень абонентской платы должен устанавливаться после консультаций с этой организацией с учетом ее потребностей и возложенных на нее задач;
- выплата бюджета или абонентской платы должна производиться способом, гарантирующим бесперебойную деятельность общественной вещательной организации с учетом необходимости ее долгосрочного планирования;
- использование бюджетных средств или средств от абонентской платы находится всецело в ведении вещательной организации;
- финансовый контроль не должен наносить ущерба независимости вещателей в подготовке программ.

Как эти требования выполняются практически, хорошо видно на примере Франции. На основе докладов финансовых комиссий верхней и нижней палат парламент устанавливает размеры налога на использование телерадиоприемников и утверждает распределение ожидаемого дохода между общественными телерадиокомпаниями. При этом учитывается бюджет каждой из них, изменения в деятельности, собственные ресурсы и обязательства перед аудиторией. К проекту прилагаются финансовые результаты предыдущего года, счета текущего и план бюджета на будущий год.

На ВВС финансовый год начинается 1 апреля. После одобрения Советом управляющих общей стратегии деятельности корпорации на будущий год

директора готовят свои планы. Ежегодный бюджет утверждается советом в марте. Финансовой деятельностью руководит исполнительный комитет, ежемесячно представляющий свои отчеты Совету управляющих.

Жестко закреплены экономические права общественного вещателя в Канаде, хотя Канадская радиовещательная корпорация является, в нашем понимании, сугубо государственным учреждением. Корпорация имеет счета в Банке Канады или любом привилегированном банке, по согласованию с Министерством финансов. Все денежные средства, полученные Корпорацией от всех видов деятельности, переводятся в кредиты открытых счетов, и исключительное право распоряжаться ими принадлежит Корпорации. Она может вкладывать их в ценные бумаги правительства. Все бюджетные средства, выделенные парламентом, Корпорация переводит на счет собственного акционерного капитала. Ежегодную ревизию счетов и финансовых операций Корпорации осуществляет генеральный ревизор Канады.

К слову, финансирование за счет абонентской платы невозможно без обеспечения прозрачности и самого тщательного контроля со стороны регулятивных органов. Это предполагает подробные и открытые отчеты телерадиокомпаний, а также внешние проверки.

Нетрудно заметить, что такие требования принципиальным образом отличаются от сегодняшнего положения вещей в Республике Беларусь. Национальная государственная телерадиокомпания, в силу особого своего статуса, за последние годы превратилась в одну из самых закрытых организаций страны.

Абонентская плата – огромное преимущество, которое общественные вещатели имеют перед коммерческими телерадиокомпаниями. Она дает необходимую свободу деятельности, способность отвечать запросам общества. В то же время, ориентирование исключительно на абонентскую плату порождает ряд проблем. Главная из них связана с тем, что бюджеты телерадиокомпаний, формирующиеся на основе абонентской платы (даже

при ее инфляционной индексации) далеко не всегда позволяют общественным телерадиокомпаниям поспевать за требованиями времени. Как отмечают американские исследователи К.Ламэй, Э.Мицкевич и Ч.Файрстоун, «экономика глобального производства и распространения телевизионных программ... повысила цены на таланты, фильмы и права на освещение спортивных и других крупнейших событий… В условиях конкуренции с частными вещателями это означает, что общественные вещательные организации в меньшей степени способны выполнять свои социальные задачи без использования других источников дохода». (Общественное телерадиовещание. Документы. Комментарии. Рекомендации. – С.-П. Лик.-2000, с.116)

Другим основным источником доходов может быть, конечно, реклама. Мировой опыт деятельности общественных телерадиокомпаний свидетельствует, что ни одна из них не может обойтись без привлечения дополнительных источников доходов – рекламы, спонсорства, продажи собственной аудиовизуальной продукции и т.д. Исключение, пожалуй, составляет только японская телерадиокорпорация NHK: она полностью «живет» за счет лицензионного сбора. Боле чем на девяносто процентов финансируются населением общественные вещательные организации Дании, Швеции и Норвегии. Хотя Федеральный конституционный суд Германии признал конституционной практику смешанного финансирования, немецкие компании ZDF и ARD почти на 90% содержатся за счет абонентской платы. Примерно такое же положение на BBC. Всего 17% бюджета американской компании PBS составляют спонсорские взносы, за счет которых производятся те или иные программы. А вот в таких странах, как Австрия, Голландия, Италия, Франция, Швейцария доля абонентской платы в бюджете общественных вещателей составляет не более 45-65 процентов. Но допущение рекламы в общественный эфир, спонсорство конкретных телерадиопрограмм таит в себе и немалые опасности.

Основная проблема заключается в том, что общественное телерадиовещание призвано служить принципам объективности информации и плюрализма интересов аудитории. А интересы рекламодателя и спонсора, как правило, противоположны: максимальный рейтинг и возможность влиять на содержание передач. Высокий рейтинг, как правило, достигается резким снижением качества, потаканием низменным вкусам публики. А влияние спонсора на содержание программ опасно навязыванием обществу интересов определенных кланов и групп.

Именно поэтому в законодательствах большинства стран, где есть общественное телерадиовещание, существуют жесткие ограничения или ограничительные условия на трансляцию рекламных объявлений, а также спонсорство. В Великобритании Королевская хартия запрещает рекламу и спонсорство на BBC. Запрещена реклама и на Шведском телевидении. Германское законодательство разрешает рекламу на общенациональных общественных каналах, но ограничивает ее двадцатью минутами в сутки. Во Франции (притом, что рекламные доходы составляют здесь значительную часть бюджета общественных вещателей) поправками к Закону о телевидении и радио с 1 января 2001 года объем рекламы снижен до восьми минут в час.

Допуская рекламу в телерадиоэфир общественных каналов, законодательство большинства европейских стран строго оговаривает ее содержание и условия трансляции. Важнейшими из этих условий являются:

- невозможность спонсорства информационных и общественно значимых программ;
- исключение рекламы в программных блоках для молодежи и подростков;
- запрет на съемки детей при подготовке рекламных роликов;
- невозможность для рекламодателя и спонсора влиять на содержание передач;

- недопустимость приглашения популярных ведущих (особенно информационно-аналитических программ) в качестве персонажей рекламных роликов;
- запрет на прерывание передач и фильмов: реклама может идти только в межпрограммных переключениях;
- «отбивание» рекламных роликов в эфире специальными звуковыми и изобразительными средствами, предупреждающими зрителя о том, что сейчас он увидит «оплаченную» продукцию;
- невозможность скрытой рекламы;
- запрет на рекламу табачных и алкогольных изделий.

Существует немало и других, специфических для каждой страны, ограничений на трансляцию рекламы по телевидению и радио. Например, неудовольствие спонсоров общественной американской телерадиокомпании PBS вызывают строгие ограничения Федеральной комиссии связи (FCC), касающиеся показа продуктов и цен.

Разумеется, на коммерческие станции накладывается гораздо меньше ограничений. Можно сказать, что общественные телерадиовещатели допускают рекламу в свой эфир как необходимое зло. Вместе с тем, бывает, что коммерческие станции, зарабатывая на рекламе, вырученные средства отправляют на подготовку качественных программ, имеющих общественную значимость. В Великобритании, например, так поступает вещательная организация «Канал 4».

В свою очередь, общественные вещатели все активнее развивают коммерческую деятельность, доходы от которой направляют на выполнение уставных задач. В США, где общественные вещательные организации всегда находились под сильным прессингом конкурентов из коммерческого сектора, раньше других научились этому. Станции PBS сдают в аренду помещения своих студий и съемочных павильонов, вставляют рекламу в газетные распечатки своих программ, продают аудио- и видеозаписи. Некоторые общественные вещатели в США создали коммерческие предприятия,

например, службы консультаций и обучения бизнесу в Интернете, электронные издательские компании, магазины розничной продажи и торговли по каталогам. BBC, выгодно используя свою торговую марку, создала в 1995 году службу BBC Worldwide для получения новых источников дохода. Сейчас в эту службу входят BBC World, глобальный канал новостей, и BBC Prime, развлекательный канал, финансируемый рекламодателями. В 1997 году BBC создала кабельный канал в США в содружестве с американским оператором кабельных систем Telecommunications Inc. и кабельным каналом «Discovery».

Это лишь несколько примеров из разнообразной коммерческой деятельности общественных вещательных организаций Старого и Нового света. Несмотря на все это разнообразие, главным принципом остается: доходы от коммерции направляются на финансирование общественного телерадиовещания, служащего интересам всего населения. К тому же коммерческие станции получают лицензии на вещание с непременным условием: включать в свои программы передачи социальной значимости. Такое условие хорошо оправдывает себя в странах, где коммерческое вещание развивалось вместе с общественным, а то и опережало его.

Общественное и коммерческое вещание: партнеры и конкуренты

До сих пор мы говорили об общественном телерадиовещании как о доминирующем в сфере электронных СМИ. Действительно, за исключением очень немногих стран, оно является основным средством массового распространения визуальной и аудиоинформации. Но это вовсе не значит, что коммерческое телевидение и радио занимает подчиненное, второстепенное положение. Не будем забывать, что своим рождением общественное вещание обязано, в определенной степени, возникновению жесткой конкуренции коммерческих станций с государственными телерадиокорпорациями.

В силу того, что и общественное, и коммерческое вещание действуют в одном и том же секторе рыночной экономики, их взаимные отношения не могут не быть предметом особого внимания в демократическом государстве.

Прежде всего, это касается обеспечения плюрализма вещательной деятельности. Если институт общественного телевидения и радио базируется на невозможности узурпации влияния на программную политику, то в коммерческом секторе главным является недопущение концентрации электронных СМИ на правах концентрации собственности. И в коммерческом вещании общество должно быть ограждено от диктата какой-либо одной силы: лица, группы лиц, организации. Целям защиты потребительского рынка в массовом телерадиовещании служит прозрачность всех сторон деятельности коммерческих компаний.

Далее, и общественные, и коммерческие вещатели используют дефицитный, имеющий большую ценность, ресурс частот связи. Этот ресурс является национальным достоянием, и лицензирование вещательной деятельности осуществляется в интересах большинства населения, защиты

его прав. Впрочем, очевидно, с развитием новейших средств связи значение этого фактора будет снижаться.

В-третьих, предоставляя вещателю право влиять на общественное сознание, нация вправе рассчитывать, что все богатство ее культурного наследия будет отражено наилучшим образом. Экономические стимулы, диктующие поведение коммерческих станций, не обеспечивают выполнение этой важной функции.

В-четвертых, поскольку вещание является одним из видов предпринимательской деятельности с неизбежными экономическими рисками, каждому участнику рынка необходимы гарантии равных условий конкуренции. Регламентация вещательной деятельности в вещательном секторе отвечает интересам всех участников.

В большинстве стран необходимость регулирования коммерческого телерадиовещания закреплена законодательно. На основании статьи 5 Основного закона Германии Федеральный конституционный суд страны заявил о гарантиях разнообразия информации и коммуникации как неотъемлемой составляющей свободы мнений граждан. Среди обязательств, которые берут на себя коммерческие вещатели в Германии, - добросовестность, справедливость и специальный запрет на одностороннее влияние. Существуют также ограничения на рекламу и меры по защите интересов несовершеннолетних телезрителей и радиослушателей. В Великобритании с 1990 года, в соответствии с Законом о вещании, коммерческое телевидение и радио контролируются Комиссией по независимому вещанию (ITC), члены которой назначаются министром внутренних дел. ITC предоставляет лицензии и регулирует деятельность двух общенациональных коммерческих каналов – третьего и пятого, а через особую корпорацию – и четвертого. ITC также ведает кабельными, спутниковыми и другими телевизионными системами страны. Британский Закон о вещании оговаривает обязательность для коммерческих вещателей готовить образовательные и религиозные программы, при этом, как и в

трансляциях государственных событий, не включать в них рекламу. Существуют и прямые запреты, например, на политическую рекламу.

В США условием предоставления права на вещание является обязанность коммерческих станций часть своей программы отдавать передачам общественной направленности. Например, Федеральная комиссия связи ужесточила требования относительно обязательных объемов вещания для детей. Некоторые владельцы и продюсеры полагают, что это не соответствует коммерческой деятельности, сориентированной на рекламу. По их мнению, лучше быть освобожденными от требований к содержанию программ и вместо этого вносить финансовые средства для поддержки общественного вещания. Нечто подобное применили в Эстонии. Рекламной деятельностью здесь занимаются только коммерческие вещатели. Однако они выплачивают значительные средства в фонд поддержки общественного телевидения и радио Эстонии. Конечно, законодательное оформление таких схем и процедур требует принципиального консенсуса и желания сотрудничать. По словам Хаги Шейна, члена вещательного совета Эстонии, на достижение такого согласия ушло почти десять лет.

По мнению международных экспертов, в тех странах, где коммерческое вещание значительно опередило в своем развитии общественное, лицензионные сборы с коммерсантов могут служить механизмом финансирования деятельности общественных вещателей.

В самом коммерческом секторе одна из основных задач регулятивных органов заключается в недопущении концентрации капиталов и прав собственников. Для этого используется концепция контроля, аналогичная той, которая используется в торговом праве, а также факторы, вызванные спецификой вещательной деятельности.

Например, федеральный вещательный договор в Германии называет контролирующей компанией ту, которая прямо или косвенно владеет 25% акционерного капитала или голосов в вещательной организации в статусе акционерного общества. А также компанию, которая регулярно заполняет

своими программами значительную часть эфирного времени такого вещателя. А также любую компанию, которая (на любом основании) имеет право на ключевые решения в отношении программной политики, закупки и производства программ. В федеральном вещательном договоре особо подчеркивается, что при оценке контроля компании над вещателем регулятивные органы обязаны принимать во внимание и семейные отношения. Для обеспечения прозрачности позволяется проводить расследования, вызывать свидетелей и экспертов для дачи устных показаний, а также требовать надлежащим образом оформленные письменные документы.

Во Франции право собственности устанавливается оценкой потенциальной аудитории той или иной телерадиосети. Для этого складываются потенциальные аудитории всех станций, относящихся к той или иной сети. При этом отслеживаются не только права собственности, но и совпадение программной политики.

В Италии вещатели контролируются юридическим лицом, которое приобретает концессию или разрешение на управление вещателем. Кроме того, право контролировать вещателя приобретает то юридическое лицо, доходы которого превышают 50% от общего объема продаж этого вещателя. Вещатель также контролируется продюсером и дистрибьютором, которые поставляют этому вещателю более 35% материалов ежедневного вещания или 35% материалов вещания в прайм-тайм. Правда, итальянская ситуация имеет свою специфику. Крупнейшим владельцем коммерческих телерадиокомпаний там является «некто» Сильвио Берлускони. Нет, это не тезка и однофамилец премьер-министра страны, а он сам и есть.

В большинстве же европейских стран государства, исходя из реального положения дел, принимают жесткие меры, ограничивающие возможность монополизации электронных СМИ, возникновения медийных магнатов.

Фактически во многих странах можно наблюдать своеобразную диффузию принципов общественного и коммерческого телерадиовещания.

Общественные вещатели, как мы видели, довольно успешно занимаются коммерцией, а коммерсанты от эфира не только выполняют обязанности общественных вещателей, но и являются ими на самом деле. Такова, например, шведская общенациональная коммерческая сеть «ТВ-4». В условиях ее лицензии на вещание заложены важнейшие требования для общественного вещателя, и они неукоснительно выполняются. Коммерческие фирмы-операторы кабельной связи США, в соответствии с законом, выделяют каналы для общественного, образовательного и правительственного использования (PEG-каналы). Мы уже говорили о деятельности коммерческих третьего, четвертого и пятого общенациональных каналов в Великобритании: содержание их программ близко к стандартам общественного вещания. Примеры можно продолжить. В свете этих фактов совсем не кажется уникальным опыт Нидерландов. Раз в пять лет организации, работавшие как общественные вещатели, могут покинуть систему государственного дотирования (о ней мы рассказывали в главе «Финансирование общественного телерадиовещания»), а новые ассоциации телезрителей и радиослушателей могут подавать заявки на включение их в число общественных вещателей.

Как видим, регулирование общественного телерадиовещания и его коммерческого партнера осуществляется по-разному, но сходится в одной точке. В сущности, это две стороны одного и того же процесса: обеспечения доступа большинства людей к неангажированной, объективной информации, защиты от пропаганды бескультурья, насилия, сексуальной распущенности.

Вместе с тем, излишняя регламентированность вещательного сектора может и повредить делу. Отсечение рыночных механизмов, исключение конкуренции мешает творческому развитию и общественного, и коммерческого сектора вещания. В конечном счете, это приводит к нарушению прав населения на получение качественных теле- и радиопрограмм. Однозначно оценить подобную коллизию невозможно. Конечно, в основе общественного вещания лежит представление о том, что

оно не может быть прибыльным и определять свою программную политику исключительно факторами рыночной экономики. С другой стороны, особые протекционистские меры государства создают тепличные меры для общественных вещателей, что не может не вести к стагнации. Такой точки зрения придерживается Комиссия Европейского союза, которая стремится распространить действие закона ЕС о конкуренции и на общественное телерадиовещание. Несмотря на то, что подобный подход не поддерживается Федеральным судом Германии, в разбирательствах по конкретным поводам суды применяют законодательство о нечестной конкуренции и антимонопольное законодательство. Довольно пеструю картину представляет собой судебная практика и многих других европейских стран. По мнению западноевропейских экспертов, «появление этого нового фронта юридической борьбы свидетельствует об изменении основной проблематики регулирования: изначально на повестке дня стояли вопросы политического диалога, обеспечение действия основополагающих свобод мнения и коммуникации в условиях демократии, затем гарантирование служения общественным интересам; при этом регулирование рассматривалось в рамках закона о вещании. Теперь, когда основной темой стало обеспечение экономического обмена, внимание переместилось в сферу закона о конкуренции» (Вольфганг Хоффман-Рим. Общественное вещание: современное состояние и перспективы регулирования в Германии. – II-134).

Конечно, ситуация в Беларуси далека от того, чтобы подобные проблемы представляли практический интерес. В наших условиях предстоит пройти долгий путь к укреплению общественного телевидения и радиовещания. Но при этом проблема его конкурентоспособности будет не из последних, которые придется решать. Впрочем, вовсе не обязательно возникновение жесткого антагонизма, конкурентного противостояния между общественными и коммерческими вещателями.

Конечно, общественное телерадиовещание нашей страны должно создаваться на базе кардинальным образом реформированного

государственного вещания. Однако это вовсе не означает, что существующие сегодня коммерческие теле- и радиостанции, а также видеопроизводящие организации не могут быть общественными вещателями. Сейчас они пребывают в статусе региональных организаций. И это их преимущество. Ввиду близости к своей аудитории, тесным контактам с местными органами самоуправления, общественными организациями они способны стать социальной, профессиональной, производственно-технической базой общественного ТВ как института открытого общества. Местные студии могут быть коллективными корреспондентами общественного телевидения, опорными пунктами его социологических служб, партнерами в профессиональной, вещательной деятельности.

Кроме того, признаком демократизации вещательной деятельности будет возникновение в Беларуси коммерческих каналов, действующих в общенациональном масштабе.

Общественное телерадиовещание и его аудитория

Когда в газете «Комсомольская правда» мы готовили страницу, посвященную общественному телевидению, сотрудница редакции, молодая девушка, меня огорошила: «А, по-моему, общественное телевидение – это просто скучное телевидение. Я в Европе смотрела общественные каналы, в Германии – мне не понравилось. Неинтересно».

Признаться, я не нашелся тогда, что сказать. Потому что однозначно ответить просто невозможно. Захотелось, в свою очередь, задать девушке встречные вопросы. Что именно она смотрела? Для кого эта передача была предназначена? Достаточно ли часто включала она общественные каналы, чтобы сделать обоснованные выводы? И что такое интересно-неинтересно, в конце концов?

Вполне возможно, что программа, предназначенная для немцев среднего возраста, была неинтересна белорусской девушке, даже владеющей немецким языком. О немецком общественном телевидении нужно спрашивать у немцев. Они за него платят, и, скорее всего, даром деньги не выбрасывают.

Дальше, что является альтернативой «скучному» общественному телевидения? «Веселое» коммерческое? Каково же оно? Вот об этом мы можем судить со знанием дела. Российские каналы (и государственные, и акционерные, и частные) ярко демонстрируют нам все прелести коммерческого вещания. Что же мы видим в «прайм-тайм», когда аудитория максимальна? Мы видим «Окна», «За стеклом», «Последний герой», бесконечный «Аншлаг» с четой Петросянов, круто замешанные боевики с Роки, Рембо, Арни и т.д., крикливые музыкальные программы.

Но также мы можем видеть великолепные информационно-аналитические программы «Времена» (1-й канал), ток-шоу «Основной инстинкт» (РТР),

«Принцип домино» (НТВ), «Пять вечеров» (1-й канал), захватывающие (другого слова не находится) интеллектуальные поединки «Культурная революция» и «Школа злословия» («Культура»). Эти и другие программы сделают честь любому авторитетному общественному каналу, если бы он был в России. Но их совсем немного, смотришь все вперемежку и чертыхаешься всякий раз, когда без предупреждения влезает нахальная и примитивная реклама, недопустимо превышающая все нормы. Впрочем, и нормы отсутствуют. В самое «смотрибельное» время обычный объем рекламы на основных российских каналах – не менее 20-ти минут в течение часа. В праздничные дни доходит и до 30-35 минут. Это ужасно, но это – коммерческое телевидение. Оно существует для рекламы, и богом для него является рейтинг – процент от максимального количества возможных зрителей. А зритель повлиять на положение дел никак не может. Хотите – смотрите, хотите – нет. И большинство смотрит. А куда денешься, выбора у нас нет. В общем, мы все вынуждены смотреть «интересные» передачи, но почему-то в конце вечера встаешь с ощущением потерянного времени и обманутых ожиданий. Не так ли? Ну что ж, это своего рода плата за всепоглощающий, можно сказать, физиологический интерес. Что ожидали, то и получили. По нашему мнению, российские каналы слепо переняли модель американского коммерческого вещания – разухабистого и агрессивного, беззастенчиво использующего в своих целях психологические механизмы влияния на аудиторию. Многие передачи просто являются калькой американских викторин и шоу. Но ведь это другая страна, Россия - не Америка. Однако такие программы наилучшим образом служат выбиванию необходимого рейтинга. По поводу слепой веры в рейтинг остроумно, как всегда, высказался Виктор Шендерович: «Рейтинги эти – вещь обоюдоострая… Среди маленьких детей можно констатировать высокий рейтинг «чупа-чупса» и низкий рейтинг каши с молоком. Но родители, если они не дебилы, «чупа-чупс» как раз не дают, а пытаются впихнуть ту самую

кашу с низким рейтингом. Потому что сначала будет высокий рейтинг, а потом сразу диабет» (Новая газета, 2003, №62, 25 августа).

Он говорил о рейтинге политиков, однако это применимо и к телевидению в полной мере. Кстати, программы самого Виктора Шендеровича – пример достижения высокого рейтинга при высоком уровне телевизионной публицистики. Неудивительно, что в сегодняшней России такие программы оказались не к месту.

Европейские вещатели, как мы видели, всячески защищаются от телевизионной попсы, вплоть до прямых ограничений дешевой (в прямом и переносном смысле) американской продукции на своих национальных каналах, ограничивают до разумных пределов рекламу на коммерческом телевидении. Наши же, доморощенные «телемагнаты» изо всех сил подражают подражателям и превращают белорусский эфир в глухую телевизионную провинцию. Меня просто «умиляют» призывные строчки телевизионных анонсов на Белорусском телевидении: «Том Круз и Николь Кидман, Микки Рурк и Николас Кейдж, Майкл Дуглас, Фей Данауэй на першым нацыянальным канале». Дальше некуда. Приехали. Все это делается только для того, чтобы реклама, размещенная в телеэфире, приносила доходы.

Но, может быть, это и устраивает нашу аудиторию? В таком случае - полный «ажур»: что желаете, то и получаете. Полная идиллия?

В том-то и дело, что нет. Социологические замеры аудитории Белорусского телевидения уместнее всего назвать антирейтингами – так ничтожен уровень уважения белорусов к своему телевидению. А причина прежде всего в том, что никто из нас не может назвать телевидение Беларуси своим, нужным ему и действительно интересным.

Удручающая картина, нарисованная объективным инструментарием социологии, приводит нас к горькому, но неизбежному выводу: **телевидение, которое не смотрят телезрители, не способно служить и интересам власти**. Поэтому заботой о коренном реформировании системы

национального телерадиовещания должны быть озабочены не только прогрессивно мыслящие «простые» телезрители, не только оппонирующие власти представители интеллектуальной элиты, но, как это ни парадоксально, сама власть, то государство, которое считает, что телевидение принадлежит ему, и только ему. Для этого необходима политическая воля, которую, к сожалению, едва ли способна проявить нынешняя власть. А для перспективно мыслящего политика, который видит завтрашний день, будет полезно узнать мнения зрительской аудитории, которая в рамках проведенного лабораторией «Новак» исследования отвечала на вопросы: «Какие меры могли бы улучшить ситуацию в белорусском телеэфире?», «Кто должен контролировать телевидение?».

Данные опроса свидетельствуют, что только 13,0 % аудитории хотели бы, чтобы телевидение Беларуси оставалось таким, какое оно есть сейчас.

Большинство же телезрителей желают перемен.

Однако за общими цифрами скрывается сильная дифференциация позиций составляющих аудиторию групп.

Так, 75,4% респондентов в группе «апологетов» полагают, что ничего менять не надо, тогда как в группе «критиков» желающих сохранить статус-кво практически нет. В группе «безразличных» больше всего (46,6%) респондентов, которые затрудняются сказать что-либо определенное по поводу каких-либо перемен на телевидении.

Какие именно изменения необходимы? Наиболее сильно выражено пожелание аудитории сделать белорусское телевидение более объективным и открытым, а также более разнообразным по представленным позициям. Более 60% «критиков» присоединились к данным пожеланиям. Среди «безразличных» таких около 20%, среди «апологетов» -- 8-9%.

В отношении мер, с помощью которых можно было бы улучшить ситуацию, мнение групп также разделилось. Симптоматично, что «критики» (47,1%) поддерживают демонополизацию телевидения как основную меру, они также позитивно высказываются в отношении создания

общенациональных коммерческих каналов (30,3%). Группа «безразличных» больше склоняется к «критикам», слабо поддерживая демонополизацию (17,3%).

«Апологеты», напротив, более или менее определенно высказались только за контроль над телевидением. Причем контроль, по их мнению, должен осуществляться со стороны президента (поддержали 46,2% группы) либо правительства (поддержали 20,9%).

В целом по поводу контроля половина аудитории (52%) высказалась положительно. Особенно сильную поддержку контроль находит у группы «апологетов» (59,2%). Позиция «критиков» в этом вопросе амбивалентна: за контроль 44,6%, против – 37,3%. «Безразличные» скорее за контроль, чем против него, но почти половина опрошенных в этой группе (45,8%) затрудняются ответить.

Однако критическое значение имеет не столько мнение о том, надо ли контролировать телевидение, сколько ответ на вопрос: КТО должен его контролировать.

«Критики»: общественность (28,8%), телезрители (20,0%)

«Апологеты»: президент (46,2%), правительство (20,9%)

«Безразличные»: общественность (15,1%)

По вопросу о мерах улучшения белорусского телевидения противоположность позиций «критиков» и «апологетов» особенно очевидна. Позиция «безразличных», хоть и отличается неопределенностью, но больше склоняется в сторону «критиков», чем «апологетов». То есть, они потенциально скорее поддерживают критические настроения, но в силу слабой включенности в СМИ и слабой значимости для них этой сферы, а, возможно, и в силу недостаточного общественного темперамента, их поддержка и позиция размыты.

Как видим, большинство опрошенных желает коренной реформации системы телерадиовещания Беларуси. Боле того, люди вполне конкретно выражают свое мнение и о содержании программ, характере управления

телерадиовещанием, системе его финансирования, защите интересов телезрителя.

Вырисовывается поразительная картина. Не отдавая себе отчета, большинство участников общенационального опроса приходят к мысли о необходимости создания принципиально новой для Беларуси модели ТВ – общественного телевидения. Для большинства европейских государств системы общественного телерадиовещания – реальность, существующая уже не менее пятнадцати лет. То есть, белорусы в большинстве своем хотят в телевизионную Европу.

Истинно продуктивные отношения телевидения и его аудитории можно уподобить отношениям двух партнеров, обладающих равными правами. Очевидно, не существует единого стандарта «качественного» телевидения как такового. Это понятие не может быть абстрактным. Все, что предлагается вещателем аудитории, должно быть ею оценено и принято (или не принято). Это зависит от особенностей национального характера, предпочтений аудитории. Например, скандинавы и прибалты не любят внешней броскости, крикливости, ярмарочной зазывности, к которой пытаются приучить нас белорусские вещатели.

В любом случае, вторая половинка «пароля», открывающего врата в аудиторию, в ней и находится.

Программная политика телерадиокомпании – это всегда компромисс между запросами аудитории и возможностями телекомпании. Это всегда соглашение (официальное или нет – неважно) относительно того, каким будет сотрудничество организаторов вещания с аудиторией своей страны.

Многое из того, о чем мы упоминали в главе «Принципы деятельности организаций общественного вещания», основано на тщательном изучении мнений людей. Это и соотношение объемов информационно-публицистического, литературно-драматического и музыкального вещания. Это подготовка образовательных и просветительских программ. Это ограничение низкокачественной продукции и передач, нарушающих права

детей и подростков. Все это осуществляется под пристальным вниманием аудитории, представленной ассоциациями телезрителей и радиослушателей. Например, BBC, программы которой могут служить эталоном организации общественного вещания, заказывает изучение зрительской аудитории. Кроме того, BBC постоянно консультируется с такими организациями, как вещательный совет для Шотландии, Северной Ирландии или Английский национальный форум. В АНФ, в свою очередь, входят десять региональных консультативных советов и центральный религиозный консультативный комитет. Эти организации, представляющие интересы телезрителей и радиослушателей, готовят свои доклады для Совета управляющих BBC. Мнения зрителей являются важным регулятором вещательной деятельности корпорации, поскольку подотчетность плательщикам абонентской платы – один из принципов ее деятельности. Стефан Уиттл, контролер редакционной политики BBC, отмечает: «Как вещатели мы имеем дело с искушенными и разнообразными аудиториями, которые судят о продукции телевидения в соответствии со своими жизненными сценариями. Если мы не отражаем их верно, нам перестают верить» (Как создать общественное вещание в России. – Москва, 2002, с.26).

В Германии земельные органы, регулирующие телерадиовещание, по своей инициативе привлекают общественность в качестве важной инстанции, влияющей на содержание программ. В этой стране обсуждаются проекты создания объединений потребителей масс-медиа для участия в процедурах принятия решений о региональном вещании.

В Голландии раз в пять лет деятельность общественных вещателей (которым предоставляется эфирное время и государственное финансирование) подвергается мониторингу со стороны независимого комитета. Он оценивает, придерживаются ли общественные вещательные организации принципов заявленной ими программной политики. Действительно ли она представляет интерес для определенных слоев населения страны? Соответствует ли количество членов вещательной

организации первоначальной заявке и выполняется ли соглашение о программах, заключенное на основании этой заявки?

Обобщая, скажем, что аудитория телезрителей и радиослушателей в большинстве стран структурирована, организованна и обладает реальными возможностями влиять на содержание программ. В то же время, законодательно закреплены определенные права и для вещателей. Регулятивные органы исходят из того, что за ними также должно быть закреплено право на свободное формирование программной политики и содержания передач. Иначе существовал бы риск возникновения диктата со стороны нетребовательной части публики, что немедленно привело бы к снижению качества вещания. Вот всего лишь один, но достаточно красноречивый пример. В декабре 2004 года мне довелось посетить штаб-квартиру DW-TV – телевизионной службы компании «Немецкая волна», осуществляющей круглосуточное телевизионное вещание более чем на сто стран мира. Знакомя нас, белорусских журналистов, с аппаратно-студийным комплексом на Вольташтрассе в Берлине, сотрудник компании Юрген Майер-Кронталер рассказал: после нескольких передач о проявлениях расизма в Восточной Германии в адрес компании посыпались письма с упреками: дескать, стоило ли выносить сор из избы, рассказывать об этом всему белому свету? «Именно тогда мы и поняли, что действовали правильно и впредь нужно поступать так же», - подчеркнул ответственный сотрудник телевизионной службы «Немецкой волны».

В этом состоит принципиальная позиция вещателя, и он вправе отстаивать ее, даже если это не находит понимания у части аудитории.

Модель для Беларуси

Сразу хотим оговориться: такой модели не существует, и любой, кто рискнет предложить ее, в самом начале допустит грубейшую ошибку. Поставит под угрозу весь проект создания демократической системы телерадиовещания, в рамках которой общественные и коммерческие каналы, конкурируя, боролись бы за своего зрителя и слушателя. Все дело в том, что разработка такой модели должна быть делом самого общества, и никак иначе. Это тот случай, когда процесс создания правовой базы деятельности электронных СМИ не менее важен, чем его результат. Здесь, как нигде, средства оправдывают цель. Или компрометируют ее.

Как мы увидели, мировой опыт демонстрирует нам поразительное многообразие вариантов решения главной задачи: обеспечения населения достоверной и объективной информацией. Собственно говоря, что ни страна, то и своя модель общественного телерадиовещания. Это понятно. Однако в этом многообразии нетрудно увидеть базовые принципы, на которых покоится все здание. Можно применить и такую метафору: обязательно должны быть корни и ствол, они выполняют свои, жизненно важные функции. Крона может быть любой и расцветать любыми цветами. Приносим извинения за некоторую пышность метафоры, но она точная.

Непременными условиями успешного выполнения общественным телерадиовещанием своих функций являются:

- финансирование, неподконтрольное исполнительной власти;
- фактическая независимость регулятивных органов в сфере электронных СМИ;
- наличие законодательства, обеспечивающего: а) права граждан, в т.ч. и журналистов, на доступ к актуальной информации о жизни общества; б) ответственность журналистов и вещательных организаций за недостоверную информацию, оскорбление чести и достоинства личности;

- активное участие населения в формировании программной политики общественных вещателей;
- наличие гаранта (гарантов) исполнения законодательства в сфере средств массовой информации.

Выполнение любого из этих требований сопряжено в Беларуси с опасностью формального разрешения проблем, на деле оставляющего все в нетронутом виде.

Так, при невозможности введения у нас абонентской платы за пользование телерадиоприемниками неизбежно сохранение (хотя бы на первых порах) чисто бюджетного финансирования. Даже если расходы на содержание общественных телерадиоканалов будут записаны отдельной строкой в бюджете и поставлены под контроль парламента, мы рискуем получить не общественное телевидение, а парламентское. События в Чехии показали, что это также чревато конфликтными ситуациями и не защищает вещателей от произвола.

Независимость регулятивных органов (которые, скорее всего, должны быть внешними по отношению к вещательным организациям), также гарантировать нелегко. Все зависит от их статуса, регламента деятельности, полномочий. В свою очередь, названные параметры должны обеспечить участие в этих органах людей, представляющих различные слои общества, обладающих высокими моральными и профессиональными качествами. Учитывая особую роль электронных СМИ в формировании элементов гражданского общества, национальный Совет по вещанию может быть учрежден в качестве конституционного органа, обладающего весомыми полномочиями. В частности, эти полномочия должны быть достаточными для регулирования отношений между общественным и коммерческим телерадиовещанием.

В то же время, такой орган должен быть подконтролен, но не исполнительной власти.

Не менее важно, чтобы зрительская аудитория не оставалась аморфной, безликой и недееспособной. Необходимым субъектом в правовом поле деятельности электронных СМИ должны быть сильные и активные общественные ассоциации телезрителей и радиослушателей, объединяющие людей по самым различным признакам: социальному или профессиональному положению, полу, национальности, вероисповеданию и т.д.

Мы видели, что в Западной Европе государственные органы имеют значительные полномочия в регулировании вещательного сектора. Но это не приводит к нарушению прав вещательных организаций и населения, поскольку существуют многолетние демократические традиции. При нашем недоверии (небезосновательному) ко всему государственному подобное присутствие исполнительной власти в вещательном секторе может быть опасным не только фактически, но и с точки зрения установления реального авторитета такого органа в глазах общественности. Следовательно, необходимо присутствие некоего гаранта, который встанет на страже интересов всех субъектов, участвующих в процессе: населения, вещательных организаций, исполнительной власти. Возможно, таким гарантом в Беларуси может выступать Конституционный суд. Подобное положение существует в Германии.

Послесловие

Самая большая опасность заключается в том, что идея общественного телерадиовещания будет на слуху и знакома каждому, но так и не понята по сути. Скорее всего, ее не захотят понимать, потому что это очень неудобная вещь. Это как с понятиями «демократия» или «диктатура закона»: все за, но никто не хочет, чтобы это коснулось его лично.

В среде оппозиционных политических деятелей самого различного толка отношение к средствам массовой информации базируется на все тех же, советского происхождения, представлениях о том, что журналистика обязана обслуживать сиюминутные политические интересы. Эти политики представляют реформирование телевидения как обеспечение доступа к эфиру для себя и своих сторонников. Наиболее дальновидные из них – те, кто прошел школу аппаратной деятельности, – понимают, что по-настоящему независимые телевидение, радио и печать - это еще один, довольно специфический, но реальный центр власти. На него сложно будет оказывать «руководящее» воздействие. Поэтому кардинальное реформирование государственной системы, создание общественного телевидения и радиовещания их вряд ли устроит. Приход таких политиков к власти будет означать консервацию статус-кво, только с обратным знаком.

За последнее десятилетие сложилось влиятельное лобби в профессиональной среде, пристрастия которого также расходятся с планами демократизации вещательной деятельности. Последнюю они понимают только как предоставление больших возможностей для извлечения прибылей. Это – владельцы некоторых коммерческих телекомпаний, видеопроизводящих организаций, рекламных агентств. Их интересы связаны в первую очередь с распределением доходов от размещения рекламы на государственном, то есть бюджетном, телевидении. Ограничение, а то и запрет на рекламу и спонсорство в практике общественного телевидения (которое должно возникнуть на базе государственного) станет для них

неприятным сюрпризом. Их мало утешит то обстоятельство, что радикальное реформирование телерадиовещания предусматривает и демократизацию коммерческой вещательной деятельности, создание общенациональных коммерческих сетей.

Клановые интересы групп и лиц, отлученных от бесконтрольного «управления» государственным вещанием, от распределения бюджетных средств, также станут серьезнейшим препятствием на пути продвижения идеи общественного телевидения как одной из рабочих идей переустройства белорусского общества.

Как это ни парадоксально, но в постлукашенковской Беларуси могут сложиться исключительно благоприятные условия для формирования демократических институтов, в том числе и системы общественного телерадиовещания. Под прессингом административного «управления», тотального контроля над финансовыми потоками в Беларуси не сформировался класс крупных собственников в сфере масс-медиа.

Однако при исчезновении такого прессинга процесс пойдет очень быстро, фактически и незаметно. Этому будет способствовать отсутствие цивилизованного правового поля в электронных масс-медиа. «Приватизация» общенационального достояния – материально-технической базы телерадиовещания и закономерная вследствие этого коммерциализация эфира пойдет стремительными темпами. Мы не успеем оглянуться, как обнаружим у себя олигархов, медиа-магнатов – отечественных и зарубежных. И опять столкнемся с ситуацией, когда кучка людей будет манипулировать массовым сознанием. И по-прежнему население, поставленное в положение «объекта воздействия», будет тихо ненавидеть национальное телевидение, не в силах что-либо изменить. Общественное телевидение и радиовещание придется создавать при яростном сопротивлении тех, кому это совсем не нужно. У нас перед глазами – пример России. Хотелось бы этого избежать.

Конечно, реформирование системы электронных СМИ Беларуси не может осуществиться без широких общедемократических преобразований. Очевидно, возврат к цивилизованным нормам, грубейшим образом нарушенным и в 1995, и в 1996, и в последующие годы, потребует столь же радикальных шагов, таких, как восстановление Конституции страны, проведение свободных и открытых парламентских выборов, принятие ряда новых законов.

Наверное, в этом русле будет происходить и закладка правовых основ для обеспечения свободной деятельности общественных и коммерческих телерадиовещательных организаций.

Важно, чтобы к этому времени существовали возможности для консолидации граждан, которые через сбор подписей или внесение законопроектов в парламент могли бы инициировать принятие соответствующих законов, исполнение которых будет обязательным для всех.

Эти законы необходимо создавать уже сейчас.

Для тех, кому некогда читать эту книгу

Катехизис

(«Катехизис» (греч.) – краткое
изложение в форме вопросов и ответов)

Много ли своего личного времени отдает средний человек общению с телеэкраном?

Среднемировой показатель времени, отводимого общению с телевизором – около четырех-пяти часов в сутки. Это сопоставимо с удовлетворением таких жизненно важных функций жизнедеятельности человека и его семьи, как работа, сон, воспитание детей.

У нас такое же положение?

Формально – да, однако более половины людей, включив телевизор, сразу его не смотрят, а занимаются домашними делами. Это называется «фоновым восприятием телерадиопрограмм». После всех дел включают телеприемники около 17 процентов населения.

Это нормально или нет?

Конечно, нет. Это свидетельствует о том, что наш средний человек совсем не уважает свое телевидение. Не верит ему, не хочет с ним общаться. Социологи констатируют: наблюдается устойчивая тенденция к снижению значимости телевидения как источника информации.

Что такое заппинг?

Находясь у телевизора, человек не остается пассивным потребителем, а активно действует пультом дистанционного управления. Делая это довольно часто, он формирует свою, индивидуальную программу. Явление приобрело уже и собственное название – «заппинг» (от английского «zup» - «бац-бац»,

или «застрелить, укокошить»). Заппингом занимается более половины телеаудитории. Заппинг свидетельствует о крайней степени неудовлетворенности содержанием программ и засильем некачественной рекламы.

Что больше всего не устраивает в телевизионных и радиопрограммах?

Недобросовестность вещателей в отборе новостей. Подавляющее число информационных теле- и радиопрограмм освещают события чрезвычайно однобоко, односторонне, а зачастую и недостоверно. Зрители и радиослушатели практически лишены возможности увидеть и услышать программы о реальной жизни белорусского общества.

Острое раздражение вызывает также низкое качество оригинальных документальных и постановочных программ, а также частое прерывание фильмов рекламными вставками.

В чем причины создавшегося положения?

В Беларуси телевидение и радиовещание полностью узурпировано властью и служит только ее интересам. Обычной практикой стали замалчивание актуальных событий, диффамация отдельных лиц, нанесение ущерба деловой репутации организаций, разжигание национальной и религиозной розни. Значительно снизилась содержательность документальных передач, эстетическая и познавательная ценность художественного, музыкального, научно-популярного вещания, программ для детей и юношества. Экран заполнили пустопорожняя болтовня, низкопробная эстрада, зарубежные сериалы чрезвычайно низкого качества.

Можно ли говорить о государственном монополизме в сфере телерадиовещания?

Конечно. Национальная государственная телерадиокомпания Республики Беларусь имеет совершенно особый, нигде не виданный правовой статус. Президентским указом №128 от 28 сентября 1994 года ей были приданы полномочия центрального органа государственного управления и одновременно средства массовой информации. Несмотря на то, что тогда же,

в 1994 году, Конституционный суд признал этот указ нарушением ст.13 Конституции РБ (всем субъектам хозяйствования – равные условия деятельности), положение остается неизменным до настоящего времени. Напротив, указом №174 от 24 апреля 2003 года Белтелерадиокомпании придан статус «государственного учреждения, которое подчиняется президенту и исполняет отдельные управленческие функции». Таким образом, БТРК выведена из юрисдикции даже правительства и подчиняется в своей деятельности только одному лицу в государстве. Примечательно, что Законом о печати и других средствах массовой информации Белтелерадиокомпании предоставлено право вещания без получения лицензии, что является нарушением других статей того же закона.

В Республике Беларусь отсутствует практика открытого творческого соревнования за получение лицензий, дающих право осуществлять вещательную деятельность. «Коммерческий» статус таких телекомпаний, как «Второй национальный канал», СТВ прикрывает их фактическую государственную принадлежность. Этим, формально коммерческим, вещательным организациям предоставляются за счет бюджета необоснованные льготы и преференции. В нарушение законодательства в эти компании назначаются администраторы, «делом» доказавшие свою преданность высшим должностным лицам, готовые выполнить любой идеологический заказ сверху.

Чем опасно такое положение?

Тем, что население Беларуси лишено доступа к надежной объективной информации. Это исключает возможность для каждого человека сформировать свою личную позицию. Массовая и систематическая дезинформация, которой на протяжении десятилетия занимаются государственные электронные СМИ, является одной из главных причин экономической и социальной стагнации, апатии населения. Все это лишает Беларусь перспектив скорого и кардинального изменения ситуации.

Насколько реальна возможность радикального реформирования системы электронных СМИ в нашей стране?

В сложившейся непростой ситуации идея реформирования национального телерадиовещания Беларуси выглядит, мягко говоря, утопичной. Однако – не более чем идея проведения честных, справедливых и прозрачных парламентских и президентских выборов, создания правительства, пользующегося доверием народа. Такое требование содержится в программах почти всех политических партий, оппозиционных существующему режиму.

В чем суть проблемы?

К сожалению, как на уровне высокой политики, так и на уровне обыденного сознания редко увязывают информированность населения и его социальную активность. А ведь реальное обеспечение гражданам права на получение всесторонней и объективной информации есть необходимое условие осуществления всех политических, экономических и социальных реформ.

В Беларуси отсутствуют четыре основные условия создания и успешного функционирования телевизионного вещания, служащего обществу, а именно: особая правовая база, порядок управления, механизм финансирования и принципы формирования программной политики. В большинстве же цивилизованных стран телевидению придан такой статус, при котором оно получает возможность наилучшим образом служить обществу. Не власти, не какой-либо партии или политическому движению, не парламенту, а именно обществу – то есть всему населению. На практике это означает создание и законодательное обеспечение деятельности общественных и коммерческих телеканалов, сталкивающихся в конкурентной борьбе за зрителя. А за ним, за зрителем, остается право окончательного выбора.

Существуют где-либо подобные системы телерадиовещания?

Конечно. Объединенная Европа, несмотря на различия и особенности национальных законодательств, выработала общие принципы

финансирования общественного телевидения, его организации, правовой защиты. Законодательная база общественного телевидения для стран–членов Европейского Союза содержится в массиве документов, принятых к обязательному исполнению.

Какие фундаментальные международные документы легли в основу создания плюралистических систем телерадиовещания в Европе, Америке и Азии?

Всеобщая декларация прав человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный Пакт о гражданских и политических правах, другие документы, принятые мировым сообществом как основа послевоенного устройства мира.

Как развивалась правовая база, обеспечившая создание общественных служб телевидения и радиовещания?

Европейская конвенция о защите прав человека стала правовой основой множества законодательных актов государств Европы (и не только), которые развили и конкретизировали механизм осуществления права на информацию, ее распространение, соблюдения ответственности, сопряженной с этим видом деятельности. Республикой Беларусь конвенция не подписана.

В европейском сообществе существует ряд документов, которые на основании базовых – Декларации, Конвенции и Пакта – уточняют и конкретизируют порядок соблюдения хрупкого баланса между свободой журналистского творчества и необходимыми ее ограничениями. Среди массива этих документов мы должны выделить Декларацию о средствах массовой информации и правах человека, утвержденную специальной резолюцией Парламентской ассамблеи Совета Европы в январе 1970 года, а также Резолюцию №2 «Журналистские свободы и права человека», принятую 4-й конференцией министров по политике в области средств массовой информации, состоявшейся в Праге в 1994 году. При сравнительном анализе этих документов можно отчетливо проследить эволюцию общих, поначалу весьма декларативных, принципов свободы

слова в конкретные правовые механизмы регулирования практической деятельности печати, телевидения и радио в западноевропейских странах

Как проходило становление общественного телерадиовещания в европейских странах?

Почти во всех европейских странах острая коллизия вокруг телерадиовещания создавалась под влиянием разрушения государственной монополии в результате деятельности коммерческих теле- и радиостанций, возникавших повсеместно и способных предоставлять аудитории более разнообразные программы. Однако коммерсанты руководствовались исключительно интересами получения выгоды, извлечения максимальных доходов. Это приводило к резкому снижению качества программ, зачастую – и к нарушению прав личности. Государственные органы, которые, с одной стороны, монополизировали вещательный сектор, а с другой – не давали развиваться альтернативным источникам информации, в конце концов, пришли к выводу, что нужно менять систему регулирования вещательной деятельности. В 1993 Европейский Суд вынес решение, направленное против монополии австрийского правительства на телевещание. Суд заявил, что среди всех средств достижения плюрализма мнений на телевидении в наибольшей степени ограничивает свободу самовыражения государственная монополия.

В США в 1967 году по инициативе президента Линдона Джонсона был принят Закон об общественном телевидении, благодаря которому возникла сеть региональных и муниципальных станций PBS (Public Broadcasting Service).

Какие важные документы объединенной Европы заложили основы правового регулирования деятельности общественных служб телерадиовещания?

Рекомендация №748 «О роли национального вещания и управления им», принятая Парламентской ассамблеей Совета Европы в январе 1975 года, Резолюция об общественном и частном вещании в Европе (принята 1-й

конференцией министров по политике в области СМИ в декабре 1986 года), Венская декларация «От вещания, контролируемого обществом, к общественному вещанию» Европейского симпозиума по проблемам СМИ (сентябрь 1993 г.), а также резолюция №1 «Будущее общественного телерадиовещания» 4-й (пражской) Европейской конференции (1994г.).

Насколько реально применение европейского опыта в наших условиях?

В сущности, идея общественного телерадиовещания сводится к созданию правовых и административных механизмов, исключающих возможность манипулирования им со стороны не только власти (исполнительной, судебной, законодательной), не только партий, профсоюзов или общественных организаций, не только коммерсантов, но и вообще кого бы то ни было. Привлекательная сама по себе, эта идея при ближайшем рассмотрении, а тем более реализации становится для многих весьма опасной. Особенно для тех, кто обладает властью и влиянием. Поэтому даже при наличии ясно выраженной воли общества к реформированию электронных СМИ не меньшую трудность представляет создание правовых механизмов, отделяющих законное право на эфир правительства, президента, парламента, партий, лидеров общественного мнения от их же стремления использовать телевидение и радиовещание в своих целях.

Каким основным требованиям должно отвечать общественное телерадиовещание?

Во всех европейских документах подчеркивается, что общественное телерадиовещание – это вещание:

- предназначенное для общества;
- контролируемое обществом;
- финансируемое обществом.

Технологический аспект заключается в том, что общественное вещание должно обслуживать все население страны без каких-либо исключений, то есть, каждая семья, дом, квартира должны иметь возможность

беспрепятственно принимать телевизионные и радиопрограммы. В этом смысле общественное телерадиовещание приравнивается к другим видам универсального обслуживания, таким, как водо-, газо- и электроснабжение.

Содержательный аспект телепрограмм, создаваемых общественными вещателями, тоже вполне однозначен. Документы Совета Европы, Европейского союза содержат достаточно определенные характеристики типов программ, которые должны транслироваться по каналам общественного телевидения и радио. В первую очередь это информационные программы, которые честно, объективно и беспристрастно информируют о том, что происходит в стране и мире. Следующей важнейшей функцией общественного вещания является способность быть трибуной публичных дискуссий, форумом, на котором мог бы выражаться как можно более широкий спектр мнений и точек зрения. Передачи должны служить целям образования, просвещения, развития культуры и т.п. Далее, общественное телевидение и радиовещание обязаны:

- обеспечивать доступ всего населения к событиям, представляющим всеобщий интерес, включая спортивные трансляции;

- отражать различные философские идеи и религиозные взгляды, существующие в обществе, с целью углубления взаимопонимания, терпимости, быть фактором социального сплочения, интеграции всех индивидуумов, групп и общин;

- быть новаторами в повышении качества программ, делать их разнообразными, интересными, отвечающими этическим нормам и стандартам честной журналистики. Не жертвовать качеством ради интересов рынка;

- отвергать любую дискриминацию по признаку расовой и национальной принадлежности, полу, политическим убеждениям и т.д;

- не допускать в эфир программы и фильмы, содержащие сцены насилия над личностью, способные наносить ущерб общественной нравственности;

- уделять внимание потребностям меньшинств;

- расширять выбор услуг, предлагаемых телезрителям и радиослушателям.

Все эти требования находят воплощение в программной политике общественных вещательных организаций, исполнение которой находится под контролем специальных регулирующих органов.

Каков статус и полномочия этих органов?

Вопрос о структуре, полномочиях и функциях органов, управляющих общественным и коммерческим телерадиовещанием - ключевой вопрос всей реформы этого сектора СМИ. От его грамотного решения зависит исполнение общественным вещанием важнейших своих функций. Своеобразие внутриполитической ситуации в Беларуси заключается в резкой поляризации общественного мнения о путях выхода из кризиса, поразившего и политическую систему, и экономику, и социальную сферу. Это относится и к реформированию телерадиовещания.

Главная проблема в том, чтобы исключить управление телерадиовещанием из сферы политической деятельности. Однако отстранить государство от управления общественным и коммерческим вещанием невозможно. Вопрос о роли государственных органов стоит совсем в другой плоскости: их нужно отстранить от бесконтрольного владения эфиром, лишить возможности директивно влиять на содержание передач и программную политику в целом. На практике это означает создание органа, призванного быть буферной структурой в треугольнике отношений между государством, телерадиокомпаниями и обществом.

Статус такого органа определить нелегко, однако ключевой вопрос его дееспособности – это независимость от любых ветвей власти. Следовательно, первостепенное значение приобретает процедура назначения (избрания?) членов такого совета, персональный состав его участников.

Порядок формирования регулятивных органов всегда был средоточием острых политических интересов в любой стране.

Каковы основные функции органов, управляющих телерадиовещанием?

Регулятивные органы осуществляют следующие функции: 1) подбор кандидатов на осуществление вещания и выдача лицензий; 2) назначение руководящего персонала организаций общественного вещания; 3) мониторинг эфира и установление фактов нарушения условий лицензии, и/или устава телерадиокомпании; 5) принятие мер, корректирующих деятельность вещательных организаций.

В Европе существуют и такие регулятивные органы, которые осуществляют квазисудебные функции. Они имеют исключительное право на разрешение конфликтных ситуаций. В эти инстанции могут обращаться и физические лица, чьи интересы были задеты действиями телерадиовещателей.

Каковы реальные возможности для телезрителей и радиослушателей влиять на содержание программ?

Понятие стандарта «качественного» телевидения не может быть абстрактным. Все, что предлагается вещателем, должно быть аудиторией оценено и принято (или не принято). Это зависти от особенностей национального характера, ментальности нации. Вторая половинка «пароля», открывающего врата в аудиторию, в ней и находится. Поэтому телерадиокомпания, ставящая себя в положение «вещателя» в первичном значении этого слова, обречена на вырождение. Это и происходит сейчас с Белорусским телевидением. Произошло уже.

Программная политика телерадиокомпании – это всегда компромисс между запросами населения и возможностями телекомпании. Это всегда соглашение, официальное или нет – неважно.

Аудитория телезрителей и радиослушателей в большинстве стран организованна, объединена в различные ассоциации и обладает реальными возможностями влиять на содержание программ. В то же время следует заметить, что законодательно закреплены определенные права и для вещателя. Регулятивные органы исходят из того, что за ним также должно быть закреплено право на свободное формирование программной политики и

содержания передач. Иначе существовал бы риск возникновения диктата со стороны нетребовательной части публики, что немедленно привело бы к снижению качества вещания.

Как финансируется общественное телевидение и радиовещание?

Какие бы формы финансирования ни применялись, в конце концов выясняется, что за все платит потребитель – телезритель и радиослушатель. Если вещание финансируется из бюджета, то за это платит налогоплательщик. Коммерческое телевидение и радио финансируется за счет доходов от рекламы и спонсорства. И в этом случае за него платит обыватель, но уже в роли покупателя товаров и услуг: расходы на рекламу включены в их стоимость. Когда финансирование осуществляется через взимание абонентской платы (лицензионного сбора, как принято ее называть в Западной Европе), все становится на свои места. Зритель (слушатель) платит только за то, чем на самом деле пользуется, и все эти деньги в действительности идут на финансирование общественного телевидения и радио. Такова общеевропейская и мировая практика.

Однако в наших условиях введение абонентской платы было бы верхом неразумия, это сразу сгубило бы идею общественного телевидения в глазах миллионов соотечественников. Они воспримут попытку ввести абонентскую плату как покушение на свой, и без того скудный, семейный бюджет. Впрочем, согласно социологическим исследованиям, почти 37% населения согласны платить за пользование ТВ абонентскую плату. При условии, конечно, что телевидение будет удовлетворять их интересы.

Очевидно, нам предстоит переходный период от строгого бюджетного финансирования к смешанному типу, когда средства, поступающие от населения, под контролем парламента поступают непосредственно на нужды вещательных организаций.

Могут ли рекламные доходы служить источником финансирования общественных телерадиокомпаний?

Могут. Мировой опыт свидетельствует, что ни одна из общественных телерадиокомпаний не может обойтись без привлечения дополнительных источников доходов – рекламы, спонсорства, продажи собственной аудиовизуальной продукции и т.д. Исключение составляет только японская телерадиокорпорация NHK: она полностью «живет» за счет лицензионного сбора (абонентской платы).

Проблема заключается в том, что общественное телерадиовещание призвано служить принципам объективности информации и плюрализма интересов аудитории. А интересы рекламодателя противоположны: максимальный рейтинг и возможность влиять на содержание программ. Высокий рейтинг, как правило, достигается резким снижением качества, потаканием низменным вкусам публики. А влияние рекламодателя на содержание передач опасно навязыванием обществу интересов определенных кланов и групп.

В законодательствах большинства стран, где есть общественное телерадиовещание, существуют жесткие ограничения или ограничительные условия на трансляцию рекламных объявлений, а также спонсорство. Можно сказать, что общественные телерадиовещатели допускают рекламу в свой эфир как необходимое зло. В то же время общественные вещатели все активнее развивают коммерческую деятельность, доходы от которой направляют на выполнение уставных задач.

Что такое модель общественного вещания?

При соблюдении общих принципов для большинства европейских стран организация, финансирование, управление общественным вещанием не может не иметь различий, определяемых историческими традициями, менталитетом населения, особенностями национального законодательства той или иной страны. Все эти своеобразия и определяют конкретную модель национального общественного телерадиовещания.

Сейчас в Европе насчитывают 49 моделей общественного телерадиовещания.

Как складываются отношения между общественным и коммерческим телерадиовещанием?

В силу того, что и общественное, и коммерческое вещание действуют в одном и том же секторе рыночной экономики, их взаимные отношения не могут не быть предметом особого внимания в демократическом государстве.
В коммерческом секторе главным является недопущение концентрации электронных СМИ на правах собственности. И в коммерческом вещании общество должно быть ограждено от диктата какой-либо одной силы: лица, группы лиц, организации. Целям обеспечения защиты потребительского рынка в массовом телерадиовещании служит прозрачность всех сторон деятельности коммерческих компаний.

Поскольку вещание является одним из видов предпринимательской деятельности с неизбежными экономическими рисками, каждому участнику рынка необходимы гарантии равных условий конкуренции. Регламентация деятельности в вещательном секторе отвечает интересам всех участников. В большинстве стран необходимость регулирования коммерческого телерадиовещания закреплена законодательно. Среди обязательств, которые берут на себя коммерческие вещатели - добросовестность, справедливость и специальный запрет на одностороннее влияние. Существуют также ограничения на рекламу и меры по защите интересов несовершеннолетних телезрителей и радиослушателей.

Фактически во многих странах можно наблюдать своеобразную диффузию принципов общественного и коммерческого телерадиовещания. Общественные вещатели довольно успешно занимаются коммерцией, а коммерсанты от эфира не только исполняют обязанности общественных вещателей, но и являются ими на самом деле. Регулирование общественного телерадиовещания и его коммерческого партнера осуществляется по-разному, но сходится в одной точке. В сущности, это две стороны одного и того же процесса: обеспечения доступа большинству людей к

неангажированной, объективной информации, защита от пропаганды бескультурья, насилия, сексуальной распущенности.

Не вредит ли делу излишняя регламентированность отношений в вещательном секторе?

Излишняя – бесспорно, да, чем бы она ни была вызвана. Отсечение рыночных механизмов, исключение конкуренции мешает творческому развитию и общественного, и коммерческого сектора вещания. В конечном счете, это приводит к нарушению прав населения на получение качественных теле- и радиопрограмм. Особые протекционистские меры государства, создающие тепличные условия для общественных вещателей, не могут не вести к стагнации. Такой точки зрения придерживается Комиссия Европейского союза, которая стремится распространить действие закона ЕС о конкуренции и на общественное телерадиовещание.

Как могут сложиться отношения между общественными и коммерческими вещателями в Беларуси?

Ситуация в Беларуси далека от того, чтобы подобные проблемы представляли практический интерес. В наших условиях предстоит пройти долгий путь к укреплению общественного телевидения и радиовещания. Но при этом проблема конкурентоспособности общественного телерадиовещания будет не из последних, которые придется решать.

Общественное телерадиовещание нашей страны должно создаваться на базе кардинальным образом реформированного государственного вещания. Но это вовсе не означает, что существующие сегодня коммерческие теле- и радиостанции, а также видеопроизводящие организации не могут быть общественными вещателями. Сейчас они пребывают в статусе региональных организаций. И это их преимущество. Ввиду близости к своей аудитории, тесным контактам с местными органами самоуправления, общественными организациями они способны стать социальной, профессиональной, производственно-технической базой общественного ТВ как института открытого общества. Местные студии могут быть коллективными

корреспондентами общественного телевидения, опорными пунктами его социологических служб, партнерами в профессиональной, вещательной деятельности.

Кроме того, признаком демократизации вещательной деятельности будет возникновение в Беларуси коммерческих каналов, действующих в общенациональном масштабе.

Можно ли сказать, какая модель реформирования телерадиовещания наиболее пригодна для Беларуси?

Мировой опыт демонстрирует нам поразительное многообразие вариантов решения главной задачи: обеспечения населения достоверной и объективной информацией. Однако нетрудно увидеть базовые принципы, на которых покоится все здание. Непременными условиями успешного выполнения общественным телерадиовещанием своих функций являются:

- финансирование, неподконтрольное исполнительной власти;
- фактическая независимость регулятивных органов в сфере электронных СМИ;
- наличие законодательства, обеспечивающего: а) права граждан, в т.ч. и журналистов, на доступ к актуальной информации о жизни общества; б) ответственность журналистов и вещательных организаций за недостоверную информацию, оскорбление чести и достоинства личности;
- активное участие населения в формировании программной политики общественных вещателей;
- наличие гаранта (гарантов) исполнения законодательства в сфере средств массовой информации.

Выполнение любого из этих требований сопряжено в Беларуси с опасностью формального разрешения проблем, на деле оставляющего все в нетронутом виде.

Реформирование системы электронных СМИ Беларуси не может осуществиться без широких общедемократических преобразований. Возврат к цивилизованным нормам, грубейшим образом нарушенным и в 1995, и в

1996, и в последующие годы, потребует столь же радикальных шагов, таких, как референдум по изменению Конституции страны, проведение свободных и открытых парламентских выборов, принятие ряда новых законов.

В этом русле будет происходить и закладка правовых основ для обеспечения свободной деятельности общественных и коммерческих телерадиовещательных организаций.

Summary of the book

The most typical feature of electronic mass-media in Belarus is its full subordination to the government. The state has monopolized the broadcasting media, including broadcasting companies which formally are joint-stock companies. On the national scale the dominating position is occupied by television and radio channels belonging to the state body – Belarusian TV and Radio Company. On the regional level there are about two dozens independent TV broadcasters and about eighty cable operators, however in practice they are completely loyal to the Ministry of information and local authorities. FM radio stations operating in Belarus are also under rigid control of the state. They have to provide daily reports on the contents of their programs to state structures.

TV and radio broadcasting is completely usurped by the authority and serves only to its interests in Belarus. From the means of informing and education of population electronic mass-media is turned into a mouthpiece of propaganda and means of ideological influence on consciousness of millions of people. The overwhelming number of information programs on TV and radio cover the events in the country in the extremely biased and incorrect way. Hushing up of actual events, defamation of people, causing damage to business reputation of organizations, fostering of national and religious enmity became normal practice. TV viewers and radio listeners are practically deprived of opportunities to watch or to listen to the programs about real life of the Belarusian society.

In these conditions the Belarusian Association of Journalists has launched a project aimed at creating preconditions for cardinal reform of TV and radio broadcasting system in Belarus. The beginning of this activity became was a representative international conference carried out by BAJ together with the Council of Europe and the Article 19 in June 2003 in Minsk. The conference has created a precedent of open public discussion of problems of TV and radio broadcasting in Belarus. It has allowed to consolidate around this problem representatives of various layers of

the Belarusian society: leading politicians, public figures, deputies of parliament, trade unions, scientists, cultural activists and artists, professional TV and radio journalists.

At the same time the conference has evidently demonstrated lack of readiness of democratic public to formulate specific goals of such reform, to determine ways and methods of its realization. The participants have shown an amazing lack of information on the experience of demonopolization of state broadcasting and on creation of effectively operating models of public service broadcasting in Western and Eastern Europe. The participants of the conference had adopted a resolution stating: a) the necessity of carrying out nation-wide information and education campaign to prepare the conditions for transformation of state TV and radio into a really independent institute of a public service broadcasting; b) development of the law of the Republic of Belarus on TV and radio broadcasting in line with international standards.

The campaign should begin with preparation of the conceptual basis for searching for the ways of demonopolization of state TV and radio, creations of the pluralistic system of TV and radio broadcasting in Belarus. **The book suggested for publication should serve as such conceptual basis.**

The book contains three main directions:

- exact diagnostics of the existing situation, realistic assessment of the complexity of situation in Belarus;

- comprehensive evaluation of European and global experience of demonopolization of broadcasting, creation of public service broadcasting, democratization of broadcasting in general;

- estimation of possibilities of introduction of major elements of pluralistic system of broadcasting in conditions of Belarus, possible problems and threats.

Naturally, all three directions are developed in the book not separately, but in connection with specific political, social and professional aspects of reform of the

monopolistic system of state TV and radio broadcasting. The book is written in a simple language and publicistic style, suitable for various audiences. It consists of the foreword, fifteen chapters and conclusion. Besides, the book contains a catechism, representing its contents in the form of questions and short answers.

The **introduction** shortly states the task of the edition, shortly describes the attitude of various layers of the society to the idea of reforming TV and radio broadcasting and difficulties on the way of its promotion in the Belarusian society.

«Life as a clip» - the first chapter of the book. It contains a rich sociological material to prove the thesis on the contrast of interests of the audience and aims of broadcasting organizations. This results in sharp deterioration of the quality of broadcasting, estrangement of viewers and listeners, and their "loss" from the media spaces.

The second chapter – **«Let's talk about the basis»** - analyzes the reasons of the current situation from the point of view of the property rights on the means of realization of broadcasting activities. Thoughtless "privatization" and "corporatization" of national broadcasting companies in Russia, loyalty of broadcasters to the state and becoming of own "oligarchs" in Belarus have created a specific sphere of state monopoly. In this sphere the interests of broadcasters are de facto subordinated, on the one hand, to the authorities, and on another hand – to momentary commercial objectives. In both cases the audience is considered an amorphous «object of influence» consuming speculative and biased information and huge dozes of unfair advertising.

The third chapter – **«The right to know everything»** - returns us to basic values of civilized information activities. It is done not by declaring well-known, but abstract for our reader principles of freedom of speech, but "by contradiction" by resembling how TV and radio broadcasting and press was censored in the last years before disintegration of the USSR. The main thesis of the chapter is that the closed societies sooner or later collapse. It is proved by the historical experience of

collapse of the Soviet totalitarian system. For Belarusians the memories about it are the memories about their near future.

The fourth chapter – **«Screen for lawlessness»** develops this thesis on the material of the analysis of the "legal" basis, on which the usurpation of national TV and radio broadcasting by executive authorities is currently performed. The facts of depressing legal status of the state body – Belarusian TV and Radio Company are mentioned. Actual arbitrariness and dictatorship in the sphere of creative activity results in degradation of "state" TV and radio journalism.

«Strangers in the house» - the chapter on specific methods of activity of presidential "propagandists" and "agitators" proving that state TV and radio broadcasting wages psychological war against its own people. The main purpose of this "warfare" is suppression of critical attitudes, ability to analyze the political and economic situation in the country, preventing people from having individual positions.

In the sixth chapter – **«In the beginning there was a word»** - the author asks a question whether international and European experience of free mass-media operations is applicable in this country. The current Belarusian situation gives no grounds for optimism, but the analysis of post-war European and international situation in this sphere shows that the civilized community has passed a difficult way full of mistakes on the way of development of lawful states and democratization of the information sphere.

The seventh chapter – **«Public TV and radio broadcasting as a know-how of Europe»** talks about how it happened in the broadcasting media. Numerous and various facts are used to trace the basic tendencies of transformation of state electronic mass-media into public service broadcasting in the majority of European countries and creations of public service TV and radio in the USA. It tells about what main problems that had to be solved on this way and what role in these processes played the decisions of the European structures – the Council of Europe and the European Commission.

The eighth chapter – **«Thorns and roses»** - once again asks a question about applicability of foreign experience in the Belarusian conditions. This time we ask the question about real (legislative and actual) independence of broadcasting organizations of dictatorship of any of the branches of authority. It gives examples of disputable situations in various countries and contains a conclusion on the position of principle which should be taken by the public of the country in this question.

The ninth chapter **«Freedom and responsibility»** is devoted to consideration of the problem of journalistic creativity in any country. On the basis of documents of the Council of Europe, the European Union and national legislations it is shown how uneasy was the process of establishing the legal balance between the rights of broadcasting organizations for the search and distribution of information and inalienable rights of people and organizations to protect its interests. This experience is of great importance for the legislative activity in Belarus.

The tenth chapter **«Principles of activities of PSB organizations»** contains details on contents and technological aspects of ensuring the rights and interests of population in its mutual relations with public service broadcasters. It gives examples of development of program policy of European and American broadcasters. The program policy of any broadcasting company contains obligations of the broadcaster before the audience which should be observed.

The chapter **«National bodies of management of TV and radio broadcasting»** shows how legal regulation of activity of broadcasting companies is carried out in practice. It reviews the authorities of regulatory bodies in Europe and the USA in licensing broadcasting activities, program policy management and resolving conflict situations. The question of real independence of these bodies from the state is not less important for us. While stating large variety of international experience in this sphere, we say which elements of PSB management would be most applicable in conditions of Belarus.

The economic aspects of activity of broadcasting organizations are analyzed in the twelfth chapter **«Financing of public service broadcasting».** The chapter analyzes the practice of collection of a license fee and a degree of state participation in distribution of incomes of broadcasting companies in a number of European states. A special attention is given to such aspect as preventing state bodies from applying financial levers of pressure on broadcasters. The practice of commercial activities of public broadcasting organizations and related restrictions in receipts from advertising and sponsor's payments is studied.

The problems of mutual relations between public TV and radio broadcasters and their colleagues from the commercial sector of electronic mass-media are examined in the thirteenth chapter – **«Public service and commercial broadcasting: partners and competitors».** A certain "diffusion" can be stated in the contents of programs and methods of activities of public service and commercial broadcasters. At the same time the guarantee of viability of public service TV and radio broadcasting is preservation of competitive environment in the market of electronic mass media. Observing such balance is a necessary attribute of democratic character of relations in broadcasting media.

Chapter fourteen **«Public broadcasting and its audience»** is devoted to interaction broadcasters with the audience. The main accent is made on dialectic character of these relations. On the one hand, viewers and radio listeners should have the right to influence on the contents and the form of programs for which they pay. There are special procedures in the majority of countries of Europe to protect this right. On the other hand, the broadcaster should have a certain freedom of activity and a right for creative search. Blind indulgence to the tastes of public is not always beneficial.

Chapter fifteenth **«Model for Belarus»** has a character of a survey. On the basis of what has been already said earlier, the author makes a cautious attempt to summarize the experience studied and to make conclusions about conditions of its application in Belarus. The main conclusion of this chapter is that foreign

experience is rather varied, as it reflects the specifics of national conditions of various countries. At the same time there are basic principles which cannot be ignored, like ensuring economic and creative independence of public service and commercial broadcasters, and ensuring of their responsibility before the society. Otherwise the specific model of the broadcasting system in Belarus will have the features with which the majority of people living in this country will agree.

In **the conclusion** the author shortly describe the program of carrying out of the information and educational campaign which could trigger wide-scale public discussion about the ways of reforming the broadcasting system in Belarus.

Об авторе книги (на 4 стр обложки)

Фото автора.

Эдуард Рудольфович Мельников родился 1 марта 1951 года в г.Бобруйске, Беларусь. В 1972 г. окончил Белгосуниверситет по специальности «журналистика». Начал трудовую деятельность на Белорусском телевидении. В 1972–1978 гг. – младший редактор, редактор, старший редактор, комментатор в редакциях экономики, общественно-политических программ. В 1978–1986 - заместитель главного директора программ Белорусского телевидения. В 1982 г. в Ленинграде защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1986–1991г.г. - доцент Института политологии и социального управления. В 1991–1992гг.- руководитель коммерческих видеопроизводящих организаций. В 1992–1994 гг. заместитель главного редактора, главный редактор общественно-политических программ Белорусского телевидения, заместитель председателя Госкомитета Республики Беларусь по телевидению и радиовещанию. В 1995–1999 гг. - руководитель пресс-службы Исполнительного секретариата СНГ. В 1999–2000 гг. - генеральный директор ЗАО «Белорусская деловая газета». С 2000 – вице-президент, заместитель председателя Белорусской ассоциации журналистов.

Автор большого количества телевизионных программ, документальных фильмов, газетных и журнальных статей. Имеет более 80 научных работ, в том числе 4 монографии.